

Индекс **П8643**

2
2025

РОССИЯ XXI 2025 2



РОССИЯ XXI

2. 2025 апрель-июнь



Национальная доктрина

Андрей Богданов

Царевна Софья и ее фавориты. Окончание _____ 6



Россия в мире

Александр Андреев

«Свободное костелов каменное
строение охотно его царское величество
позволяет...»: как и когда было разрешено
католическое храмостроительство в России _____ 42



Ярлыки и мифы

Андрей Келлер

Двойник В.И.Ленина в Смольном
по мотивам картины И.И.Бродского _____ 66



Ресурсы нации

Владимир Горлов

Дискуссии в обществе о месте
кооперативной формы хозяйства
в экономической системе Советского
государства в 1920-е годы _____ 92



Актуальный архив

Геннадий Костырченко

«Восточная политика» Гитлера:
какое будущее нацисты готовили
народам СССР _____ 112



Страницы истории

Игорь Татаринов

«Идя навстречу желанию трудящихся...»:
попытки исправления российско-укра-
инской межреспубликанской границы
в 1928–1944 гг. _____ 134

Олег Волобуев

Детские годы. Ялта.
Декабрь 1931 – июнь 1941 _____ 156

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники;

Киянская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Соловьев К.А., доктор исторических наук, профессор РАН, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ)», профессор кафедры истории и теории исторической науки РГГУ, главный научный сотрудник Института российской истории РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ.

Журнал «Россия XXI» включен
в утвержденный ВАК Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Ковалев М.В.;
Любин В.П.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).
Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

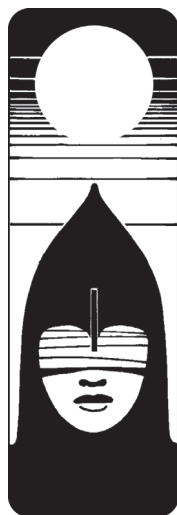
Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

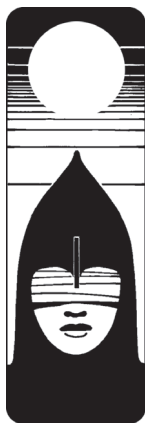
Всякая власть предполагает
минимум права, всякое право
минимум власти.

Борис Вышеславцев

Нет ничего опаснее для
государства, чем эти высокопарные
и лишенные ума моралисты,
сосредоточившиеся на небольшом
круге идей и повторяющие слова
своих любовниц...

Гельвеций





Андрей Богданов

ЦАРЕВНА СОФЬЯ И ЕЕ ФАВОРИТЫ.

ОКОНЧАНИЕ*

НАЦИОНАЛЬНАЯ ДОКТРИНА

УДК

94 (47) 08

Статья рассказывает о характере и государственных деяниях царевны Софьи Алексеевны (1657–1704) и ее «товарищей», как называли в XVII в. ближайших коллег и помощников. Исходной точкой исследования стала историографическая легенда о любовной связи царевны с политиком князем В.В.Голицыным (1643–1714) и администратором Ф.Л.Шакловитым (ок. 1645–1689), рассказанная князем Б.И.Куракиным в Париже в 1723–1727 гг. В первой части статьи говорилось, как царевна весной и летом 1682 г. остановила восстание лучших полков новой русской армии и подавила бунт староверов, добившись умиротворения путем организации двоевластия государственных структур с восставшими. Здесь предстоит рассмотреть меры Софьи по ликвидации восстания и преодолению его последствий правительством компромисса (1682–1689), в котором Голицын и Шакловитый играли главную роль.

The article tells about the character and state deeds of Tsarevna Sophia Alekseyevna (1657–1704) and her “comrades”, as their closest colleagues and assistants were called in the 17th century. The starting point of the study was the historiographic legend about the love affair of the Tsarevna with the politician Prince V.V. Golitsyn (1643–1714) and the administrator F.L.Shaklovity (c. 1645–1689), told by Prince B.I.Kurakin in Paris in 1723–1727. The first part of the article told how the Tsarevna stopped the uprising of the best regiments of the new Russian army in the spring and summer of 1682 and suppressed the revolt of the Old Believers, achieving pacification by organizing dual power of state structures with the rebels. Here we will examine Sophia's measures to eliminate the rebellion and overcome its consequences by the compromise government (1682–1689), in which Golitsyn and Shaklovity played the main role.

Ключевые слова: Фаворитизм; царевна Софья; Василий Голицын; Федор Шакловитый; Борис Куракин; Сильвестр Медведев.

Key words: Favoritism; Princess Sophia; Vasily Golitsyn; Fyodor Shaklovity; Boris Kurakin; Sylvester Medvedev.

E-mail: bogdanovap@mail.ru

* Окончание. Начало см.: Россия XXI. №2025-1. С.30.

Трое в одной лодке

Летом 1682 г. в Москве установилось двоевластие. Московские стрельцы и солдаты выборных полков, тогдашней гвардии, опираясь на сочувствие широких слоев посада, смели правительство А.С.Матвеева, посадили на трон 16-летнего царя Ивана и заявили о себе как о постоянной силе, гарантирующей соблюдение правды. Все их требования были удовлетворены. Правительство работало под контролем их представителей. Никакой силы против новой «надворной пехоты» в России не было [19, с.245–260]. Царевна Софья, которая утихомирила восставших, дав им в залитом кровью «изменников-бояр» Кремлевском дворце все возможные обещания, понимала, что сохранение ситуации ведет к гибели дворянское государство, в котором ее семья была первым владельцем земель, крестьян и прикрепленных к «тяглу» горожан. Она решила начать борьбу против восстания, собирая вокруг себя всех, кто не был запуган насмерть.

Не то, что победить: просто начать сопротивление двоевластию можно было, вывезя царскую семью из Москвы, где цари оставались под контролем восставших, которые могли издавать их именем указы без посредства царевны, главы Стрелецкого приказа князя И.А.Хованского и кого бы то ни было. Ежегодно царская семья проводила лето в походах по дворцовым селам и монастырям. В 1682 г. это было невозможно по трем причинам. Во-первых, надворная пехота этого справедливо опасалась. Во-вторых, юные цари и их родственники, особенно царица Наталия Кирилловна, не горели желанием подвергать себя опасности в новом столкновении с восставшими. Наконец, сама организация царского выезда из Москвы представлялась невозможной ввиду отсутствия людей, лошадей, подвод, припасов и всего прочего, чего нельзя было найти в виду бегства чинов двора из Москвы и развала работы центральных ведомств-приказов [9].

Первую и вторую задачи Софья взяла на себя: успокоила восставших, часть которых (благополучно подкупленная) должна была поехать с царями, доказала родственникам, что в Москве им не выжить, и запугала бояр перспективой нового социального взрыва. Но реально осуществить выезд двора из Москвы и организовать сбор войск на его защиту царевна не могла никак. Для этого ей нужны были крепкие руки и гениальные головы, способные действовать вне дворца. Ими и стали люди, впоследствии составившие правительство регентства (1682–1689), из которых выделяются двое: блистательный боярин князь Василий Васильевич



Аллегорическая гравюра к книге Лазаря Барановича «Благодать и истина». Фрагмент. Царевна Софья с орлиными крыльями Софии Премудрости Божией парит над Христом, благословляющим царей Ивана и Петра. Гравер И.Щирский. Чернигов, 1683

Голицын (1643–1714) и простой дьяк Разрядного приказа Федор Леонтьевич Шакловитый (ок. 1645–1689), – оба намного старше царевны Софьи, которая 25-й день рождения 17 сентября 1682 г. отметит казнями, хотя и не станет на них смотреть.

Эти выдающиеся мужи могли выдвинуться и без царевны. Собственно, Голицын уже выдвинулся [18]. Род его, влекущийся от Гедимины, в XVII в. вошел в число 17 фамилий первых аристократов, чьи дети с малолетства записывались в стольники и служили царям, царицам и их детям, вырастая вместе с ними. Они имели привилегию пожалования из стольников прямо в бояре, минуя чины думных дворян и окольничих, которые аристократам занимать было «не вместно». Княжич Василий, наследник старшей ветви рода, и в стольники запоздал, записавшись на службу только с 15 лет (1658), и боярского чина ждал еще 18 лет (1676). Времени этого он не потерял: получил самое современное по тем временам образование, так что латинский язык науки и дипломатии был

у него разговорным, для застольной беседы, собрал прекрасную библиотеку (о которой мы знаем по материалам конфиската 1689), а главное – в высшей мере удачно женился на Евдокии Ивановне Стрешневой, дочери двоюродного брата царицы Евдокии Лукьяновны, супруги царя Михаила Федоровича.

Брак был по любви: богатством отец невесты, как и сам Голицын, среди знати не блистал, а боярином стал одновременно с зятем в 1676 г. Уже в 1665 г. Евдокия Ивановна родила первенца, княжича Алексея Васильевича, в 1671 г. княжну Ирину, выданную в 14 лет за столь же юного князя Юрия Юрьевича Одоевского (они прожили душа в душу 20 лет) [26, с.22], будущего генерал-адъютанта, видного сподвижника Петра I. В 1676 г., когда юный царь Федор Алексеевич почти сразу по воцарении почтил Василия Васильевича долгожданным чином боярина, жена подарила ему дочь Евдокию: та потом вышла замуж за окольного Бориса Борисовича Змеева, сына воеводы, соратника отца. Наконец, в 1689 г., накануне ссылки, у супругов родился сын Михаил¹.

Итак, весной 1682 г. князь Голицын имел высший чин боярина, любящую жену и четверых детей, из которых старший, Алексей, с 11-ти лет был стольником царевича (1676), а с апреля 1682 г. спальником царя Петра, в свите которого он оставался и в 1686 г. [28, с. 192]. С ним на старинном московском дворе с прихотливо разбросанными теремами жила его мать. Доход семьи был сравнительно невысоким, но стабильным и достойным. И славы почти 40-летний князь, едва переваливший половину жизни², мог уже не искать. С самого начала царствования Федора Алексеевича (1676–1682) он, произведенный в бояре, стал правой рукой царя-реформатора в делах тонких и политических. Именно он во главе лихого конного корпуса Г.И.Косагова, взял в 1676 г. столицу Правобережных гетманов Чигирин, уговорив казаков выдать гетмана-изменника П.П.Дорошенко с полученной от султана булавой и его янычарскую охрану с пушками и бунчуками. Это внесло перелом в долгую и тяжелую войну с Османской империей (1673–1681): та потеряла вассала в Малороссии и вынуждена была год за годом бросать армию на Чигирин вместо похода на Киев [13, с. 149–170]. Внезапный бросок на Чигирин опередил и предательство поляков, в защиту которых Россия при Алексее Михайловиче вступила в войну. Гетманская булава от султана была

¹ Называю только переживших детство: княжичи Петр и Иван скончались в младенчестве.

² Для бояр XVII в. было обычным дожить до 80 лет, а сам В.В.Голицын, несмотря на тяжелые условия ссылки (1689–1714), скончался на 71 году.

брошена к ногам царя (и пожалована им Голицыну) в тот момент, когда король Ян Собеский заключил с турками позорный Журавинский мир, обещав им военную помощь против русских [3, с.185–187].



Портрет канцлера боярина князя Василия Васильевича Голицына.
Гравер Леонтий Тарасевич. Чернигов, 1686–1687

Как будто этой славы было недостаточно, Голицын был в 1678 г. назначен первым воеводой главной армии, сосредоточенной в районе Киева, в то время как многолетний командующий Белгородским полком, армией, защищавшей Малороссию, боярин князь Г.Г.Ромодановский оказался младше его³. Именно Голицын руководил отводом войск, когда Ромодановский с сыном выполнили тайный именной (т.е. особо важный личный) указ царя Федора Алексеевича сдать Чигирин так, чтобы казаки не заподозрили в этом умысла, если не удастся договориться с великим визирем о приостановке боевых действий на иных условиях [14; 15]. Российский бюджет был разорен; османам война без добычи

³ Напрасно Ромодановский в 1676–1677 и 1679 гг., а боярин и воевода князь П.И.Хованский в 1677 г. местничали с не имевшим боевого опыта Голицыным, считая его выскочкой. Царь защищал своего назначенца, а 1 октября 1680 г. вообще отменил местничество в войсках [39, №1668, 1678, 1685, 1692, с.205–208].

на превращенных в пустыню землях Правобережной Малороссии вылетала в копейчку и не позволяла начать поход в богатую Западную Европу. Не взяв Чигирин, османы теряли честь; получив его стертым с лица земли, прекратили боевые действия до 1681 г., когда в Бахчисарае был заключен мир [13, с. 166–189]. В 1679 и 1680 гг. Голицын выводил армию на южный рубеж уже в ходе военно-окружной реформы, сделавшей дворянскую службу в полках обязательной, а армию – на 4/5 регулярной [13, с. 200–226]. Именно он возглавил в 1681 г. собор «государевых ратных и земских дел», который в начале 1682 г. поставил в регулярство и московские дворянские чины, а заодно окончательно отменил местничество [13, с. 275–279].

Руководство Посольским и связанным с ним приказами⁴, которое Голицын получил в ходе Московского восстания 20 мая, когда на бердышах стрельцов едва высохла кровь предыдущего канцлера А.С.Матвеева, а также Иноземным, Рейтарским и Пушкарским приказами, прибавляло князю «честь», но ненамного. Он уже руководил в 1676–1678 гг. Пушкарским и в 1677–1680 гг. Владимирским судным приказами [17, с. 231], то есть и на гражданской службе исполнил боярский долг. Историки, писавшие, как князь становится канцлером в постели царевны (на что у него было 4 дня с момента, когда восставшие покинули дворец, до получения им Большой государственной печати), не помнили судьбу прошлых канцлеров, А.Л.Ордина-Нащокина и А.С.Матвеева, отправленных с этого проклятого поста в ссылку. Да что там канцлер! В мае 1682 г. даже не судья, а думный дьяк Посольского приказа Л.И.Иванов был убит восставшими [10]. Скорее, Голицын шел на руководство этим приказом под плач жены и дочерей, понимавших опасность, которая грозит семье. И не напрасно, потому что и Голицын в 1689 г. последовал в ссылку за предшественниками.

Искать поста канцлера, который добрый царь Федор Алексеевич не напрасно держал вакантным, управляясь с посольскими делами сам с помощью дьяков, было глупо для человека, который уже нашел большую «честь» на войне (эти службы считались высшими), в политике и реформе Государева двора. Но был долг службы государству, которое приходилось спасать. Османы ратифицировали Бахчисарайский мир 4 мая 1682 г. с изменениями, грозившими новой войной за Малороссию, особенно когда до Стамбула дойдут вести о Московском восстании полков, что разбили янычар. Польский король в тайной инструкции, захваченной нашей секретной службой с личным королевским секрета-

⁴Владимирская, Галицкая, Новгородская и Устюжская чети, Малороссийский приказ.

рем, планировал восстание Смоленской шляхты и вторжение в Россию в случае ее успеха. Шведы, с которыми кончалось перемирие, собирали на границе войска, отвечая на нашу обеспокоенность заявлением, что собираются воевать с турками [3, с. 199–200]. А военной силы для отражения всех этих нападений не было: один Голицын мог победить их силой своего ума, и сделал это, заставив всех потенциальных агрессоров послужить интересам России.

Только у Голицына было в мае 1682 г. довольно ума и знаний, был опыт участия в хитроумной политике царя Федора Алексеевича и, что важнее всего, он был компромиссной фигурой, устраивающей и царевну Софью, любившую своего старшего брата Федора и уважавшую его выбор, и сильно потрепанных, но недобитых сторонников Петра, которому служил старший сын князя. Шакловитому, человеку совершенно иного рода и склада, до этих соображений было далеко, и в игру он вступил позже, в августе 1682 г., когда Софья решила вывезти царский двор из Москвы.



Окольничий Ф.Л.Шакловитый в образе святого Феодора Стратилата. Гравер Леонтий Тарасевич. Москва, 1689

Федор Леонтьевич Шакловитый был бюрократом: могучим столпом государства, незаметным на фоне блестящей аристократии, но дающим ослепительные перспективы карьеры. У него не было иных интересов, кроме как корпеть над документами, в духе своего французского коллеги Ж-Б. Кольбера. В отличие от него, Шакловитый происходил из дворян, а не из купцов, и даже не был женат [23]. Люди его рода и склада становились боярами и канцлерами, как мелкие дворяне Ордин-Нащокин и Матвеев, рискуя ссылкой и даже головой. Или безопасно достигали сияющих вершин, не выходя из-за рабочего стола, как кашинский сын боярский Иван Афанасьевич Гавренев. Работая в Разрядном приказе, он стал думным дьяком (1630), думным дворянином (1650) и окольным (1654); женился на княжне Волконской, а дочь выдал за покорителя Малороссии боярина В.Б.Шереметева; получал денежный оклад в пять (!) боярских; ушел с руководства приказа по личному прошению (1661), перед смертью (1662) [17, с. 146–147, 229; 20, с. 113].

Брянский сын боярский Шакловитый начал в 1660-х службу в приказе Тайных дел [25, с. 60], затем хорошо показал себя в том же Разрядном приказе, где достиг высот И.И.Гавренев: в центральном военном ведомстве России, обеспечивавшем кадровый состав, деятельность и документооборот Государева двора с 8 марта 1676 г. [17, с. 148] до 8 мая 1682 г. [21, с. 16]. Шакловитый отмечен там как дьяк. Чин думного дьяка, разом ставящий его над четырьмя ступенями московского дворянского списка⁵, он получил в обстоятельствах крайне опасных.

В августе 1682 г. Федор Леонтьевич был назначен в поход с царевной Софьей и царской семьей. Но прибыл для обеспечения Двора в Коломенское не 20 августа, как все, а со 2 августа сражался там за отсутствующие подводы и ловил на службу разбежавшихся и попрятавшихся дворян [21, с. 73]. «Не видать» было назначенных в поход стольников, стряпчих и начальных людей, да и многих документов в Разряде было «не сыскано»⁶. Все приходилось делать тайно: вывоз царей из Москвы тщательно готовился 17 дней, но надворной пехоте и главе приказа Надворной пехоты князю И.А.Хованскому, который вошел в роль «отца солдатам», был неведом до момента, когда свершился.

Почему в столь важный поход взяли не старого опытного думного дьяка В.Г.Семенова, а сравнительно молодого дьяка Шакловитого, ясно

⁵ Думные дьяки писались в боярских книгах, списках и документах выше стольников, дьяки – под стольниками, стряпчими, дворянами московскими и жильцами.

⁶ Письма к Шакловитому от оставшегося в Москве дьяка Разрядного приказа П. Ф. Оловяникова с 3 августа до 6 сентября 1682 г. [21, с. 73–79].

из большой кипы дел Приказного стола Разряда за конец лета и осень 1682 г.⁷ Работоспособность Федора Леонтьевича была феноменальной, а его умение справляться с делами при острой нехватке людей и документов – поразительно. Там, где другие, в том числе оставшийся в Москве разрядный дьяк П.Ф.Оловянников, разводили руками, Шакловитый находил решения. Он держал в голове все организационные вопросы, выполняя приказы царевны Софьи и князя В.В.Голицына, которые его работу делать не могли.

17 [20, с.571] или 22 августа [17, с. 148] 1682 г. Шакловитый был впервые упомянут в документах как думный дьяк. Напрашиваться на это пожалование ему не было нужды. Разрядный приказ, в отличие от других центральных ведомств, управлялся думными дьяками. Это кажется странным для первого по «чести» приказа, управление которым поставило бы боярина-судью над всеми боярами. Но управлявшие страной 17 аристократических родов не желали возвышения одного из них, предпочитая нейтральный арбитраж своих местнических споров. А главное – приказ был личной канцелярией царей. Он официально стоял над иными приказами (кроме Посольского). Царь Федор Алексеевич закрепил это положение, повелев писать из Разряда в другие приказы и воеводские приказные избы военных округов указы (распоряжения), а не памяти⁸. Разрядные указы должны были идти за приписью думного дьяка, которым и назначили в походе Шакловитого.

Новоиспеченный думный дьяк внес неоценимый вклад в серию операций правительства Софьи и Голицына, которые к ноябрю 1682 г. привели к полному утишению восстания и возвращению двух царей в Москву. Первой его задачей была подготовка и осуществление выезда царей в село Коломенское и сбор там чинов Государева двора и служилых иноземцев: эвакуация их из Москвы и розыск по деревням. Ко 2 сентября эта задача была решена, насколько удалось сделать без официального объявления. Теперь нужно было заставить собрание, не разбегаясь, ускользнуть из пределов досягаемости восставших в селе Коломенском и, не выдавая своей цели, запутать следы царей, направляющихся на самом деле в село Воздвиженское, а оттуда за крепкие стены Троице-Сергиева монастыря.

Когда все было готово к бегству, операция вступила во вторую стадию: 2 сентября 1682 г. на воротах царского двора в Коломенском по-

⁷ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 6–6а, 13: книги и столбцы Приказного стола.

⁸ Указ от 23 февраля 1677 г. опубли. [13, с.522].

явился Извет на князей Хованских, которые «на царство покусились»⁹. Оба царя, осторожная царица Наталия Кирилловна, юная вдова Федора царица Марфа Матвеевна и виднейшие бояре были напуганы. В тот же день двор двинулся в село Воробьево, достигнув его засветло [21, с.264]. Движение было подготовлено, а значит и Извет появился на воротах строго по плану. Для сравнения: когда в ночь с 7 на 8 августа 1689 г. в Преображенском объявили о «всполохе» стрельцов, на сей раз якобы организованном Шакловитым (на самом деле его устроили награжденные впоследствии агенты матери Петра), и царь бежал в Троицу в одной рубашке без сапог, двор смог выступить вслед за ним только через сутки. И это в мирное время, когда все люди и подводы были в наличии.

Подготовка выдвижения в Коломенское заняла у Шакловитого 18 дней, со 2 до 20 августа, а похода из Коломенского – 12 дней. Тонким местом всегда были подводы. Только царская семья жила во время летних походов в палатах дворцовых сел, немногие члены свиты расселялись по избам, а большинство – в палаточном лагере. В шатрах часто жили и сами цари [36]. Этот лагерь надо было сворачивать, разворачивать и перевозить, требовались лошади, телеги и возницы. О качестве подготовки бегства говорит резвость движения двора. 4 сентября он прибыл из Воробьева в село Павловское. 6 сентября перешли в Звенигородский Савво-Сторожевский монастырь. 10 сентября двор вернулся в Павловское, 12 сентября пришел в Хлябово, а 13 сентября в Воздвиженское [21, с. 80–81, 264].

Как только цари были вывезены из восставшей столицы, пришел черед действовать князю Голицыну. Пока двор метался «странным путем», на князя в Москве уже начали стряпать дело об измене [21, с. 119–120, 124]. Самоубийц, вроде боярина А.С.Матвеева, который в начале мая 1682 г., вернувшись из ссылки и возглавив правительство, обещал перевешать бунтовщиков, не имея на это реальных сил, в совете царевны Софьи не было. В Москве не осталось правительства: даже боярин князь Ф.Ф.Куракин, который по традиции должен был его возглавлять в отсутствие царей, так хорошо скрывался в своей вотчине, что был никакими силами неизвлекаем оттуда до 2 октября [21, с.86, 134, 154–155, 164, 179–181]. 14 сентября в Воздвиженское стараниями Шакловитого были поименно вызваны первые чины двора, которые могли бы составить новое правительство и возглавить полки пока гипотетической армии [21, с.81–84]. Не все прибыли, но отзывавшиеся на призыв составили костяк правительства регентства [21, с.264–265].

⁹ *Обстоятельства появления и использования извета детально рассмотрены [9].*

Правительству требовался официальный глава. Любезнейшая переписка Голицына, в конце июля благоразумно отбывшего в свое поместье, с думным дьяком Посольского приказа Е.И. Украинцевым показывает, что *de facto* всем распоряжалась царевна Софья, вникавшая во все детали [21, с.60–69]. «Какие дела прилучатца, докладывай государыни сам, — писал канцлер своему помощнику, — а не через людей боярина князя Ивана Григорьевича Куракина с товарищи» [21, с.66]. «И ты, как государыня тебе указала, так и делай тотчас» [21, с.77]. Украинцев сообщал канцлеру, что именно «изволила благоверная государыня царевна и великая княжна София Алексеевна имянно приказать» командующему солдатами В.А.Змееву или стольнику П.И.Потемкину, только вернувшемуся из великого и полномочного посольства во Францию, Испанию и Англию (1680–1682). У того царевна запросила латинские списки с грамот иноземных государей царям и предложила, если у него готов посольский отчет, «к руке поставить», т.е. завершить миссию приемом во дворце. Потемкин счел претензии девицы на занятия дипломатией вздором, царевне отказал и поехал докладывать Голицыну [21, с.68]. В результате он попал под суд, лишился посольской службы [31] и получил новый чин лишь два года спустя — царевна неуважения не спускала.



Портрет стольника П.П.Потемкина. Готфрид Кнеллер, Лондон, 1681–1682 гг. Эрмитаж

Но девица не могла возглавлять Думу, это была обязанность «конюшего боярина», а тем более командовать армией вместо главнокомандующего – «дворового воеводы». Обе должности 18 сентября получил Голицын [21, с. 138]. Это была большая честь и вместе с тем огромная ответственность, поскольку проигрыш означал потерю головы. Голову первым потерял князь Иван Андреевич Хованский с сыном Андреем, которых вызвали в Воздвиженское и, разгромив их охрану, казнили 17 сентября, объявив стране, что Московское восстание – попросту их заговор для захвата престола, а надворная пехота – всего лишь их оружие. Организовал эту операцию Шакловитый, а казнили князей люди Голицына [9].

Софья всего лишь санкционировала казнь, на которую никто без нее не мог бы решиться. 17 сентября она отмечала в Воздвиженском свой 25-й день день ангела, святой Софии, матери Веры, Надежды и Любви. Утром на службе св. Софии в храме стояли оба царя и весь с трудом собранный двор «в объяринных в цветных кафтанех». «А после божественные литургии в хоромех великая государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна изволила бояр, и околничих, и думных людей жаловать водкою»¹⁰. В это время Шакловитый, в столь высокое общество не вхожий, строчил приговор двум пойманным Хованским (ловили трех князей, но один в этот день бежал и из приговора был исключен) [35, с. 135–140].

Испив из царевниных рук, бояре, окольничие, думные дворяне и думные дьяки получили от имени царей указ «всем» выйти за «передние ворота» двора в Воздвиженском. Там, у большой московской дороги, стояли скамьи, на которых общество расселось по традиционным «местам». Сюда же привели плененных князем М.И.Лыковым князей Хованских, а Шакловитый огласил приговор, который объявил их единственными виновниками Московского восстания. Слова в свою защиту князьям не дали. Все чины двора, кроме членов царской семьи, наблюдали главоотсечение и были отныне связаны брызгами крови их собратьев [21, с. 86].

Не то, что Шакловитый, который войны не видал, но и сам Голицын не могли измыслить столь отважного дела. Василий Васильевич не любил Хованских, с одним из которых в 1677 г. местничал [39, № 1678, с. 206], но головы боярам и князьям не рубили уже сто лет, да еще без

¹⁰ См. свиток Приказного стола Разрядного приказа: РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 13. Столбцы Приказного стола. Ч. 2. Стлб. 609. Л. 20–24. Опубл. [21, с. 85].

суда!¹¹ Софья и сама не отличалась кровожадностью. Однако она уже пыталась начать сбор дворянского ополчения, подготовив 6 сентября указ о мобилизации в стиле «отечество в опасности» [35, с. 128–134; 21, с. 113–117], но не смогла собрать и горстки чинов двора, не то, что тысяч уездных дворян. Войны не было, правительство все лето скрывало, что им руководит «надворная пехота», объявление лучших полков армии «ворами и изменниками», «врагами божьими» не срабатывало. Казнь Хованских, которую Шакловитый готовил с «обнаружения» известа на них 2 сентября [35, с. 127–128], давала Софье войну, списание грехов двоевластия и сплочение двора вокруг нее в страхе перед расплатой.

Наудачу, рубясь со стрелецкой охраной и холопами Хованских, дворяне Лыкова упустили младшего из князей, Ивана Ивановича. Ему удалось без дорог, лесами и болотами, добраться до Москвы, где восставшие мгновенно поняли: началась война. Не дожидаясь царских грамот о казни Хованских, которые объявляли восстание преступным, но снимали с надворной пехоты прежнюю вину, стрельцы и солдаты вскрыли арсеналы, расставили на бастионах вокруг столицы войска и пушки, вооружили горожан и приготовились к обороне от царских войск, которых у Софьи, Голицына и Шакловитого не было¹².

Испуг царедворцев, никого из которых уже не осталось в восставшей Москве, был так велик, что у них исчезли мешавшие делу Софьи вопросы: зачем собирать армию, как бы чего не вышло; почему первым боярином думы и командующим должен стать Голицын, когда есть более знатные люди; кто должен возглавить полки? Первые два вопроса снялись при известии о вооружении Москвы 18 сентября, а споры о воеводствах продолжались до 26 сентября [21, с. 138], хотя ни возможности отступления, ни сил для наступления у временщиков и всего двора не было.

Сбор гигантского дворянского ополчения для одоления Московского восстания представляет картину эпическую и одновременно ирони-

¹¹ Даже царица Наталия Кирилловна Нарышкина казнит 11 октября 1689 г. окольного Ф.Л.Шакловитого, обвиненного в подготовке покушения на Петра, с заprotoколированным розыском, «речами» обвиняемого, сведениями о суде и приговоре, а не только сказкой о смертной казни, как в деле Хованских [34, т. I]. Аналогично, с солидным розыскным делом, был 11 февраля 1691 г. главоотсечен Сильвестр Медведев [34, т. III]. Софья же, не ограничившись казнью Хованских, осенью 1682 г. велела хватать, ссылат в Сибирь и «в дальние деревни» родственников Хованских без всяких объяснений [21, с. 148, 152–153, 173–176, 182, 185].

¹² 18 сентября 1682 г. в Москве находилось 19 стрелецких полков численностью до 1000 человек каждый и 2 выборных солдатских полка, каждый более 2000, итого 23 тысячи бойцов. К ним надо прибавить мощную боевую единицу, Пушкарский полк: пушкары подерживали восставших [19, с. 278–288; 21, с. 89–90].

ческую. Эпическими были усилия Шакловитого, сумевшего призвать на службу огромное число дворян с их холопами, не располагая документацией Разряда, оставшейся в Москве. Ирония состояла в сборе старинного ополчения после перехода армии на регулярную службу усилиями царя Федора Алексеевича и его помощников, не последним из которых был Голицын. Но князь не мог взять войска из пограничных военных округов по двум причинам: стране грозили внешние враги, а чем более регулярными были полки, тем больше они сочувствовали надворной пехоте¹³. Собрать смогли 40, 100 или 150 тысяч человек, но ни один из этих ветхозаветных воеводских полков не вышел на предназначенные им рубежи вокруг Москвы, штурмовать которую дворянам и в ум не приходило. В Троице, где укрылись цари и дворовый воевода, царю унылое понимание невозможности победить восставших в бою¹⁴. По словам прибывшего в Троицу датского посла фон Горна, если бы восставшие, вслед за объявлением военного положения в столице 18 сентября, потребовали выдать им «Голицына, Одоевского и других» бояр, «то пришлось бы это сделать» [16, с. 85–86]. Впрочем, по мере сбора толп дворян, дух царей и бояр укреплялся.

Шакловитый сделал свое дело: снабдил Софью и Голицына какой-никакой военной силой. Голицын с трудом, но сформировал правительство в Троице и командный состав новой старой армии. Теперь им втроем под руководством и при личном участии царевны Софьи предстояло решить, как одолеть Московское восстание без единого выстрела, от которого их воинство могло разбежаться, и разрушительных последствий. Эта задача путем серии хитроумных интриг, устрашения и обольщения была лично царевной решена [9, с. 41–42, 44–50]. Стрельцы и солдаты были признаны невиновными в восстании и сохранили все денежные прибавки и пожалования, но отказалась от звания надворной пехоты, участия в управлении государством, жалованных грамот за спасение России и памятника своей победе на Красной площади [19, с. 301–312].

В ноябре 1682 г. царский двор вернулся в усмиренную Москву, и правительство столкнулось с попыткой устранить его от власти как сделавшее свое дело. Но ситуация все еще была настолько сложной, что противникам Софьи при дворе оставалось только злобствовать и распускать слух, что царевна или ее родственник боярин И. М. Милославский все восстание в сговоре со стрельцами и устроили [2]. Внешнеполитические

¹³ О волнениях военных по всей стране [19, с. 318–346].

¹⁴ Мобилизация и ее результаты рассмотрены по всем источникам [19, с. 289–301; 9, с. 37–40].



Парсуна боярина князя Никиты Ивановича Одоевского, главы рода.
Неизвестный художник, начало XVIII в. ГИМ

проблемы не были решены, а положение в столице не стало стабильным. Стрельцы и солдаты сложили оружие по доброй воле. Многие завоевания остались при них, главари не были выявлены и казнены, а просто уволены со службы. «Страхование» в столице, судя по дворянскому челобитью [21, с. 232–233], продолжалось и после возвращения царского двора в Москву. Решительные действия против смутьянов, рассылка по стране и «перебор» полков требовали от правительства поступать серьезно и осмотрительно, не теряя головы – в прямом смысле слова. 10 декабря Стрелецкий приказ возглавил Шакловитый, а 30-го царевна Софья с избранными боярами «у себя в комнате» утвердила его детальный план по обезвреживанию служивых, который тут же был принят к исполнению [35, с. 186–200].

Софья удержала власть, но сознательно начала пилить сук, на котором сидела. Она встала за тронем как умиротворительница и сохраняла влияние в этом качестве до тех пор, пока семь лет спустя опасность социального взрыва не исчезла вовсе. Мудрыми были ее законодательные инициативы и политические комбинации Голицына, смелыми – деяния и планы Шакловитого. Успехи правителей России во внутренней и внешней политике их и сгубили.

Горе от ума

После падения правительства регентства в 1689 г. летописцы [5], а затем и историки не могли понять, как Софье Алексеевне мирно

удалось подавить мощнейшее восстание, поставив надворную пехоту перед выбором: «вы за или против порядка в государстве»? Подавление восстания обязано было завершиться казнями, как повелось от века. В головах не укладывалось, что в России целых семь лет могло существовать правительство компромисса между интересами сословий. Но такова была политика царевны в реальной обстановке.

Софье приходилось считаться с интересами служивых по прибору, кормившихся ремеслом и торговлей, да и всего торгово-промышленного населения, располагавшего крупными капиталами и армией работных людей в городах и промышленных селах, вроде Лысково, Мурашкино, Иваново или Спасское. Не имевшие политического голоса, кроме бунта (ибо Земские соборы давно превратились в фикцию), торгово-промышленные круги были связаны с правительством узким слоем входивших в привилегированные корпорации гостей, Гостиную, Суконную и Кадашевскую сотни. Для защиты дворянской власти их можно было лишь уничтожать, заменив промышленниками-крепостниками, подконтрольными бюрократическим структурам, как поступало в I четверти XVIII в. правительство Петра I [1, с. 161–165]. Царевна на это пойти не могла, не потеряв власть в придворной борьбе еще до того, как произошел бы социальный взрыв [12, с. 36–38].

Софья умиротворяла государственное торгово-промышленное (а не крепостное) население, следуя привитой ей Симеоном Полоцким органической теории «порядка» в отношениях между частями «государственного тела»: головой-правительством и местной администрацией, производительными руками, ногами и т. п. «Невозможно иметь мирствовать многое множество людей, не возмев в судах правосудства», – указывал царевне Сильвестр Медведев, излагая эту концепцию в «Созерцании» [35, с. 68–72, цит. с. 71]. Правосудие всегда было скорее мечтой, чем реальностью, но к ней можно было немного приблизиться. Деятельнейший Шакловитый не только возглавил Стрелецкий приказ, но руководил кадровой политикой правительства регентства, имея исключительное право доклада Боярской думе о штатах и окладах центральных ведомств. Острый ум, мужество и просто д'артаньяновская выносливость Федора Леонтьевича не раз использовались Голицыным в затруднительных положениях. Так что звание ближнего окольничего,



Царевна Софья Алексеевна. Гравюра 1687 г., Париж

полученное летом 1689 г. [28, с.464], было небольшой платой мелкому дворянину Шакловитому в век, когда такие же дворянчики Ордин-Нащокин и Матвеев стали боярами и канцлерами, а Дума была запружена выслужившимися из низов чиновниками и генералами.

Сама царевна Софья, вслед за царем Федором, сосредоточила внимание на контроле за правосудием и искоренении должностных злоупотреблений, продолжила практику передачи управленческих функций (особенно финансовых) выборным людям от налогоплательщиков. Правительство охраняло свое производство и торговлю с запада с помощью протекционистских мер и открывало русским товарам двери на восток. Софья и ее сподвижники реально совершенствовали систему законов по защите имущественных прав подданных. Огромное значение имело утверждение единых мер и весов (1686 г.), разработка «новоприбавочных статей» к Соборному уложению 1649 г. о разбойных и татиных (воровских) делах, издание Новоторговых уставных статей (1687) и допол-

нений к Новоторговому уставу (1689), утверждение государственного тарифа на ямские перевозки (1688), которыми была связана вся страна [8, с. 32–34].

Протекционизм не означал установление «железного занавеса». Напротив, Голицын широко открыл двери западным людям и технологиям, уделяя особое внимание качеству приглашаемых в Россию специалистов, причем даже зарубежные гости отмечали, что «новые» иностранцы на русской службе компетентнее «старых». Главные – и богатейшие – рынки сбыта русской промышленной продукции были на юге и востоке. Но внедрение новых технологий и знаний [30], начиная, по обыкновению, с военных, и повышение конкурентоспособности русской промышленности сделало бы со временем актуальным прорыв на Балтику, к которому чуть ли не все столетие призывали Россию западные страны [38].

Говоря о внешней политике канцлера Голицына, историки обращали внимание на ее новые формы. Действительно, над возведенным князем зданием Посольского приказа красовался глобус, а наши великие и полномочные послы постоянно работали с Францией, Англией, Голландией, Испанией, Священной Римской империей германской нации, Папским престолом, государствами Германии и Италии, Османской империей и восточными ханствами. Отлично налаженная дипломатическая и разведывательная служба позволяла правильно ориентироваться в делах Европы и значительной части Азии. Сводки о последних событиях регулярно ложились на стол Голицына, Софьи и, в сокращенном виде, зачитывались в Думе. Канцлер практиковал домашние приемы послов, с которыми свободно говорил на латыни и даже не заставлял пить водку (к которой сам был равнодушен [12, с. 126, 149–150]). Но преобразова-



Палаты Голицына в Охотном ряду, реконструкция

ния были глубже: изменилась сущность переговоров, в которых русские, позволяя иноземцам считать себя учителями «варваров-москвитов», на деле вели свою международную игру [3, с. 199–210].

Так, реваншизм шведов и жгучее стремление Дании, Франции и Пруссии втянуть Россию в военный союз против Швеции Голицын использовал для того, чтобы датчане в предвкушении, как они используют «москвитов» в войне, а шведы в страхе перед коалицией заключили с Россией выгодные договоры: Дания торговый, Швеция – о продлении мира. Много лет заняла операция со Священной Римской империей, Венецией и Речью Посполитой. Побиваемые османами, все они пытались переложить тяжесть войны на Россию, как уже было в 1673–1681 гг., обещая Голицыну Крымское ханство и даже Стамбул с проливами, чтобы Россия или окончательно истощилась в войне, или, в случае успеха, встала щитом между османами и Западной Европой. Канцлер, осведомленный о стремлении поляков напасть на Россию, когда она втянется в войну с османами, предлагал участие России в Священной лиге минимальное, но решающее: блокировать силами русской армии Крымское ханство.

Поляки обливались кровью, но крепко стояли на том, что «москвиты» должны быть обмануты. Голицын, обеспечив временный нейтралитет Франции на Рейне и заручившись помощью римского папы, организовал давление на Варшаву со стороны Вены, Рима и Парижа, а Крым убедил отказаться от сепаратных переговоров с поляками. Ценой вступления России в Священную лигу он установил Вечный мир с Речью Посполитой, которая должна была навсегда уступить России Киев и Смоленск с их округами. После бурных переговоров в Москве в 1686 г. был подписан договор о Вечном мире России и Польши, а в 1687 г. в Кракове король с рыданием ратифицировал документ о правах России на все возвращенные ею русские земли. Одновременно в договоре признавалась власть Киевского митрополита над православными Польши и Литвы [29]. А тот, благодаря хитроумной дипломатической операции на Востоке, перешел от Константинопольского патриарха под власть Москвы [11, с. 371–391].

Платой за эти достижения стали Крымские походы 1687 и 1689 гг., в ходе которых русская армия должна была строго соблюдать условие князя Голицына: блокировать Крым, но ни в коем случае не вторгаться в него, становясь главным врагом Османской империи и позволяя союзникам выскочить из войны. Фуа де ла Невиль отметил [12, с. 158], что как только Голицын принял звание главнокомандующего (в европейской

прессе генералиссимуса¹⁵), он сделал себя ответственным за осторожные, следовательно, непопулярные в армии и дворянстве решения (и, как мы понимаем, не мог подставить вместо себя кого-то вроде Г.Г.Ромодановского, сделанного крайним тайным указом царя Федора о сдаче Чигирина). Но на деле все недооценивали трудности кампании против Крыма, которые смог преодолеть великий ум канцлера [6].



Князь В.В.Голицын командует походом на татар. Гравюра из книги саксонского путешественника А.Г.Шлейссингера, 1693

Не то, что восстановить в регулярстве, а просто собрать армию в 1686 г. было огромной проблемой. И преодолеть безводные степи, защищавшие Крым широкой полосой, ни одна регулярная армия того времени не смогла бы по двум причинам: 1) она была неспособна наступать на значительное расстояние под атаками кавалерии, потому что оборонительный строй с прикрытием мушкетеров пикинерами не подходил для марша; 2) армия не могла оторваться от магазинов далее, чем на трехдневный переход.

¹⁵ РГАДА. Ф. 123. Он. 1. Св. 1687 г. №2, л. 339–344; Ф. 155. Он. 1. №6. Ч. 3, л. 11–12; и др.

Провал первого Крымского похода, стоившего больших жертв от жа-ры и болезней, помог купировать внутри страны Шакловитый. За три дня примчавшись из Москвы в лагерь Голицына южнее Киева, он организовал среди малороссов добровольную смену гетмана Самойловича на Мазепу и обвинение опального гетмана в срыве похода из-за его сговора с татарами. На внешнем фронте из лагеря польского короля рекой лилась в газеты грязная ложь, что русские вообще в поход не пошли и собираются напасть с татарами на союзников. Голицын не ограничился победными материалами в газеты из своей ставки, но издал в Амстердаме независимое (на деле написанное в Москве нидерландским резидентом Иоганном фан Келлером) «Истинное и верное сказание» о подвигах русской армии на латинском, немецком и французском языках, распространив его «во всю Европу» [4].

Русская пропаганда обещала в следующем году новый поход на Крым, благо первый, оттянув силы осман, способствовал крупным победам Империи и Венеции. На деле затеянное Голицыным переобучение и перевооружение армии новыми полевыми пушками унифицированных калибров, нарезными пищальми и ручными гранатометами, а также строительство передовой базы в Диком поле заняло почти два года. Пропущенный 1688 г. был заполнен лихой пропагандой Мазепы в компании с вновь прискакавшим к нему Шакловитым, которые якобы задумали взять Крым, построить в нем Черноморский флот, выбить осман с их «внутреннего озера» и идти на Стамбул [22]. Зато в 1689 г. новая армия Голицына, наступая вопреки современным ей правилам колоннами, попросту смела крымскую орду с поля невиданным по интенсивности огнем [3, с.225–227].

Добившись от хана перемирия, т.е. решив поставленную России задачу в Священной лиге, Голицын отвел войска уже от самого Перекопа – и подписал себе приговор. Не только армии, требовавшей и получившей по итогам второго Крымского похода огромную награду: невиданные по масштабу пожалования завоеванных земель и пятикратное увеличение срока сыска беглых крестьян [12, с.61–62], – но самому князю и царевне Софье крайне нужна была громкая и несомненная победа. Неутомимый Шакловитый через голову Посольского приказа уже распорядился о заключении Нерчинского мира с Китаем путем сдачи Амура [24, с.301–302, 305–306], значение которого понимал, пожалуй, только царь Федор Алексеевич [13, с.370–371]. С подачи Шакловитого западная печать наперегонки с политиками Империи обсуждала в 1688–1689 гг. «планы» русского господства над Царьградом. По его заданию (через

московского почтмейстера А. А. Виниуса) амстердамский бургомистр Николай Витзен издал, распространил в Европе и прислал в Россию коронационный портрет славной воительницы Софьи, в пару к которому Федор Леонтьевич изобразил себя в образе св. Феодора Стратилата, с новоприобретенным гербом; гравированный портрет Голицына в эту серию не вошел, он был изготовлен и издан отдельно [7].



Парадный портрет царевны Софьи Алексеевны, заказанный Ф. Л. Шакловитым. Гравер Блотелинг, Амстердам, 1689

Но не удаль готовившего коронацию Софьи Шакловитого и ловкость осуществившего в 1689 г. свержение царевны кравчего царя Петра, князя Бориса Алексеевича Голицына, руководившего приказом Казанского дворца¹⁶, через который Шакловитый провернул операцию со сдачей Амура, стала причиной падения канцлера. Как ответственный политик, генералиссимус не мог бросить в решительное наступление в Крым со-

¹⁶ С 1683 г. до упразднения приказа в 1700 г. [17, с. 80–81].

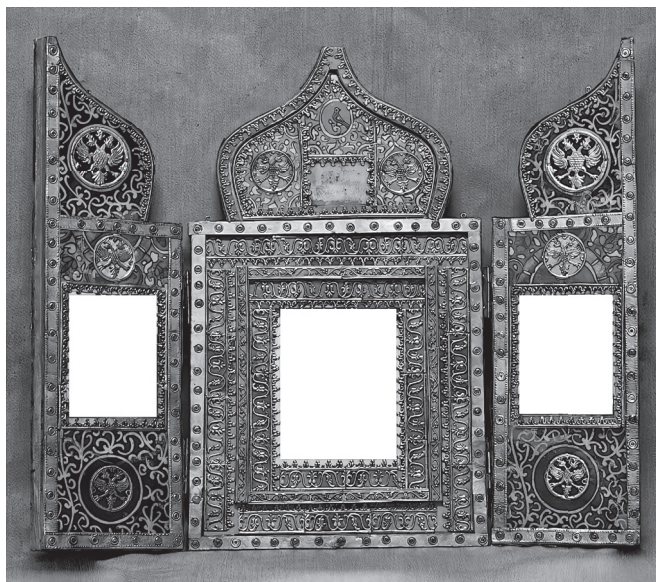
зданную им армию в условиях, когда **все** союзники России по Священной лиге вели сепаратные переговоры с неприятелем, а русские дипломаты таким попыткам противостояли. Голицын понимал, что война – самое опасное средство политики: у нее нет заднего хода, зато присутствует колоссальная инерция, способная легко раздавить того, кто пытается притормозить, независимо от его положения, авторитета, способностей и заслуг перед Отечеством. В 1678 г. «тормозным» поставлен был Г.Г.Ромодановский, размолотый «в мелочь» (стрельцы и солдаты изрубили его бердышами на мелкие куски прямо в Кремле). В 1689 г. настала очередь В.В.Голицына, пытавшегося ограничить войну рамками разумных стратегических приобретений. Бессудная и бессрочная ссылка Голицыных, опала его товарища Л.Р.Неплюева, отставка думного генерала Г.И.Косагова и других славных военачальников показали могущество джинна военной экспансии, которого попытался оседлать канцлер.

В августе 1689 г. после победоносного похода князь, прекрасно понимая, что его ждет в ходе назревшего переворота в пользу Петра¹⁷, выпустил армию, включая верные лично ему роты стольников, и вернулся в свой новый дворец в Охотном ряду, построенный в модном стиле барокко на огромные деньги, пожалованные ему за дипломатические и военные заслуги. Тут мы и должны были бы увидеть сходство с фаворитами XVIII в., вроде славного Г.А.Потемкина-Таврического. Но не видим никаких подарков царевны князю или пожалований ему, которые не стояли бы в одобренных Думой царских указах в ряду наград великим и полномочным послам или военачальникам, товарищам Голицына.

Да, его дворец с главным залом, освещаемым 46-ю витражными окнами днем, а ночью люстрой на 40 свечей и канделябрами в простенках, подложенных зеркалами, выглядел импозантно, но не необычно для Москвы того времени, равно как его западная мебель, картины и карты на стенах, разнообразные часы и барометр, письменные приборы для всех членов семьи и глобус в кабинете. Если уж говорить о необычном, это была обстановка супружеской спальни Василия Васильевича и Евдокии Ивановны, с немецкой кроватью, «на кровати верх ореховый же резной, в середине зеркало круглое», и еще четырьмя зеркалами, занимавшими стены опочивальни среди немецких чертежей¹⁸. Сюда Голицын и удалился от дел, проводя время с женой и новорожденным сыном Михаилом.

¹⁷ Который реально власть не получил – до своей смерти в 1694 г. мать, Наталия Кирилловна, не подпускала сына к правлению на пушечный выстрел.

¹⁸ Тщательное описание всего имущества В.В.Голицына опубликовано [34, т. IV].



Зеркало царевны Софьи, подарок В.В.Голицыну. ГИМ

Ни князь, ни Софья, ни даже Шакловитый, обсуждавший со стрельцами и Сильвестром Медведевым возможность вручения всей царской власти царевне, ничего не сделали для своего спасения, когда августовской ночью 1689 г. в нескольких стрелецких слободах поднялась тревога. Зачинщики призывали идти в Кремль, вещая о какой-то опасности для царской семьи, и раздавали «по рублю денег в бумажке»¹⁹ за скорейшее прибытие к царскому дворцу. Люди эти, как позже признали сами «петровцы», были их агентами и раздавали деньги Нарышкиных²⁰. «Сполох» кончился ничем – потолкавшись в Кремле, сбитые с толку немногочисленные стрельцы разошлись по домам.

Между тем в Преображенском дворцовом селе разбуженному среди ночи Петру сказали, что стрельцы восстали в пользу Софьи и идут его убивать. Ужас 1682 г. проснулся вновь. Бросив беременную жену и мать, Петр в одной рубашке ускакал в Троице-Сергиев монастырь. Наталия Кирилловна Нарышкина спокойно собралась и отправилась с невесткой

¹⁹ Рублевой монеты не было, поэтому мелочь была посчитана заранее и упакована в бумажные кулечки.

²⁰ Провокаторы были повышены в чинах, спровоцированные сосланы в Азов; возмущившимся такой несправедливостью отрезали языки. Документы опубл. [27, с. 80–91].

и двором вслед за сыном. По сценарию 1682 г. под Троицей было собрано ополчение, к которому примкнули солдаты и изъявили желание присоединиться стрельцы. Царь Иван был поставлен перед выбором между сестрой, якобы готовившей покушение на жизнь его младшего брата, и «правым делом» Петра. Софью к Петру не допустили, чтобы избежать возможности прояснения дела и, кто знает, – примирения.

Козлами отпущения были сделаны Шакловитый и несколько десятков более или менее случайных лиц, под пытками признававшихся во всем, чего желали палачи, но так и не сообщившими картины «заговора». Это было и не нужно – «вины» казненных были объявлены по всей стране без упоминания о Софье, так что создавалось впечатление, что новые власти выгораживают члена царского дома. Единственный, кто выдержал пытки и заставил осудить себя на смерть без вины, был Сильвестр Медведев, голову которого патриарх Иоаким получил за свое участие в перевороте [34].

В «верхах», поспешивших склониться перед «петровцами», пострадали немногие. Заточив Софью в Новодевичьем монастыре, победители бросились захватывать ключевые и наиболее доходные ведомства, должности и чины, безжалостно расправляясь с теми, кто не спешил освобождать для них место [17]. Василий Васильевич Голицын со своим взрослым сыном и помощником боярином Алексеем Васильевичем были лишены чинов, имущества и сосланы с семьями в Яренск, затем в Мезень, потом еще дальше, в Пинежскую волость. Против Голицыных возбуждались многочисленные судебные дела, враги преследовали свергнутого канцлера со звериной ненавистью много лет, но остается фактом, что осужден он был в сентябре 1689 г. без следствия и разбирательства дела. Как Хованским в 1682 г., Голицыным был просто зачтен приговор, касающийся главным образом отца. Особое место в нем занимало обвинение, что главнокомандующий отступил от Перекопа, не поведя армию в Крым. Боярин князь Борис Алексеевич, организатор побега Петра в Троицу и захвата власти петровцами, попал в опалу, пытаясь объяснить нелепость подобных обвинений против родича; лишь «покаявшись» и уступив первенство Нарышкиным, слишком умный князь восстановил положение при Петре.

Шифрованные письма

Теперь, когда правительство Софьи пало, самое время обратить внимание на то, что источники ничего не рассказали о личных отноше-

ниях трех его лидеров из большой коалиции политических сил регентства, в которой одни бояре князя Одоевские достойны целого романа.

Из этих писем мы знаем, что переписка у князя была и с царевной Софьей. От нее сохранился лишь случайный клочок в виде двух шифрованных писем, найденных и впервые изданных Н.Г. Устряловым. Он указал, что «на обертке, в которую вклеены сии письма, отмечено почерком времен Петра Великого: "Письма старинные царевны Софьи; подал Григорий Писарев в 1718 году. А где сысканы, не объявлено"» [37, прилож. X, с.382–384]. Письма, тем не менее, попали в государственный архив²¹. Почерка Софьи мы не знаем, а шифровка, обычная для России того времени, почерк меняла. Тем не менее по содержанию они принадлежат Софье, помогают понять ее характер и отношения внутри правительства регентства.

Любовную связь царевны с князем Голицыным, живо описанную князем Борисом Ивановичем Куракиным в Париже после смерти Петра I [12, с.292–294], эти письма, на мой взгляд, не подтверждают. Принятые в то время ласковые обращения царевны к князю («братец Васенька», «батюшка мой», «свет мой», «радость моя, свет очей моих», «сердце мое»), выражают, как писали тогда друг другу и мужчины, «дружбу и любовь», но друзей и родственников, а не любовников, для которых характерны совсем другие тексты [32, с.313–314]. Если вдруг признать, что «братцем» Софья называет любовника, то письма опровергают уверение князя Куракина, будто Шакловитый с царевной Софьей в постели «профитовал» во время похода Голицына «на Крым».

Первое письмо не имеет датирующих признаков, ведь и в походе 1687 г. Голицын, согласно объявлениям в Москве, «победил агарян». Но оно связано со вторым, выступая как бы личной преамбулой к нему, а то несомненно относится ко второму Крымскому походу 1689 г., когда князь посылал гонцов «из-под Перекопу». Некоторых из них, согласно второму письму, крымчаки перехватывали, с чем и связана необходимость шифровки.

Итак, армия с жестокими боями, но победоносно пересекла Дикое поле, Крымский хан молил о мире, но в одном из своих писем Голицын неосторожно предложил правительнице помолиться. Это вызвало у нее эмоциональный взрыв, выраженный в первом, очень кратком письме:

«Свет мой братец Васенка, здравствуй батюшка мой на многие лета, и паки здравствуй Божию и пресветыя Богородицы и твоим разумом

²¹ РГАДА. Ф.5. Государственного архива Российской империи разряд V. Переписка высочайших особ с частными лицами. Оп.1. №2. Шифрованные письма царевны Софьи Алексеевны к князю Василию Голицыну и одно от женского лица к неизвестному. 12 л.

и счастьем победив агаряны, подай тебе Господи и впредь враги побеждати. А мне свет мой веры не имеется, што ты к нам возвратитца, тогда веры пойму, как увижу в объятиях своих тебя, света моего. А што свет мой пишешь, што бы я помолилась, будто я верна грешная пред Богом и недостойна, однакоже дерзаю надеясь на его благоутробие. Ей всегда того прошу чтобы света моего в радости видеть. По сем здравствуй свет мой о Христе на веки неизчетные. Аминь».

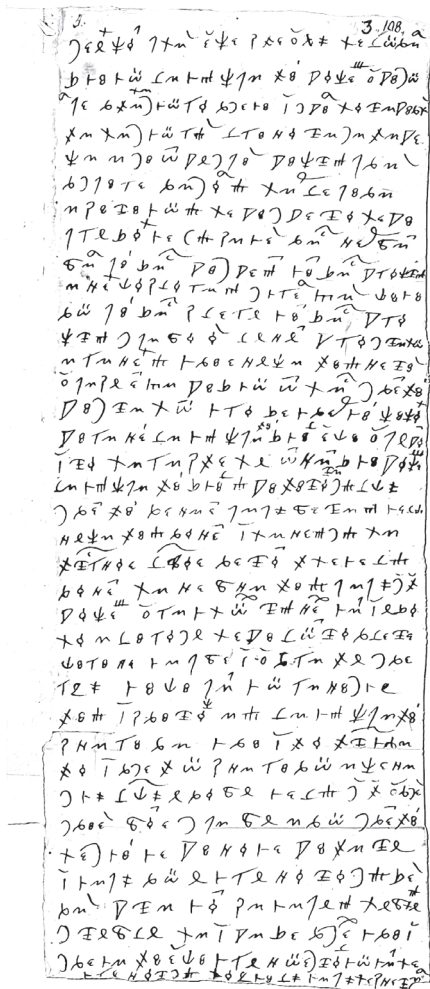
Считая любовные отношения Софьи с Голицыным несомненными, историк обязан увидеть в словах князя, которые интерпретирует царевна, возмущение любовной связью правительницы с Шакловитым, о которой сообщает Б.И.Куракин. Понимая, что Борис Иванович был на амурные дела большой выдумщик, мы могли бы отнести упрек канцлера к распоряжению о максимальных уступках на переговорах о принадлежности Амура, которое через его голову Шакловитый дал послу в Цинскую империю окольникову Ф.А.Головину, будущему генерал-фельдмаршалу и генерал-адмиралу. Такое распоряжение не работало без воли Софьи: Шакловитый для Б.А.Голицына, через Казанский приказ которого оно прошло, был не указ [24, с.301–302, 305–306]. Но в обоих случаях царевна не могла отнестись к упреку столь легкомысленно, а ведь она от него попросту отмахнулась!

Вы скажете, что Софья реагировала на слова Голицына мнительно, как жена. Но ведь и князь, женатый уж четверть века, должен был думать, когда писал! Отношения их действительно напоминали семейные. Как «старый боярин», допущенный во все покои царского дворца с 18-летнего возраста царевны, Василий Васильевич был ей «батюшкой», а как комнатный стольник, который мог Софью в люльке качать, старшим «братцем». Объятия и поцелуи были тогда в обычае в царском дворце и всех русских домах. Тем более канцлер был для Софьи «светом» и «надеждой», когда жена взрослого царя Петра была беременна, т.е. власть регентши висела в воздухе, опираясь лишь на бывшие заслуги и авторитет правительства компромисса.

Деловым является второе письмо, которое Софья тоже начинает с лирического вступления, славя Бога за благополучное возвращение армии из диких степей трудами Голицына, как нового Моисея, и намекая на заслуженную награду (награды за Вечный мир и первый Крымский поход его уже обогатили):

«Свет мой батюшка, надежда моя, здравствуй на многия лета! Зело мне сей день радостен, что Господь Бог прославил имя свое святое, также и матере своя пресвятыя Богородицы над вами, свете мой, чево

от века не слыхано, ни отцы наши поведаша нам такого милосердия Божья, не хуже Израилтеских людей вас Бог извел из земли Египетския, тогда чрез Моисея угодника своего, так ноне чрез тебя, душа моя. Слава Богу нашему помиловавшему нас чрез тебе! Батюшка мой, платить за такие твои труды неисчетные! Радость моя, свет очей моих, мне веры не иметца, сердце мое, что тебя, свет мой, видеть. Велик бы мне



Второе письмо Софьи Голицыну. РГАДА. Ф.5. Разр.V. Оп.1. №2

день той был, когда ты, душа моя ко мне будеш. Если бы мне возможно было, я бы единым днем тебя поставила пред собою».

Не сбавляя эмоционального накала, Софья перешла к письмам, отметив, что гонцы-сеунщики прибыли в срок: это означало, что они не перехватывались дальней разведкой неприятеля (наша разведка также перехватывала письма за границей):

«Писма твои врученны Богу к нам все дошли в целости из-под Перекопу, из Каирки чрез сеунтшиков и с Московки, все приходили в приметныя времена, из-под Перекопу пришли отписки в пяток 11 числа. Я брела пеша из Воздвиженскова, толко подхожу к монастырю Сергия чудотворца к самым святым воротам, а от вас отписки о боях: я не помню как взошла, чла идучи. Не ведаю чем Его света благодарить за такую милость Его, и мать Его пресвятую Богородицу, и преподобнаго Сергия чудотворца милостивого. Сеунщик к нам еще Змеов не бывал», – добавила Софья, имея в виду товарища командующего, его третьего (после Я. Ф. Долгорукова) воеводу, знаменитого прежде думного генерала, а ныне окольничего и наместника серпуховского В. А. Змеева.

Следующей темой письма стали необходимые после похода молебны, «отпуск», т.е. официальный роспуск армии, наградные золотые для командного состава (они сохранились: с портретами двух царей на одной, Софьи – на другой стороне) и заслуженные деньги для стрельцов:

«Что ты батюшка мой пишеш о посылке в монастыри, все то исполнила, по всем монастырям бродила сама пеша. А со отпуском пошлю к вам вскоре Василия Нарбекова²². А золотые не успели, не покручинься. За тем вас держать жаль. Тотчас поспеют – тотчас пришлю. А денги собираю стрельцам готовы, тотчас сберу – тотчас пришлю, скажи им: будут присланы. А раденья твое, душа моя, делом окажется».

Если из армии все гонцы, кроме еще не прибывшего от Змеева, точно не перехватывались, то один гонец Софьи, а скорее Шакловитого, подьячий приказа Большой Казны Матвей Шошин, угодил в плен и нуждался в спасении: «Почты от нас, свет мой, посланы три, четвертой Шошин; порадей, батюшка мой, чтоб его окупить или на размену отдать». Голицын его из плена вызволил, но не в добрый час. Уже в сентябре 1689 г. Матвей Шошин был осужден по делу Шакловитого и сослан в Сибирь [20, с. 584].

²² Окольничий Василий Савич Нарбеков осенью 1689 г. попал в опалу вместе с другими членами правительства Софьи.

Предложение Софье помолиться, вызвавшее у нее в первом письме негодование, теперь, по размышлении, было воспринято благожелательно: «Что пишешь батюшка мой, чтобы я помолилася: Бог, свет мой, ведает, как желаю тебя, душа моя, видеть, и надеюсь на милосердие Божие велит мне тебя видеть, надежда моя».

Но это между делом. Дела – главное. Софья согласна с предложением Голицына поставить полки (по нашему счету – армейские корпуса) воевод Бориса Петровича Шереметева и Аврама Ивановича Хитрово в Белгороде, т.е. в тылу, на старой Белгородской черте: «Как сам пишешь о ратных людях, так и учини, а Борису не побыть ли в Белогороде; также и Овраму; сверх того как ты, радость моя, изволишь». Эти полки не входили в основную армию (как Новгородский, Рязанский, Севский и Понизовский), которая должна была получить «отпуск», чтобы разойтись по стране, поближе к столице:

«А я, батюшка мой, здорова твоими молитвами, и все мы здоровы. Аще даст Бог, увижу тебя, свет мой, о всем своем житье скажу. А вы, свет мой, не стойте, подите помалу, и так вы утрудились. Чем вам платить за такую нужную службу, наипаче всех твои, света моего, труды: если б ты так не трудился, никто б так не сделал!»

Если верить Куракину, эти письма были написаны Софьей во время ее нежной дружбы с Шакловитым, о которой такой ас разведки, как Голицын, не мог не знать. Тогда обещание Софьи рассказать князю «о всем своем житье» свидетельствует, что регентшу с канцлером связывала дружба. Но скорее всего деловой треугольник вообще не был любовным. Просто западной публике, среди которой писал русский князь и для которой сочинял небылицы французский авантюрист де ла Невилль, и подумать было странно, что женщина способна заниматься политикой не в постели государственных мужей, будучи при этом женщиной, а не существом неопределенного пола вроде шведской королевы Кристины (1632–1654).

Библиографический список

1. Автократова М.И., Буганов В.И. Сокровищница документов прошлого. М.: Советская Россия, 1986. 336 с.
2. Богданов А.П. Баснословие о заговоре Милославского и Софьи во время «Хованщины» // Историческое обозрение. Вып. 21. М., НП «Историко-просветительское общество «Радетель»», 2020. С.19–40.

3. Богданов А.П. Василий Васильевич Голицын // «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. М.: Международные отношения, 1989. 240 с. С. 179–228, 237–239.
4. Богданов А.П. «Истинное и верное сказание» о I Крымском походе – памятник публицистики Посольского приказа // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1982. С. 57–84.
5. Богданов А.П. Общерусское летописание конца XVII века. М.: Алья Матер, 2024. 926 с.
6. Богданов А.П. Общественное мнение и внешняя политика России при царе Федоре и канцлере Голицыне // Проблемы российской истории. Вып. VIII. М.: Магнитогорск, 2007. С. 221–248.
7. Богданов А.П. Политическая гравюра в России периода регентства Софьи Алексеевны // Источниковедение отечественной истории. Сборник статей за 1981 г. М.: Наука, 1981. С. 225–246.
8. Богданов А.П. Правление царевны Софьи // Новодевичий монастырь в русской культуре. Материалы научной конференции 1995 г. (Труды Государственного исторического музея. Вып. 99). М.: Наука, 1998. С. 25–48. С. 32–34.
9. Богданов А.П. Рождение Хованщины // Историческое обозрение. М.: Историко-просветительное общество «Радетель», 2022. Вып. 23. С. 13–53.
10. Богданов А.П. Роспись «изменников – бояр и думных людей», казненных и сосланных по требованию восставших в мае 1682 г. // Молодые обществоведы Москвы – Ленинскому юбилею. Материалы III-й Московской городской конференции молодых ученых по общественным наукам, посвященной 110-й годовщине со дня рождения В.И.Ленина. М.: Наука, 1982. С. 113–118.
11. Богданов А.П. Русские патриархи от Никона до Адриана. М., Академический проект. 2015. 548 с.
12. Богданов А.П. Царевна Софья и Петр. Драма Софии. М.: Вече, 2008. 352 с.
13. Богданов А.П. Царь-реформатор Федор Алексеевич: старший брат Петра I. М., Академический проект, 2018. 760 с.
14. Богданов А.П. «Чигирин был оставлен, но не покорен»: наши солдаты и политики в Турецкой войне XVII в. // Историческое обозрение. Вып. 4. М. 2003. С. 20–44.
15. Богданов А.П. Читаем политический документ: указ царя Федора Алексеевича о разрушении Чигирина // Источниковедческая компаративистика и историческое построение. Тезисы докладов и сообщений XV научной конференции. В честь Ольги Михайловны Медушевской. М. 2003. С. 61–66.
16. Богданов А.П., Возгрин В.Е. Московское восстание 1682 г. глазами датского посла // Вопросы истории. 1986. №3. С. 78–91.
17. Богоявленский С.К. Московский приказный и делопроизводственный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М.: Языки славянской культуры, 2006. 604 с.

18. Буганов В.И. «Канцлер» предпетровской поры // Вопросы истории, 1971. №10. С.144–156.
19. Буганов В.И. Московские восстания конца XVII века. М., Наука, 1969. 440 с.
20. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., Наука, 1975. 607 с.
21. Восстание в Москве 1682 г. Сборник документов. М., Наука, 1976. 348 с.
22. Востоков А. Посольство Шакловитого к Мазепе в 1688 г. // Киевская старина, 1980. Т.29. №4–5. С.199–226.
23. Галанов М.М. Федор Шакловитый // Вопросы истории. 1995. №3. С.155–159.
24. Демидова Н.Ф. Из истории заключения Нерчинского мира 1689 г. // Россия в период реформ Петра I. М.: Наука, 1973. С.289–310.
25. Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. 225 с.
26. Долгоруков П.В. Российский родословный сборник. Т.1. СПб.: тип. Эдуарда Праца, 1840. 122 с.
27. Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частию Азова. Собр. и изд. Н.Второвым и К.Александровым-Дольником. Воронеж: тип. Губернского правления, 1850. Кн. 1. XII, 168, 94 с.
28. Иванов П.И. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М.: тип. С.Селивановского, 1853. [4], VI, 498, [3] с., [3] л.
29. Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., Индрик, 2008. 502 с.
30. Лермонтова Е.Д. Шелковая фабрика в правление царевны Софьи Алексеевны. Пг., тип. М.А.Александрова, 1915. [2], 32 с.
31. Манин Д.О. Миссия П.И.Потемкина в Испанию, Францию и Англию 1680–1682 гг. и придворная борьба в России // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура: Материалы IX Всерос., с междунар. участием, науч. конф. молодых ученых. Ижевск: Удмуртский университет, 2022. С.150–154.
32. Новохатко О.В. Россия. Частная переписка XVII века. М.: Памятники исторической мысли, 2018. 664 с.
33. Письма русских государей и других особ царского семейства. Вып. 1–5. М.: тип. Орлова, 1861–1896. 74; 303; 175; 172; 107 с.
34. Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб.: Археологическая комиссия, 1884–1889. Т.I–IV. 788, 634, 817, 1102 стб.
35. Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей / Сост., автор вступ. ст., коммент. и указ. А.П.Богданов. М.: Современник, 1990. 445 с.
36. Топычанов А.В. Политическое пространство царских резиденций второй половины XVII в.: материальное измерение // От Смуты к империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв.: материалы научной конференции. М. – Вологда, 2016. С.183–189.

37. Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб.: тип. II Отделения собственной е. и. в. канцелярии, 1858. Т. I. LXXXVIII, 399, [6] с.
38. Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. СПб., 1893–1894. Т. I–2. VIII, 341 с.; [4], IV, 184 с.
39. Эскин Ю.М. Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., Археографический центр, 1994. 266 с.

Общество атеистов тут же
изобретет религию.

Оноре де Бальзак

Религиозная терпимость
достигнута только потому,
что мы перестали придавать
религии такое значение,
как прежде.

Бертран Рассел





Александр Андреев

**«СВОБОДНОЕ КОСТЕЛОВ
КАМЕННОЕ СТРОЕНИЕ
ОХОТНО ЕГО ЦАРСКОЕ
ВЕЛИЧЕСТВО ПОЗВОЛЯЕТ...»:
КАК И КОГДА БЫЛО
РАЗРЕШЕНО КАТОЛИЧЕСКОЕ
ХРАМОСТРОИТЕЛЬСТВО
В РОССИИ**



УДК

94(47).05 + 272

Статья посвящена важнейшему вопросу в истории международных отношений и внутренней политики России петровской эпохи – вопросу легализации католического церковного строительства. Уточняются хронология и обстоятельства получения католиками законного права возводить церковные здания, исследуются характер и значение принятых в этой сфере норм. Разрешение иметь постоянные церкви российские католики получили в начале XVIII столетия, причем юридически оно было оформлено не менее пяти раз. Вместе с тем царские власти, опасаясь усиления вмешательства католических держав во внутреннюю жизнь России, так и не подтвердили свободу костельного строительства отдельными законодательными актами на внутригосударственном уровне. Выяснено, что вопрос о юридической санкции католического храмостроительства в России в XVII и XVIII вв. преимущественно оставался вопросом внешнеполитическим.

The article examines the most important processes in international relations and domestic politics of Petrine Russia – the process of legalizing Catholic church-building. It clarifies the chronology and circumstances of Catholics obtaining the legal right to make Church buildings in Russia, and studies the nature of the laws adopted in this field. Russian Catholics received permission to have permanent temples in the early of 18th century, and it was legally issued at least five times. At the same time, the Russian authorities, fearing increased interference by Catholic countries in the internal life of Russia, have not confirmed the freedom of Roman church-building by special legislative acts at the internal level. The author found out that the issue of the legal sanction of Catholic temple construction in Russia, 17-th and 18-th centuries, remained primarily a foreign policy issue.

Ключевые слова: Политика Петра I; католичество в России; законы о церковном строительстве; международные отношения.

Key words: Politics of Peter the First; Catholicism in Russia; laws on buildings of temples; international relations.

E-mail: alxand@yandex.ru

Вопрос о правовых основаниях католического церковного строительства в России на рубеже XVII–XVIII вв. актуален при изучении ряда тем – истории международных и межконфессиональных отношений, российского государственного устройства, культурной и религиозной политики. Между тем у историков до сих пор нет четкого представления о том, когда и вследствие чего российские власти узаконили право католиков возводить церковные здания и, следовательно, создавать полноценные приходы. Цель предлагаемой статьи состоит в уточнении хронологии и обстоятельств дарования католикам права иметь церковные сооружения, а также в определении характера принятых в сфере храмостроительства правовых норм. Достижение цели требует решения нескольких задач – систематизации сведений о попытках иноземных послов добиться религиозных свобод в России; выяснения факторов, способствовавших легализации католических храмов при Петре I; анализа специальных правовых актов на тему церковного строительства.

Историография

Отечественные ученые, разрабатывавшие историю инославных исповеданий в России, традиционно игнорировали тему церковных привилегий для католиков. Эта традиция была заложена еще в те времена, когда православие юридически считалось господствующим вероисповеданием, а католичество – терпимым. Поэтому историки, «терпя» католичество, лишь кратко упоминали об указах, позволявших возводить в России латинские храмы, и редко стремились раскрыть их содержание или условия появления [29, с. 136–137; 19, с. 83]. Такой «номинативный» подход, при котором констатируется факт, что в начале XVIII в. у католиков появилось право строить церкви, но не уточняется, что именно им было позволено и как юридически это позволение было оформлено, сохраняется и поныне [21, с. 78; 10, с. 27–28]. Подробно изучал российское законодательство об инославных храмах Д. В. Цветаев (1852–1920), однако труды этого выдающегося историка за прошедший век устарели [31; 32]. Новые открытия сделали эмигрантские и зарубежные ученые XX в. – Е. Ф. Шмурло, А. В. Флоровский, З. д'Арлем (Харлем) [36; 37, с. 223–229; 40], которые ввели в оборот неизвестные документы о храмовом строительстве и воссоздали внешнеполитический контекст православно-католического взаимодействия в России. Однако и в их работах сведения о правовых нормах в отношении католиков разрозненны, а под-

час и противоречивы. Систематизация и верификация этих сведений, таким образом, в науке давно назрела.

Попытки католиков добиться религиозных свобод и антиримская позиция России

После разделения Христианской Церкви на Западную и Восточную храмы и монастыри западной традиции еще долгое время продолжали

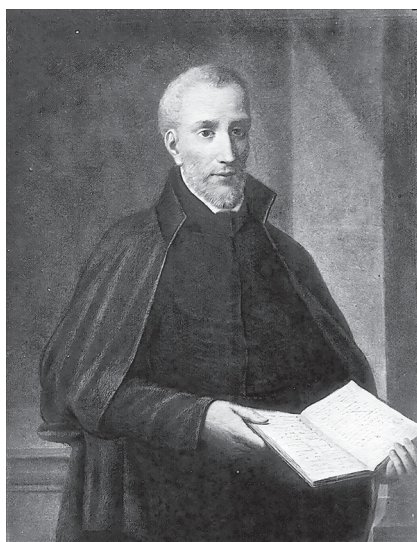
функционировать в русских землях. В XI–XIII столетиях они имелись в Киеве, Смоленске, Полоцке, Ладоге, Пскове, Новгороде и других городах [18, с.39]. Свое существование костелы¹ прекратили в XIII–XIV вв. в связи с ростом антикатолических настроений на Руси и попытками властей воспрепятствовать богослужебной жизни католиков. Начало политике дискриминации «латинян», как именовали русские люди католиков, было положено великим князем Киевским Владимиром Рюриковичем, который в 1233 г. изгнал из Киева доминиканцев во главе с приором Мартином [30, с.142]. Нетерпимость к католикам, ставшая важнейшей политической и культурно-бытовой традицией на Руси, в дальнейшем привела к упразднению латинских приходов. Что делали при этом с церковными зданиями, непонятно. Вряд ли их намеренно уничтожали, скорее всего, заново освящали по православному чину или просто переставали использовать, и они естественным образом разрушались. Дольше всего (как полагают, до начала XV столетия) действовала «немецкая божница» Св.Марии в Смоленске [18, с.40]. Ее руины были видны еще в 1634 г. – под названием «древней русской церкви» они зафиксированы на плане осады Смоленска, выполненном фламандским гравером Вильгельмом Гондиусом [14, с.13; 18, с.40].

В московскую эпоху сооружать церкви католикам не дозволялось, хотя специальной запретительной грамоты на этот счет долгое время не существовало. Дипломаты католических держав не раз безуспешно пытались добиться разрешения на костельное строительство. На переговорах в Старице в августе 1581 г. папский легат Антонио Поссевино, уполномоченный содействовать заключению мира между Россией и Польшей, рассчитывал, что Иван Грозный «разрешит католикам торговлю в Московии и позволит им иметь храм по католическому обряду» [27, с.200]. Однако, добившись желанного мира со Стефаном Баторием, царь Иван отказал католикам в своей милости. От его имени Посольский

¹ Западнославянское слово «костел» в значении римско-католического храма широко употреблялось в России XVI–XVIII вв. В этом значении оно применяется и в исторических трудах, включая нашу статью.

приказ дал Поссевино такой ответ: «...костелам римским и попам в Московском государстве быть не пригоже, потому что никогда прежде того обычая не бывало»; католикам «учения своего русским людям не плодить и костелов им в государстве Московском не ставить, койждо в своей вере да пребывает; а грамотою утверждать не для чего» [31, с. VII–VIII]. Провал миссии Поссевино свидетельствует о том, что вопрос о костельном строительстве являлся во внешней политике своего рода «козырной картой», которой русские дипломаты не спешили воспользоваться.

В 1629 г.² посол французского короля Людовика XIII Луи де Гай (Louis de Hayes, baron de Courmenin) тщетно просил царя Михаила разрешить постройку в Москве церкви для католиков-французов, с которыми предполагалось наладить торговое сотрудничество [19, с. 81; 29, с. 98]. В литературе было высказано сомнение в наличии таковой просьбы [37, с. 228], однако итоги переговоров свидетельствуют в пользу того, что просьба все-таки была. В ответном письме русского царя к королю можно прочитать: «Мы также предоставляем всем французским торговцам, вашим подданным, право пользоваться свободой совести и исповедовать римскую веру, а также иметь при себе священников и служителей для управления ими. Но мы не можем допустить в нашей державе публичное исповедание римской религии, опасаясь возмущения» [37, с. 227]. Последняя фраза явно говорит о том, что Луи де Гай от имени «его христианнейшего величества» просил у царя санкцию на публичные богослужения в России, но царь и бояре постановили отказать ему.



Антонио Поссевино (1534–1611).
Портрет из «Иллюстрированной галереи иезуитов» историка искусства Альфреда Ами (1893)

² Именно в 1629 г., а не в 1627 г., как пишут русские историки [19, с. 81; 29, с. 98]. Луи де Гай прибыл в Москву 27 октября 1629 г., 1 ноября был принят царем, а 5 ноября начались сами переговоры [37, с. 227].

Разрешение на публичные мессы, которые прямо подразумевали наличие специального здания, в принципе не могло быть дано в России, еще не преодолевшей последствий Смутного времени и сохранявшей ментальный страх перед «папезниками». Не случайно именно в законодательстве Михаила Федоровича впервые появляется запретительная норма в отношении католических храмов, которая, однако, не была общей и постоянной. Запрет находим в торговом договоре с Голштинией, заключенном в декабре 1634 г. сроком на десять лет. Этот акт гласил о недопустимости заведения кем-либо из иноземцев католических церквей и грозил смертной казнью за тайное держание «римской веры попов и учителей» [7, с.332, №181]. Примечательно, что в нем ничего не сказано о протестантах, которые *de facto* уже пользовались религиозной свободой и в ряде русских городов возвели свои кирки. Протестантское церковное строительство допускалось в виде «временной и частной милости» [33, с.6], но имело правовое обоснование. Косвенно легальный статус протестантских храмов в России признало Соборное Уложение 1649 г. В статье 40 главы XIX создатели свода законов отметили недопустимость размещения «немецких кирок» в центре Москвы (требовалось «сломати» их в Китай-городе, Белом и Земляном городе), но принципиально не возражали против их существования. Соборное Уложение постановило им «быти за городом Земляным, от церквей Божиих в дальних местех» [24, с.114, №1]. Вообще все построенные к концу XVII в. в Немецкой слободе протестантские церкви действовали законно: их создание было одобрено царскими повелениями из Иноземного приказа, а земля под строение дана служителями Земского приказа также по высочайшему указанию [31, с.XLI]. Такое положение дел становилось предметом зависти для московских католиков, которым разрешалось молиться исключительно в частных домах, к тому же без постоянных священников.

Во второй половине XVII столетия, с активным включением России в мировую политику, просьбы европейских монархов к русским властям о разрешении католического храмостроительства стали еще более настойчивыми. В 1675 г. в Москве состоялись переговоры о возможности союза Священной Римской империи и России против Турции, которые вели императорские послы Аннибал Франциск де Ботони и Иоганн Карл Терлингерен де Гусман. Уезжая из русской столицы, 28 октября 1675 г. они «убедительнейше просили о дозволении построить в Москве в Немецкой слободе римского исповедания церковь, — в чем им отказано было» [12, с.26]. Решительный отказ воспоследовал и на хода-

тайство о костеле польского посла Михаила Ежи Чарторыйского, с которым в летние месяцы 1678 г. в Кремле обсуждался вопрос о продлении Андрусовского перемирия [28, с. 69]. Договор с поляками о сохранении дружеских отношений был заключен 3 (13) августа 1678 г., но он по-прежнему предписывал католикам молиться в собственных домах без священника, позволяя, однако, при необходимости ездить за рубеж «в ближние костелы» [25, с. 172, № 730].

Фактическое разрешение католикам иметь церковь в Москве

В.В.Голицына, настроенного на расширение сотрудничества с иноземцами. В начале 1684 г., заручившись поддержкой князя, генерал шотландского происхождения Патрик Гордон подал от имени московской католической общины челобитную о костеле (молитвенном доме) [31, с. IV]. И хотя официального разрешения устроить молитвенный дом не последовало, просьба впервые не встретила явного отказа [9, с. 164]. В мае того же 1684 г. «для католической веры народов спасения душ» просили «поставить костел» послы императора Леопольда I Иоганн Христофор Жировский и Себастьян Блюмберг. И вновь вместо категорического отказа им сообщили, что нужно будет посоветоваться с патриархом, «а после того цесарские послы о том не упоминались» [31, с. XX–XXI]. Вопрос остался в «подвешенном состоянии», но сама уклончивость

Ощутимый поворот в религиозной политике произошел в регентство царевны Софьи, что было связано с влиянием на правительницу князя



Князь Василий Васильевич Голицын.
Гравюра Л.Тарасевича (не позднее 1689 г.)

ответов свидетельствовала о готовности московских властей к компромиссам и потому воспринималась католиками как победа. П.Гордон записал в дневнике 11 августа 1684 г.: «...по милости их величеств и при посредстве послов Римского императора мы добились права возвести

церковь и иметь священников» [15, с.31]. Однако, если вопрос о священниках тогда действительно был решен положительным образом, позволения строить католическую церковь в Москве или где бы то ни было российское правительство по-прежнему не давало. Устное согласие на «действие в Москве» католической веры, данное В.В.Голицыным, за которое в 1687 г. его благодарил германский император [29, с.117], ни в каком смысле не может считаться формально определенной нормой. Поэтому думный дьяк Е.И.Украинцев в официальном ответе на благодарственную грамоту цесаря резюмировал: «Великие государи указали (...) в строении костела отказать, а в дому римляном по своей вере молитвы отправлять не заборонено» [31, с.ХХІІІ].

Тем не менее практические уступки, сделанные В.В.Голицыным, привели к тому, что к 1688 г. в Немецкой слободе Москвы появилась первая католическая церковь – маленькая, выстроенная из дерева, но столь желанная для верующих и миссионеров. До основания Петербурга она оставалась единственным католическим храмом в стране, поэтому Римская курия и венский двор уделяли ей особое внимание, способствуя ее украшению и расширению [32, с.100–120; 20, с.125–136]. С формальной точки зрения все строительные работы считались незаконными, о чем от имени царей Ивана и Петра вновь было возведено послам германского императора: «Костелы римские в Российском царствии никогда не бывали и впредь тому быть невозможно» [31, с.ХХVІ–ХХVІІ].

Большое число запретительных памятней Посольского приказа, появившихся от имени царей на исходе XVII столетия, свидетельствует о том, что в это время запрет на возведение костелов в России наконец-то обрел свое правовое оформление. Однако парадокс ситуации в том, что этот запрет фактически не действовал, поскольку противоречил реальной религиозной политике В.В.Голицына, а затем Петра I. Намерения юного царя расширить религиозные свободы для иноземцев стали явными после смерти патриарха Иоакима (†17 марта 1690 г.), известного непримиримой позицией в отношении «западных еретиков», и усиливались по мере обретения Петром политической самостоятельности. Правда, поначалу Петр I вершил свою политику неформальным путем: царь устно одобрял церковное строительство московских католиков при сохранении официального запрета на костел. Такой подход был прагматичным, так как вопрос о костелах предполагалось использовать в дальнейшем с большой внешнеполитической выгодой.

С начала 1690-х годов российские власти фактически признали право католиков иметь деревянную церковь в Москве, просто примирившись с ее существованием [31, с. XL]. Никакого наказания в отношении ее строителей не последовало, хотя императорскому послу Иоганну Куртцу, в 1691 г. прибывшему с дипломатической миссией в Москву, бояре вновь указали: «...костелу римскому, и езувитом, и училищам их ныне и впредь быть на Москве они, великие государи, не изволяют» [31, с. XXXIII; 32, с. 89]. Допущение «деревянного костелика» мыслилось как временная уступка, не гарантировавшая свободу отправления римского культа в будущем. Об этом свидетельствует принципиальное несогласие царского правительства на сооружение каменной церкви, о которой сразу же стали ходатайствовать католики и их зарубежные патроны. 20 ноября 1694 г. Патрик Гордон получил санкцию царя Петра на каменное строительство, о чем сделал запись в дневнике: «Его величество приехал ко мне около 11 часов и оставался около часа. После того мы отправились на свадьбу. По пути, проходя по улице близ нашей церкви, я говорил с его величеством, дабы дал нам позволение построить наш храм из камня; он милостиво согласился» [16, с. 306]. По справедливому замечанию Д. В. Цветаева, «это согласие имело значение не более всего того, что говорилось в частной дружеской беседе, и официального законодательного характера не носило. Чтобы получить юридическую санкцию, надобно было пройти обычный путь через присутственные места, откуда только и мог выйти надлежащий указ» [32, с. 105]. Но указа не было. В 1695 г., надеясь на расположение царя, московские католические священники Франциск Лефлер и Павел Ярош подали в Посольский приказ челобитную: «...ради в Троице славимого Бога и Пресвятыя Богородицы и всех святых



Патрик (Петр Иванович) Гордон.
Гравюра из «Собрания портретов» П. Бекетова

ки и их зарубежные патроны. 20 ноября 1694 г. Патрик Гордон получил санкцию царя Петра на каменное строительство, о чем сделал запись в дневнике: «Его величество приехал ко мне около 11 часов и оставался около часа. После того мы отправились на свадьбу. По пути, проходя по улице близ нашей церкви, я говорил с его величеством, дабы дал нам позволение построить наш храм из камня; он милостиво согласился» [16, с. 306]. По справедливому замечанию Д. В. Цветаева, «это согласие имело значение не более всего того, что говорилось в частной дружеской беседе, и официального законодательного характера не носило. Чтобы получить юридическую санкцию, надобно было пройти обычный путь через присутственные места, откуда только и мог выйти надлежащий указ» [32, с. 105]. Но указа не было. В 1695 г., надеясь на расположение царя, московские католические священники Франциск Лефлер и Павел Ярош подали в Посольский приказ челобитную: «...ради в Троице славимого Бога и Пресвятыя Богородицы и всех святых

и ради любви брата вашего государева, православного христианского великого цесаря Леопольда, укажите, государи, нам, богомольцам вашим, построить каменную церковь» [31, с. VI; 32, с. 105–106]. В просьбе им отказали, дав понять, что и деревянный костел никогда не позволяли иметь.

К тому времени московские католики самовольно приступили к каменному церковному строительству. Работы начались, по-видимому, уже в конце 1694 г., после разговора Гордона с царем, и продолжались до лета следующего года, когда были остановлены личным повелением Петра I [32, с. 114]. 30 июня 1695 г. последовал указ царей Ивана и Петра «из полков из низового походу», что «...их, великих государей, указу римским исповедникам о строении католической кирхи не бывало, и великие государи указали то костельное каменное дело удержать» [31, с. XLV]. Монарх будто бы забыл о своем устном одобрении этой затеи. Очевидно, что Петр I не был готов без существенных дипломатических выгод положительно решить вопрос. Выяснив в ходе Великого посольства, что Австрия не заинтересована в совместных действиях против Порты, русский царь счел нужным игнорировать ходатайства венских дипломатов о свободе костельного строительства. 18 февраля 1699 г. чрезвычайный императорский посланник граф Игнатий Христофор Гвариент, находясь в Москве, подал в Посольский приказ памятную записку, в которой говорилось: «по милостивейшему указу царского величества велено мне его царскому величеству и высоким министрам, здесь обретающимся, присыльных (т.е. присланных. – *Ред.*) ксензов оберегательство вручить и притом милостивейшее царского величества позволение получить, чтоб вместо по се время бывшего деревянного костела каменной построить...» [4, л. 33]. В этой просьбе ожидало было отказано.

Юридическое оформление права на костелы и политика его утаивания

Католики добивались разрешения каменного церковного строительства, видя в нем гарантию своего стабильного существования и за-

щиты интересов в будущем. Эту гарантию московские власти предоставили католикам неожиданно и совсем по другому поводу, вне связи с русско-австрийскими отношениями. Право церковного строительства для инославных христиан в России впервые законодательно было оформлено высочайшим манифестом 16 апреля 1702 г. «О вызове иностранцев в Россию с обещанием им свободы вероисповедания».

Появление соответствующей нормы в его тексте связывалось с необходимостью привлечения иноземцев в качестве военных и гражданских специалистов, чтобы россияне могли «научаться» у них разным «познаниям». Манифест, по сути, легализовал фактическое положение вещей, разъясняя, что иноземцы уже вовсю пользуются религиозными свободами («И понеже здесь, в столице нашей, уже введено свободное отправление богослужения всех других, хотя с нашею Церковию несогласных христианских сект; того ради и оное сим вновь подтверждается...») [26, с. 193, № 1910]. Право строить храмы зафиксировано в этом документе дважды. Во-первых, царь обещал, что будет лично смотреть, «чтобы по прежнему обычаю никто как в своем публичном, так и частном отправлении богослужения обеспокоен не был» [26, с. 194]. Поскольку публичное богослужение возможно только в молитвенном доме или в церкви, что функционально одно и то же, то манифест давал санкцию на возведение инославных, в том числе и католических, храмов. Во-вторых, это право ниже было конкретизировано – наряду с инославными постройками, имевшимися в Москве и Архангельске, царь дозволял «и в других местах строить новые церкви» [26, с. 194].

В манифесте речь не шла конкретно о костельном строительстве и тем более о храмах из долговечных материалов – камня или кирпича. Тем не менее общий дух и содержание манифеста не оставляют сомнений в том, что позволялось и то, и другое. Миссионерам и дипломатам, представлявшим католическое лобби в России, однако, этого было мало. Свойственное западной культуре стремление к кодификации норм права требовало устранения всех противоречий и недомолвок в нормативных актах, а еще лучше – предоставления отдельных законодательных гарантий непосредственно католикам. Последние были даны в обмен на вступление Речи Посполитой в войну со Швецией в 1704–1705 гг., когда Петр I старался укрепить отношения со своим единственным союзником Августом II и сковать шведские силы военными действиями на польской территории. Сложная судьба правовых документов, эти гарантии предоставивших, ясно показывает, что вопрос о католическом храмостроительстве являлся предметом дипломатического торга. Российская сторона, как будет показано ниже, пыталась замалчивать их существование.

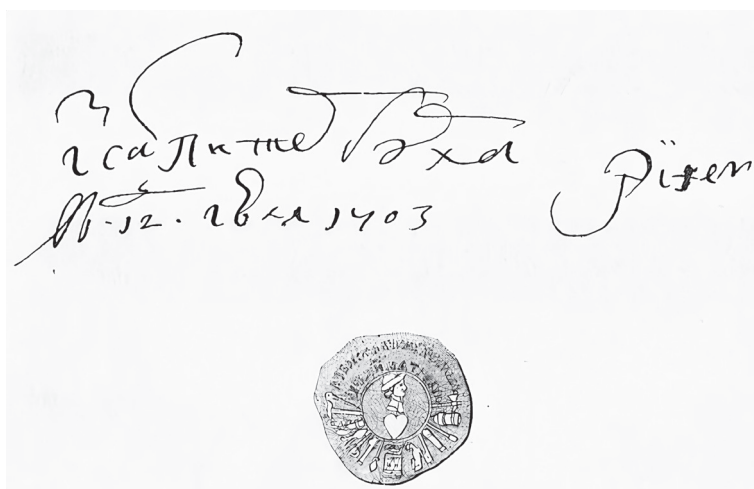
Переговоры о праве католиков иметь в русских городах каменные костелы впервые увенчались успехом во время обсуждения условий Нарвского союзного договора между Россией и Речью Посполитой. Договор был подписан 19 (30) августа 1704 г. от имени Сандомирской

конфедерации послом Августа II Томашем Дзялынским (Дзялинским), который, как сказано в памяти Посольского приказа, «...предлагал нам, нашему царскому величеству, в деле строения каменного и содержания костелов католических в государствах наших московских» [5, д. 2, л. 1–1 об.]. Дзялынскому был дан ответ: «Понеже уж в давних договорах вольное веры святой католической употребление на столице и в Киеве договоренное и постановленное имеем, в нынешнем нового союза не обновляем» [5, д. 2, л. 1 об.]. Поэтому в текст Нарвского договора пункт о религиозных свободах не включили, ограничившись общими рассуждениями о «наблюдении пользы» польско-литовского народа [26, с. 267, № 1991]. Полномочный посол польского короля, однако, настойчиво просил, «дабы пресветлейшее царское величество милостивым указом своим из Канцелярии сие подтвердить изволил, чтоб вольное костелов каменное строение на столице было и чтоб вольной имели проезд в Персию и до Монголы от монархов христианских посланные миссионеры; чтоб оное соизволение или указ царского величества из Канцелярии письменно в руки посольские милостиво дан был» [5, д. 2, л. 1 об. – 2]. На эту просьбу послу официально объявили, что царь «управления и употребления веры католической на столице и повсюду в государствах своих не запрещает и запрещати не будет; также и свободное костелов каменное строение охотно его царское величество позволяет, для лучшей к себе всей Речи Посполитой склонности. И миссионерам от монархов христианских посланным вольно чрез государства свои дает проезд...» [5, д. 2, л. 2].

Нарвский указ 1704 г. был дан из Посольской канцелярии за подписью российского канцлера Ф. А. Головина и скреплен печатью царя [5, д. 2, л. 2 об.]. Поскольку множество знатных поляков, исповедовавших лютеранство, поддерживали шведского короля [13, с. 147], Петру I необходимо было укрепить дружеские отношения с католиками, и решение «костельного вопроса» этому весьма способствовало. Подлинник указа не сохранился: Дзялынский отослал его к иезуитам в Москву, чтобы они могли без промедления приступить к строительству каменной церкви, и этот документ, как полагают, сгорел в пожаре, произошедшем в ноябре 1705 г. [36, с. 265; 39, с. 181] Тем не менее существование Нарвского указа надежно подтверждается различными источниками: о нем идет речь в уже процитированной памяти Посольского приказа; о нем же упоминали московские иезуиты в кратком описании своей миссии: «...в 1704 г. <царь> выдал грамоту, которой разрешил отцам миссионерам построить впоследствии каменную церковь, которую

до сих пор можно было иметь только деревянную» [23, с. 146]. В январе 1705 г. Дзялынский показывал оригинал документа Холмскому епископу Теодору Потоцкому [39, с. 181], следовательно, в Москву указ был отправлен не сразу после заключения Нарвского союзного трактата, а спустя несколько месяцев. Отсутствие подлинного текста породило расхождения в его трактовке: папская курия поняла смысл указа как предоставление права построить только одну церковь в «Московии» и была этим недовольна («Вместо общего разрешения на строительство церквей право было ограничено возведением только одной») [39, с. 179]. Вместе с тем в указе явно говорилось о храмах во множественном числе: «...свободное костелов каменное строение охотно его царское величество позволяет» [5, д. 2, л. 2; 22, с. 262].

Гибель подлинника Нарвского указа потребовала от польского посла дополнительных усилий по фиксации полученных привилегий. В начале декабря 1705 г. в Гродно, где Петр вместе с польским королем готовил военную операцию, Дзялынский, «будучи на разговорах у министров его царского величества, прилежно домогался, дабы его величество повелел выдать оное решение для подтверждения за своею царского величества печатью» [5, д. 2, л. 2об.]. В итоге в Гродно 12 декабря 1705 г. из Посольской канцелярии «за властною его величества печатью» «государев подтвердительный указ о дозволении строить в Российском государстве римские каменные костелы» был дан [5, д. 2, л. 3]. Документ



Автограф и печать Петра I

вручили иезуиту Морису Вота, состоявшему духовником Августа II [22, с.261]. Его заверенная латинская копия была послана в Рим и сохранилась в ватиканском архиве [42, с.398–399]. В РГАДА имеется русскоязычная копия [5, д. 2, л. 1–3] (опубликована: [22, с.261–262]), а оригинал, по-видимому, был утрачен. Между латинской и русской копиями есть расхождения. Во-первых, латинский текст датирован 2 декабря (и это не опечатка, так как дата приведена дважды), а русский – 12 декабря. Скорее всего эта двойственность объясняется разницей между григорианским и юлианским календарями: 12 декабря нового стиля – это 1 декабря стиля старого (если предположить, что при переводе дат по привычке от XVII столетия добавляли 10 дней, а не 11, как требовалось, то получится как раз дата 2 декабря³). Если считать верной дату 12 декабря по старому стилю, то указ был оформлен по распоряжению царя в его отсутствие, так как Петр I выехал из Гродно 7 декабря старого стиля [17, с. 118; 13, с.212]. Во-вторых, в объяснении Дзялынского, что вера католическая уже давно имеется «на столице и в Киеве», в латинском варианте вместо Киева упомянут Смоленск [42, с.399]. В-третьих, русский вариант не содержит концовки, где говорится о том, что в ответ на религиозные свободы царь требует сохранения древних церемоний и ритуалов Греческой Церкви в Польше. Русская копия вообще составлена небрежно. Ее текст написан черными чернилами на четырех листах бумаги XVIII в. без филиграней (последний лист пустой), сшитых в трех местах и помещенных в обложку из более плотной серой бумаги. Год в заголовке указа (1705) вписан позднее более светлыми (коричневыми) чернилами, год пребывания Дзялынского в Нарве, написанный славянскими буквами, исправлен этими же чернилами с #аѿе (1705 г.) на #аѿд (1704 г.). По-видимому, копия находилась среди бумаг историка Федора Ивановича Титова, эмигрировавшего в 1919 г., так как на обложке имеется надпись карандашом: «Св. О.И.Титова, 91, кн. 99» [5, д. 2, л. I об.]. В конце документа есть загадочная приписка: «NB: Припоминает господин подканцлер коронный интерес господина Уписеса Винцентного по обещанию ныне определенному» [5, д. 2, л. 3].

Тогда же, в декабре 1705 г., царь пожаловал московским католикам особую грамоту, даровавшую большие привилегии капуцинам, которым было позволено заложить в Москве новый костел Св. Петра и построить монастырь. Подлинность этой грамоты (диплома) рос-

³ Путаница при переводе дат с одного календаря на другой вообще характерна для начала XVIII в.: в одном и том же документе могли прибавлять и 10, и 11 дней к дате старого стиля. См., напр.: [11, с. 15].

сийские историки всегда отрицали, и автор этих строк разделял их ошибочное мнение [8, с. 288–289]. Д. В. Цветаев, например, полагал, что Петр I в принципе не мог законодательно оформить разрешение на строительство каменных костелов. Историк считал, что жалованная грамота капуцинам – подделка («не нашлось никаких оснований допустить, чтобы для подобной "копии" существовал когда-нибудь оригинал» [31, с. 457]). Тем не менее Е. Ф. Шмурло и А. В. Флоровский, работая в папских архивах, доказали, что грамота – подлинная. Ее оригинал находится в архиве конгрегации пропаганды веры, и он снабжен подлинными подписями царя Петра и канцлера Ф. А. Головина [40]. Текст оригинала опубликован Е. В. Шмурло в 1928 г. [41, с. 191–206]. Имеющийся в Риме список с грамоты, опубликованный префектом Ватиканского секретного архива Августином Тейнером в 1859 г. [42, с. 399–400], как доказал Е. Ф. Шмурло, не был переводом, а одной из редакций оригинального текста, в который были внесены «добавления субъективного характера, задуманные в католическом духе» [40].

Русский текст грамоты, сохранившийся в делах Посольской канцелярии и опубликованный Д. В. Цветаевым («Копия с жалованной грамоты московскому костелу, приписываемая католиками Петру I и не признанная нашим правительством достоверною») [5, д. 1, л. 2; 31, с. LIV–LVII], по мнению Е. Ф. Шмурло, вовсе не является копией документа. Это – чья-то позднейшая компиляция, составленная приблизительно по памяти [40]. В оригинальном дипломе Петр I позволил капуцинам «построить в Москве монастырь и церковь близ римского ныне сущего тамо костела» [36, с. 266; 41, с. 200]. В тексте Тейнера также идет речь о монахах капуцинского ордена Св. Франциска в Москве, об их праве основать «в главном городе Москве» церковь, посвященную князю апостолов Св. Петру, а также монастырь (конвент) и сад при нем [42, с. 400]. В цветаевской копии церковь называется иначе: «...и основать тем же монахам церковь по имени Святых Апостол Петра и Павла, и монастырь соорудить, сад огородить и насадить повелели» [31, с. LVI]. Вольное переложение грамоты имеется во второй части сочинения бывшего ганноверского резидента Фридриха-Христиана Вебера «Преображенная Россия», увидевшей свет в 1738 г. Это самая ранняя публикация диплома, который имеет заголовок «Привиллия Петра капуцинскому ордену». В нем сказано: «Wir verleihen ihnen auch Macht und Gewalt eine Kirche und Kloster unter dem Namen Petri und Pauli zu erbauen, und dabei einen Garten anzulegen...» («Мы также

наделяем их правом и властью построить церковь и монастырь во имя Петра и Павла, посадив при этом сад...») [35, с. 164]. Копия этого диплома имела у капуцина Аполлинария из Швица – он ее предъявлял петербургским властям в 1724 г., защищая интересы своего ордена [1, л. 3]. В этом случае, кстати, правительство не сомневалось в подлинности документа.

Настоящий диплом на новую церковь и капуцинский монастырь не содержит точной даты. Е. Ф. Шмурло полагал, что он был выдан в декабре 1705 г. в Жолкве [40]. Между тем русский царь имел пребывание в Жолкве позднее – зимой 1706–1707 гг. А. В. Флоровский допустил, что документ был оформлен в Гродно вместе с указом о вольном костельном строительстве (возможно, даже 12 декабря) [36, с. 266]. Копия Аполлинария была датирована 1706 г. [1, л. 3], но ошибочность этой датировки выясняется при обращении к письмам иезуитов, которые с неудовольствием восприняли известие о том, что их миссии придется соседствовать с обителью «отцов капуцинов». В конце 1705 г., после пожара на церковном дворе, «первый министр царя» (по-видимому, А. Д. Меншиков) спрашивал их, в каком месте лучше начать строение капуцинского монастыря, – следовательно, диплом уже существовал [23, с. 195]. В списке Вебера указана дата 6 января 1705 г. [35, с. 163]. Несмотря на эти хронологические неувязки, дарование в 1705 г. капуцинам права основать в Москве «на слободе» монастырь не подлежит сомнению. Оно, впрочем, не было осуществлено из-за перемен во внешнеполитической обстановке.

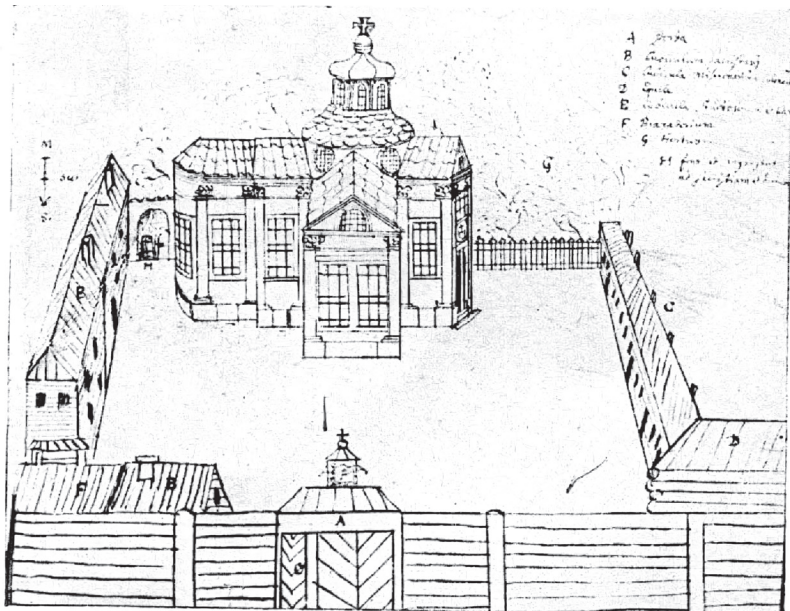
Очень скоро царское правительство предпочло «забыть» о дарованных католикам привилегиях, старательно делая вид, что никогда не выдавало никаких разрешительных грамот. В 1706–1707 гг. кризис военно-политического союза, заключенного Петром I и Августом II, привел к тому, что «костельные указы» в России не получили закрепления и должной кодификации, то есть были «положены под сукно», хотя фактические права католиков не отменялись. Угроза потерять Саксонию вынудила Августа II тайно от Петра заключить 13 (24) сентября 1706 г. Альтранштетский мирный договор с Карлом XII. В начале ноября царь узнал о предательстве польско-саксонского монарха, и грамоты о костелах и монастыре сразу же перестали быть актуальными в глазах русских дипломатов. Поэтому в Посольском приказе не были изготовлены их заверенные копии, и вообще всегда избегали делать на них какие-либо ссылки. В списке указов и распоряжений, подписанных царем в 1705 г., неслучайно нет упоминаний

о дипломах на церковное и монастырское строение [13, с.214–224]. Соответственно, они не вошли и в Полное собрание законов Российской империи, подготовленное М.М.Сперанским. На неоднократные запросы католиков выдать им копию разрешительного указа на костел и монастырь чиновники коллегии иностранных дел неизменно отвечали отказом. Так, например, было в 1732 г. [3, л.23; 6, л.1]. В апреле 1762 г. коллежский секретарь Михаил Собакин на просьбу московского патера Ангелуса снабдить его копией жалованной грамоты дал такой ответ: «Означенной грамоты в московском архиве не имеется» [2, л.13]. В 1797 г. секретарь коллежского архива Алексей Малиновский не только отказался выдать патеру Павлу Пешке копию жалованной грамоты, но и признал ее «сумнительною», оставив на титульном листе собственноручную заметку на этот счет [5, д.1, л.1; 31, с.LIV].

Еще один правовой документ, узаконивающий костельное строительство в России, был дан 20 (31) октября 1706 г. А.Д.Меншиковым от имени царя в польском городе Петрокове (Петркув-Трыбунальский), где пребывали русские войска. «Акт Меншикова» появился в результате дипломатического сближения России и Священной Римской империи, руководимой новым императором Иосифом I. 14 апреля 1706 г. император через иезуита Илию Броджио направил Петру I особое послание с пожеланием, чтобы русский царь «проявил, как и ранее, свою благосклонность к католическим миссионерам в Москве, чтобы им дозволил построить каменный костел...» [36, с.312]. Броджио вручил послание Меншикову, уполномоченному царем вести переговоры, и после нескольких недель общения с князем «достал от него диплом для римского папы Климента XI и для цесаря» [36, с.312; 39, с.198–201]. В подлинности «акта Меншикова» сомнений не было, но российское правительство о нем также предпочитало не вспоминать. Латинский текст акта опубликован А.Тейнером, причем он датирован старым стилем, что подкрепляет высказанную выше мысль о необходимости относить Гродненский указ к 2 декабря по юлианскому календарю [42, с.403]. Акт представляет собой официальное послание папе Клименту XI, даровавшее привилегии римским монахам – только уже не капуцинам, а иезуитам. В нем, помимо подтверждения «свободы вероисповедания римско-православной веры в городе Москве», иезуитам позволялось завести школу для обучения «древней московской знати», а также завершить уже почти оконченное строительство церкви из камня [42, с.403]. Иезуит Илия Броджио, которому акт был вручен,

писал 4 ноября 1706 г. своему провинциалу: «В этом письме (...) подтверждается прежде всего свободнейшее исповедание веры, вновь подтверждается постройка каменного храма (который, говорят, уже покрыт крышей). Равным образом царь прямо разрешил, чтобы существующее училище было преобразовано в настоящую гимназию, чтобы на будущее время она тем более наполнялась московской знатью» [23, с. 161–162]. Начатая капуцинами церковь в Москве именовалась храмом Свв. Петра и Павла, но судьба ее неизвестна. Окончившие строительство иезуиты возвели новую каменную церковь вместо капucinской постройки или же рядом с ней: «Работы шли быстро, и в 1707 г., в воскресенье, на восьмой день после праздника Святого Игнатия, была открыта новая церковь, освященная, так же как и старая, в честь Святой Троицы» [39, с. 285–286].

Безуспешные переговоры русского посла Б.И. Куракина с папой о выборах польского короля в 1707 г. также сыграли немалую роль в попытках российского правительства утаить указы и грамоты на права католикам. Папа отказал в явной поддержке Августу II, вновь претендовавшему на польский трон, и царь Петр, добивавшийся непри-



Изображение католической миссии в Москве
и храма во имя Пресвятой Троицы в иезуитской рукописи 1706 г.

знания Станислава Лещинского со стороны Римской курии, не был настроен подтверждать и тем более расширять права католиков. Перед отбытием Куракина из Рима, 7 (18) октября 1707 г., папа Климент XI вручил ему ответное письмо, в котором понтифик благодарил царя за его дозволение «братьям меньшим капуцинам» открыть в Москве монастырь, а миссионерам из «Общества Иисуса» – построить церковь и дом, а также учредить гимназию [38, с.285–286; 11, с.14–15]. В процессе переговоров, желая склонить папу на свою сторону, Куракин подчеркивал религиозную терпимость, каковой уже пользовались российские католики, но расширять границы этой терпимости у царя намерений не было⁴. В целом, скромные результаты дипломатической миссии Б.И.Куракина воспрепятствовали обнародованию или широкому освещению уже предоставленного в России «публичного католической религии екзерцициума» [11, с.14]. Победа в Северной войне и вовсе позволяла «забыть» об уступках, сделанных Россией католическим дворам в трудные для нее дни.

В начале XVIII в. право строить каменные католические церкви в России юридически было подтверждено не менее пяти раз: в масштабах всей страны – «Манифестом о вызове иностранцев...» 1702 г., Нарвским указом 1704 г. и Гродненским указом 1705 г.; конкретно в Москве – капуцинским дипломом 1705 г. и «Актом Меншикова» 1706 г. Таким образом, вывод Д.В.Цветаева о том, что «католической общине так и не удалось приобрести юридического признания права на существование ее первого в Москве каменного костела» [32, с.125], неверен. Однако российские власти, опасаясь усиления вмешательства католических держав в свою внутреннюю и внешнюю политику, так и не подтвердили свободу костельного строительства отдельными законодательными актами на внутригосударственном уровне. Вопрос о юридической санкции католического храмостроительства в России преимущественно оставался вопросом внешнеполитическим, а привилегии на храмы и монастыри обсуждались исключительно в ходе дипломатических переговоров. Внутреннее законодательство России при Петре I и его преемниках лишь в самых общих чертах декларировало религиозные свободы для католиков, не конкретизируя, сколько храмов и где они могли соорудить. Католики повсеместно пользовались свободой культа, но бесконтрольное костельное строительство не допускалось: каждой общине всякий раз нужно было испраши-

⁴Например, Куракин не согласился на предложение папы ввести нунциатуру в России [34, с.144].

вать высочайшее разрешение на постройку новой церкви. В течение XVIII и XIX столетий католическое храмоздание в России попадало под строгие ограничения⁵. Эти ограничения не были предусмотрены международными соглашениями, но естественным образом вытекали из абсолютного характера российской монархической власти.

Библиографический список

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 10. (Духовные дела иностранных исповеданий.) Оп. 10/1 (1724 г.). Д. 5.
2. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 10. (Духовные дела иностранных исповеданий.) Оп. 10/1 (1762 г.). Д. 1.
3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 152. (Духовные дела иностранных исповеданий.) Оп. 1 (1695 г.). Д. 3.
4. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 152. (Духовные дела иностранных исповеданий.) Оп. 1 (1699 г.). Д. 1.
5. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 152. (Духовные дела иностранных исповеданий.) Оп. 1 (1705 г.). Д. 1, 2.
6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 152. (Духовные дела иностранных исповеданий.) Оп. 1 (1719 г.). Д. 4.
7. Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. СПб.: Типография 2-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1841. Т. 3: 1613–1645. IV, 501, 16, [17] с.
8. Андреев А. Н. Западнохристианские вероисповедания и общество в России XVIII в.: Дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2011. 712 с.
9. Андреев А. Н., Андреева Ю. С. Католик Патрик Гордон и русское общество конца XVII столетия // Вопросы истории. 2018. № 5. С. 162–175.

⁵ *Требовалось располагать храмы вдали от жилой застройки, запрещалось использовать колокола и иметь два костела в одном городе, включая столицы [8, с. 286–287].*

10. Андрощук В.В. Формирование правовых основ системы управления инославными конфессиями в Российской империи XVIII – начала XX века // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2020. №1. С.27–38.
11. Архив князя Ф.А.Куракина. СПб.: Типография В.С.Балашева, 1891. Кн.2. XXX, 452 с.
12. Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М.: Типография Э.Лисснера и Ю.Романа, 1894. Ч.1. X, 303, [1] с.
13. Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М.: В университетской типографии, 1788. Ч.2. XVI, 467, [3] с.
14. Гондиус В. Изображение атаки и обороны Смоленска, 1634. СПб.: В Типографии К.Жернакова, 1847. 64 с.
15. Гордон П. Дневник, 1684–1689 / пер., ст., примеч. Д.Г.Федосова. М.: Наука, 2009. 339 с.
16. Гордон П. Дневник, 1690–1695 / пер., ст., примеч. Д.Г.Федосова. М.: Наука, 2014. 620 с.
17. Журнал или поденная записка блаженных и вечностойных памяти Государя Императора Петра Великого с 1698 года даже до заключения Нейштатского мира. СПб.: При Императорской академии наук, 1770. Ч.1. [6], 430 с.
18. Козлов-Струтинский С.Г., Парфентьев П.А. История Католической Церкви в России. СПб.: Белый камень, 2014. 740 с.
19. Красножен М.Е. Иноверцы на Руси: К вопросу о свободе веры и о веротерпимости. Юрьев: Типография К.Маттисена, 1903. 202 с.
20. Кувшинская И.В. Труды и дни императорской миссии. Католический храм Немецкой слободы на рубеже XVII–XVIII вв. // Архитектурное наследство. 2012. №57. С.125–138.
21. Лиценбергер О.А. Римско-католическая и Евангелическо-лютеранская церкви в России: сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом (XVIII – начало XX вв.): Дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2005. 488 с.
22. Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб.: Государственная типография, 1912. Т.6. XXVII, 634, LXXXII с.
23. Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв. Иржи Давид. Современное состояние Великой России, или Московии. Рязань: Александрия, 2010. 336 с.
24. Полное собрание законов Российской империи. СПб.: В типографии II отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. Т.1. XXXI, 1029, [13] с.
25. Полное собрание законов Российской империи. СПб.: В типографии II отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. Т.2. 974, [3] с.

26. Полное собрание законов Российской империи. СПб.: В типографии II отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. Т.4. 881, 3, [3] с.
27. Поссевино А. Избранные сочинения // Иван Грозный и иезуиты: миссия Антонио Поссевино в Москве: [сборник] / предисл. И.В. Курукина, пер. с нем. С.П. Гиждеу, пер. с лат. Л.Н. Годовиковой. М.: Аграф, 2005. С. 153–226.
28. Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. М.: Университетская типография, 1891. Кн.3. С. 1–203.
29. Толстой Д.А. Римский католицизм в России. СПб.: Изд. тип. В.Ф.Демакова, 1876. Т.1. 537 с.
30. Флоря Б.Н. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.). СПб.: Алтейя, 2004. 222 с.
31. Цветаев Д.В. Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII вв. М.: Университетская типография, 1886. [8], 462, LIX с.
32. Цветаев Д.В. История сооружения первого костела в Москве. М.: Университетская типография (М.Катков), 1885. 130 с.
33. Цветаев Д.В. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. М.: Университетская типография, 1889. Кн.4. С. 1–328.
34. Шлафли Д.Л. Петр Великий и иезуиты / Д.Шлафли; пер. с англ. И.Третьякова // Петр Великий. М.: ОГИ, 2007. С. 137–155.
35. Des veränderten Rußlandes Zweyter Theil, worinnen die Folge derjenigen wichtigen Veränderungen, welche der Rußische Kayser Petrus der Erste zur Aufnahme seines Reichs in allen Ständen vorgenommen, auch die seit Anno 1721 bis an seinem Tod vorgefallenen. Merkwürdigsten Begebenheiten. Hannover: Verlegt von seel Nicol. Försters und Sohns Erben, 1738. Th.2. 248 s.
36. Florovský A. V. Čeští jesuité na Rusi: Jesuité české provincie a slovanský východ. Praha: Nakladatelství Vyšehrad, 1941. XI, 468 s.
37. Haarlem d'Zacharie. Les premières tentatives d'une mission des Capucins en Russie // Collectanea Franciscana. 1941 (Aprili). Roma: Directio et Administratio Instituto Storico dei Fr. Minori Cappucini, 1941. P.223–255.
38. Historica Russiae monumenta, ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliothecis depropmta ab A.J.Turgenevio. Petropolis: Tip. Edward Pratz, 1842. T.2. VII, XIII, 451 p.
39. Pierling P. La Russie et le Saint-Siège: Études diplomatiques. Paris: Librairie Plon, 1907. Vol.4. VII, 464 p.
40. Šmurlo E.F. Un diplôme inédit de Pierre le Grand de 1705 // Conférence des historiens des états de l'Europe Orientale et du monde slave. Varsovie, le 26–29 juin 1927. 1-ère Partie. Travaux de préparation, résumés des communications. Varsovie: Société Polonaise d'histoire, 1927. Без пагинации.

41. Šmurlo E.F. Un diplôme inédit de Pierre le Grand de 1705 // Conférence des historiens des états de l'Europe Orientale et du monde slave. 2-me Partie. Varsovie: Société Polonaise d'histoire, 1928. P.191–206.

42. Theiner A. Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaélowitch, Féodor III et Pierre le Grand czars de Russie, extraits des archives du Vatican et de Naples. Rome: Imprimerie du Vatican, 1859. 556 p.

Мир каждый видит в облике
ином, и каждый прав:
так много смысла в нем.

Иоганн Вольфганг Гете

Люди похожи на статуи:
их привыкают видеть
на одном месте.

Софья Фёдоровна Сегюр





Андрей Келлер

ДВОЙНИК В.И.ЛЕНИНА В СМОЛЬНОМ: ПО МОТИВАМ КАРТИНЫ И.И.БРОДСКОГО

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК

75.041(470) Бродский И.И.+94(470)''1930)+7.036.1(470)

Цель статьи: осуществить биографическую реконструкцию жизни И.И.Бродского (1884–1939) в контексте картины «В.И.Ленин в Смольном» (1930). Творчество художника находит необычное преломление через дневники его коллеги и современника П.Н.Филонова (1883–1941), что помогает высветить личность художника не только как основоположника социалистического реализма в изобразительном искусстве, но и как человека во всей своей противоречивости. Прослеживается трансформация академического художника дореволюционной России в одного из создателей советского искусства, сумевшего продолжить традицию русского реалистического направления в рамках соцреализма.

This article attempts a biographical reconstruction of the artist's life with reference to his painting V.I.Lenin in Smolny (1930). I.I.Brodsky (1884–1939) and his work are presented against the backdrop of the terror of the 1930s, the ideological collapse of the fine arts, and the artist's personal success. The diaries of P.N.Filonov (1883–1941) make it possible to see I.I.Brodsky from an unusual perspective not only as the founder of the whole direction of the so-called socialist realism in the fine arts of the Soviet Union, but also as a man with his own thoughts and feelings.

Ключевые слова: И.И.Бродский; В.И.Ленин; П.Н.Филонов; Лениниана; советское искусство 1930-х годов.

Key words: I.I.Brodsky; V.I.Lenin; P.N.Filonov; a work of art as a historical source; Leniniana; Soviet art of the 1930s.

E-mail: keller26000@gmail.com

С 18 по 27 октября 2002 г. в берлинском представительстве концерна Фольксваген (Automobil Forum Unter den Linden, сегодня Drive. Volkswagen Group Forum) на выставке «старого искусства» “Ars Nobilis” вниманию столичной публики были представлены экспонаты из 16 лучших частных коллекций Германии. Широкая панорама европейского искусства включала работы от мастеров Ренессанса и нидерландского портрета до немецких экспрессионистов. Неожиданным стало открытие в таком окружении двух знаковых полотен советского искусства с изображением вождя русской революции В.И.Ленина кисти И.И.Бродского: «В.И.Ленин в Смольном» (1930, прежнее название «Декрет о земле») и «Ленин читает газету «Правда»» (Москва, Кремль, 16.10.1918. 1930-е годы).



Бродский И.И. В.И.Ленин в Смольном (1930). Масло, холст, 139 x 94 см, частное собрание

Эта находка послужила толчком к размышлениям о судьбе художника и его картинах, проделавших путь из России 1990-х гг. в частное собрание картин коллекционера из Баварии Отто фон Митцлаффа, пока они не были проданы анонимному покупателю. Особенно первая картина разительно отличается от общеизвестных полотен, находящихся в Государственном историческом музее и Государственной Третьяковской галерее в Москве.

Современным исследованиям в рамках Visual Studies и Iconic Turn, или визуального поворота, рассматривающим произведение искусства как исторический источник, предшествовали работы феноменологов Георга Зиммеля и Ханса-Георга Гадамера [30; 46; 47]. Иконография визуальных источников показывает инструменты, с помощью которых правда искусства может стать частью научной истины [37; 45; 31; 44; 26; 16; 28]. С помощью представления или воображения раскрывается «познавательный потенциал произведений искусства». Такое воображение не является «спонтанно иррациональным», но суть методический инструмент познания, необходимый для раскрытия «полноты значения и многогранности произведений искусства» [48, S. 15–16]. Негативная редукция «жизни артефакта» до «голого факта картины» несет в себе опасность сужения интерпретационного пространства до того минимума, когда на месте художественной картины остается всего лишь плакат. Дополнение искусствоведческих аспектов феноменами из жизненного мира художника помогает обогатить понимание далекой исторической действительности. Как нам видится, «включенность» произведения искусства в жизнь Бродского и его современников позволяет лучше понять как саму картину, так и социальный, культурный и психологический контекст времени ее создания. Такой посыл коррелирует с попытками увидеть в «иконе» человека [9], не столько Ленина как «вождя пролетариата и гения революции», «в которой переданы обаяние и глубокая человечность великого вождя», сколько самого художника [4, с. 125; 9, с. 46].

Исследование советской эпохи подобно работе археолога, вскрывающего культурные и ментальные слои, скрывающие жизнь и творения художника, замаскированные пластами советской идеологии, мифотворчества и официоза [25; 33; 41; 9, с. 46]. Словно от ученика И. Е. Репина (1844–1930) [32; 42], талантливого художника, осталась лишь формальная оболочка человека-символа, живой иконы. В рамках визуального поворота (iconic turn) [36, S. 153–182; 24, S. 9–15] происходит преиконаграфическое описание картины, иконографический анализ и иконологическая интерпретация символического содержания картины [36, S. 157]. Примером для такой работы может послужить исследование Кристины Кайер, поставившей произведение искусства в центр своего исследования, с помощью которого она интерпретирует не только жизненный опыт А. А. Дейнеки, но и социальную историю в момент создания произве-

дения [35, p.243–249]. Важен анализ тонкого взаимодействия и взаимовлияния социальной и индивидуальной психологии, личности и социума в рамках историко-культурного подхода. Интерпретация произведения искусства в данном случае добавляет нюансировки, существенные для понимания роли субъективного фактора в восприятии реальности [43, p.4, 5]. Интересен именно этот «зазор» между декларируемой «документальностью» искусства Бродского и его субъективным восприятием реальности.

Предыстория и анализ картины

И. И. Бродский был одним из первых художников, получивших разрешение рисовать Ленина¹. В 1917 г. нарком просвещения Луначарский

рекомендовал его как человека этически и политически совершенно надежного, когда Бродский попросил его на одном из заседаний Исполнительного комитета по делам искусств, проходивших на квартире Горького в Петрограде, помочь ему сделать ряд зарисовок крупнейших деятелей Октябрьской революции, в том числе и Ленина [5, с. 112–113]. Активно участвующего в выставках, Бродского сразу замечают и признают в нем редкого мастера, полезного для новой власти. В марте 1919 г. он выставляет свой первый портрет Ленина на конкурсе «Великая русская революция», где получает за него премию [5, с. 220]. Зарисовки В.И.Ленина в Смольном И.И.Бродский мог делать уже в 1917/1918 г. в устроенной рядом с рабочим кабинетом мастерской. Уже как официальный хроникер, Бродский делал эскизы Ленина на II конгрессе Коминтерна (четыре рисунка), проходившем с 19 июля по 7 августа 1920 г. в бывшем Таврическом дворце (тогда дворец им. Урицкого) в Петрограде, на IX Всероссийской конференции РКП(б) в сентябре 1920 года (один рисунок) и на Третьем конгрессе Коминтерна в Петрограде и Москве (один карандашный портрет) с 22 июня по 12 июля 1921 года. На конгрессах Коминтерна Бродский собирал материал для своей картины «Торжественное открытие II конгресса Коминтерна». Именно в Москве в 1921 г. был сделан знаменитый снимок В.Буллы, зафиксировавший момент работы Бродского, делающего зарисовки Ленина на III конгрессе Коминтерна, положенный в основу картины.

¹В первые годы после революции он сумел заручиться поддержкой новой–старой элиты: А.М.Горького, и правящей верхушки советского государства: А.В.Луначарского, К.Е.Ворошилова, С.М.Кирова, И.В.Сталина. Эти патронажные отношения послужили дополнительной, если не основной, защитой для художника [5, с. 120–127].

«Немецкий» вариант картины «В.И. Ленин в Смольном» (Рис. 1) существенно отличается от общеизвестных полотен, ставших неотъемлемой частью обширной Ленинианы в советском изобразительном искусстве².



Бродский И.И. В.И. Ленин в Смольном (1930). Масло, холст, 190 x 287 см., поступление 1937, от автора, инв. №25467 // Государственная Третьяковская галерея, Москва

Оригинальность композиции, отсутствие штампов и «недогматичность» трактовки образа Ленина – вот отличительные черты картин Бродского от советского мейнстрима. На картине Ленин предстает не только вождем русской революции, но и «человечным» политиком, «трудящимся» интеллектуалом. Бродский вспоминал: «Мысль написать эту картину зародилась случайно, когда я посетил комнату Ленина в Смольном. Из этого небольшого музея я ушел с твердым решением написать картину. Я написал ее очень быстро, в две–три недели. Нахожу, что Ленин мне удался. Это подтверждала и Надежда Константиновна Крупская. Картина находится в Центральном музее В.И. Ленина (сегодня Государственный исторический музей, – А.К.), а ее вариант – в Третьяковской галерее» [5, с. 146]. Картина выставлялась в 1933 г. в Третьяковской галерее на выставке «Художники за 15 лет», в 1934 г.

² Другие работы Бродского с Лениным: «В.И. Ленин и манифестация» (1919), «В.И. Ленин на фоне Кремля» (1924); «В.И. Ленин на фоне Волховстроя» (1927); «В.И. Ленин на трибуне» (1927), «Выступление В.И. Ленина на митинге рабочих Путиловского завода в мае 1917 года» (1929), «Выступление В.И. Ленина на проводах частей Красной армии на Западный фронт 5.5.1920» (1933) [1; 23].

на биеннале в Венеции, затем в Анкаре и Стамбуле, в 1934 г. в США [14, с. 76]. На Всемирной выставке в Финляндии она заняла третье место зрительских симпатий, где на первом месте оказался пейзаж одного американского художника, на втором – портрет обнаженной женщины художника из Италии [5, с. 146].

К теме В.И.Ленина И.И.Бродский обратился уже после 1917 г., но заочно он слышал и знал о нем уже раньше. В 1911 г., будучи в гостях у А.М.Горького на Капри, Бродский слышит о Ленине восторженные отзывы писателя: «С нетерпением Алексей Максимович ждал приезда Ленина на Капри и часто с увлечением говорил мне о нем, как о «замечательной натуре для художника»» [5, с. 75]. Годы спустя Бродский напишет: «Личность В.И.Ленина представлялась мне исключительной и крайне интересной для изображения. Я долго искал случая встретиться с ним» [3, с. 222].

Отличие от известных вариантов картины (Рис. 2), пронизанной светом и почти с фотографической точностью передающей портретируемого и окружающую обстановку (= мессия революции), «картина в полутьме» из частной немецкой коллекции (Рис. 1) отличается своей «художественностью», о которой с таким пренебрежением отзывался Бродский, будучи в официальном амплуа: это именно живопись, а не «фотореализм» [19]. Документальный материал художник умел творчески интерпретировать, опираясь на живые наблюдения и эскизы, что показывает сложность процесса становления творческого метода художника [5, с. 15] – «эта картина вынашивалась годами» [1, с. 22].

Сингулярность «немецкой» версии может объясняться кратковременным сильным эмоциональным переживанием Бродского, связанным с каким-либо трагическим событием: потерей близкого человека, ученика, коллеги. Погруженный в безрадостный «реалистичный» коричневый цвет, Ленин предстает сидящим справа в кресле и погруженным в работу. Он полностью сосредоточен на своих мыслях. Мир вокруг него перестал существовать или присутствует как пространство для проведения великих социальных экспериментов. Он пишет на листке бумаги, положив его по старой привычке на колено, привыкнув писать при любых обстоятельствах: в дороге, в лесу, в заключении. И все же эта неприметная поза символизирует власть, манифестацией которой было умение писать, умение трансформировать мысли в текст, становившийся впоследствии основой для декретов и манифестов, определяющих жизнь большой страны. Поза Ленина показывает сходство с изображениями коленных поз, к примеру, евангелистов Марка и Луки на русских иконах

(в том числе XVI в.) [6, с. 120; 8, с. 502; 10], где Ленин предстает в образе святого мученика и мессии Русской революции, несущего вместо религии «свет» нового учения социализма и новую идеологию. Предельный реализм усиливается классическим каноном иконописания, применение которого можно интерпретировать как попытку перекодирования и трансформации глубоко укорененного массового религиозного сознания «русского человека».

Композиция, распределение света и тени, палитра – все это дает нам необходимую информацию о плане художника и цели – изобразить Ленина именно в таком ракурсе. Свет падает в комнату справа из окна, из-за спины Ленина. Несмотря на сильный источник света, комната остается в полумраке. Блики на стене ассоциируются с «мировым пожаром» или Геенной огненной. От света зарева предметы бросают тени, отчего создается впечатление, что Ленин находится в царстве теней. Для иконографии Ленина, как и для самого Бродского, такое изображение вождя нетипично: это единственная картина, где Ленин находится не в центре композиции, а смещен вправо и расположен боком к зрителю. Следовательно, взор Ленина не может быть обращен к последнему, а его глаза опущены. Если официальные варианты выполнены в нейтральном стиле «фото-реализма», то в «берлинском» варианте художник, находясь в христианско-иудейской религиозной традиции (хотя сам Бродский не был религиозным), говорит на языке «русского Апокалипсиса», о чем свидетельствуют зловещие языки пламени, бликующие на стене, символизирующие огонь революции. Принцип «золотого сечения» дает художнику возможность оставаться в рамках классического канона и тем самым оправдать такую композицию. Внимание зрителя привлекает не только Ленин, но и газетный столик, расположенный в композиционном центре. Присмотримся повнимательнее к газетам, на которых делается акцент, – ведь это контрапункт картины³.

Бросается в глаза нехарактерная фактура для обычной газеты. По своей консистенции газетная бумага напоминает влажный материал. Он не повторяет плоскую линию стола, но пучится «неестественно», словно что-то скрывая. Под этим «нечто» трудно представить себе кусок хлеба, который, возможно, был принесен Ильичу заботливыми соратниками к чаю, или завернутую рыбу, зная всю педантичность Ленина и щепетильное отношение к свежей прессе, которая должна была у него лежать

³ Искусствоведы также обращают внимание на розетку, расположенную в самом верху, как символ плана ГОЭЛРО, предусматривающего электрификацию России.

на столе непременно каждый день⁴. Отметим, что эта характерная деталь с необычной газетой в композиционном центре картины особенно ясно видна при непосредственном восприятии «немецкого» оригинала, а не его электронной копии. А именно, легко представить себе, что газетный лист пропитался не чем иным как кровью⁵. Он символизирует не только бесчисленных жертв революции, но и убитое слово. Ведь свобода прессы была упразднена почти сразу после прихода к власти большевиков.

Именно этот контекст угадывается в газетных листах. Неестественно большие заглавные буквы, перевернутые вверх, означают: «Вооруженный народ», где, собственно, должны были стоять слова свободы, равенства и братства. Подобный выбор заголовка очень необычен, так как в картинах такого важного идеологического значения особенное внимание должно было уделяться тому, какие образы она несет и какие слова там написаны. Магия опубликованного текста играет в данном случае важную плакативную и идеологическую роль. Текст в картине, растянутой миллионы раз и знакомой каждому советскому человеку вплоть до школьников, должен был быть тщательно продуман и находился под неусыпным контролем партии, как и все картины о вожде революции⁶.

Таким образом, идея, высказанная в этой картине, может быть выражена словами из Евангелия: «Не мир принес я Вам, но меч»⁷. В контексте 1920-х и 1930-х годов, «Вооруженный народ», демонстративно представленный на странице газеты, символизирует силу и власть, преобразующую (гражданское) общество и уничтожающую его одновремен-

⁴ В советское время в методическом пособии для школьных учителей давалась официальная интерпретация картины: было предписано объяснять школьникам, что под газетой находится хлеб.

⁵ Примечательна тенденция возникновения трагических ассоциаций красного цвета с кровью и многочисленными жертвами «большого террора» в постсоветской рецепции советского искусства 1930-х годов [18, с. 376].

⁶ В связи с большой популярностью картин Бродского и широким спросом на них, в его мастерской работало множество художников-копиистов, что позволило художнику стать состоятельным человеком. В 1930-е гг. он построил на свои средства на своей родине в Софиевке в Крыму электростанцию стоимостью более 80.000 руб. [21, с. 344; 5, с. 137]. О величине гонораров художника говорит тот факт, что за один тираж репродукции картины в 1 млн авторский гонорар составил около 100 тыс. руб., которые художник перевел в «Фонд обороны страны». Только за период с 1934 по 1937 г. было выпущено св. 5 млн экземпляров репродукций картины [14, с. 74, 76].

⁷ Евангелие от Матфея, 10.34. В традиции христианской церкви слова Христа по праву трактуются в том смысле, что Спаситель пришел, чтобы отделить истину от лжи, мудрость от глупости, добро от зла, правду от насилия и т. д.

но. Известно, что Ленин занимал непримиримую позицию по отношению ко всем печатным органам, находившимся под неусыпным надзором ВЧК, кроме большевистских. Тем более, что он испытывал глубокое презрение к любым «буржуазным правам и свободам». Как первый неофициальный цензор советской республики он давал четкие указания главе ВЧК Ф.Э.Дзержинскому по упразднению последних и по закрытию газет и журналов в случае, если они не соответствовали «партийной линии»⁸.

Рабочая комната Ленина – бывшая комната воспитательниц – обставлена очень скромно. Мебель используется практически только Лениным. Никто кроме него не сидит на ней. Стол изображен так, что создается впечатление, что он приклеен к дивану в виде коллажа и туда не сможет протиснуться ни один человек. На кресле слева, судя по складкам, кто-то сидел, но о его местопребывании можно только догадываться. Композиция картины невольно наводит на мысль, что здесь непременно должен был быть собеседник, который отсутствует.

Это не диалоговое пространство, где проходит дискуссия. Остается только тень за креслом. Стул за спиной Ленина также не несет почти никакой функциональной нагрузки, оставаясь пустым. Спинка кресла изображена так, что кажется, что Ленин сидит «между стульями». Кресло, на котором сидит Ленин, препарировано художником: у него отсутствуют подлокотники. Это хорошо видно, если мы посмотрим на оригиналы кресел в сегодняшней экспозиции музея, где кресла совершенно идентичны.

На фотографии при всем желании зритель не обнаружит никаких антропо- и зооморфных фрагментов на предметах мебели в отличие от официальных вариантов картин: на правом подлокотнике кресла слева явственно виден прорисованный нос, на левом – глаз рептилии. На сиденье кресла справа, на котором изображен Ленин, явственно прорисовано человеческое лицо, а все кресло, на спинке которого заметен глаз, превращается в пасть чудовища, готового проглотить вождя.

⁸ См. письмо В.И.Ленина Ф.Э.Дзержинскому 19 мая 1922 г. «к вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции», в котором он требует «собрать систематические сведения [об их] политической работе и литературной деятельности» для строгого контроля ГПУ при НКВД РСФСР за средствами массовой информации и публикуемыми книгами. Называя газету «Новая Россия», закрытую «питерскими товарищами», Ленин запрашивает о ней более подробную информацию, чтобы разобраться, в отличие от журнала «Экономист», называя почти всех сотрудников «законнейшими кандидатами на высылку за границу» и «военными шпионами», которых необходимо «излавливать постоянно и систематически и высылать за границу» [12, с. 265–266].



Рабочая комната В.И.Ленина в Смольном до переезда советского правительства в Москву в феврале 1918 г.

Свет используется не для того, чтобы высветить лицо героя или какую-либо важную деталь, как это характерно для картин Рембрандта, а для того, чтобы затемнить лицо Ленина (рис. 1) [39, S.231–238; 46]. Парадокс времени: свет Просвещения и рационализма превращается во тьму. Ноги изображаемого становятся хуже различимы внизу. Ленина затягивает непреодолимая сила гравитации или подземного, потустороннего мира. Для усиления этого эффекта, художник «препарирует» кресло, убирая подлокотник. Это противоречит словам самого Бродского, уверяющего в точном изображении антуража комнаты: «Ведь все было так, именно так, в этой комнате, когда в ней жил Ленин! И зрителя должно охватить такое же волнение, какое рождается в музее, когда хочешь прикоснуться к вещам Ленина. Я не мог позволить себе ничего изменить в угоду приверженцам "живописности"» [20]. Такое обращение Бродского с фактурой говорит о невозможности избежать трансформации реальности средствами искусства для более правдивого ее отражения. Даже такой мастер реалистического искусства как Бродский не может отказаться от этого принципа. В реалистической живописи последний сведен к минимуму, в абстрактной живописи он возведен в абсолют. Соцреализм допускал иной вид трансформации, когда социальная (социалистическая) реальность должна была транслировать луч-

шую действительность, чем на самом деле. Согласно канону соцреализма реальность должна была быть препарирована в правильную реальность.

Допустим ли в принципе такой анализ «на грани фолла»? Можно ли картину основателя соцреализма подвергать такого рода «жесткой» интерпретации? Не заходит ли она слишком далеко? Но кто определяет границы допустимого как ни сам исследователь? Взгляд методиста Третьяковской галереи В.М.Бялик достаточно убедителен, когда она говорит о желании художника придать исторической личности лирическую ноту, поэтизирующую вождя революции [9, с.41]. Можно с этим согласиться, ведь Бялик и автор этой статьи обращаются к вариантам картины, взаимоисключающим друг друга. Благодаря противопоставлению этих картин и концепций, возможно получить многогранный портрет художника и человека – противоречивого, сопереживающего, сомневающегося, не соглашающегося, мучающегося от неразрешимых вопросов эпохи или ужасных прозрений.

Фотореализм и творчество художника

Бродский в своем стремлении «реалистично» отобразить действительность в духе времени часто обращается к фотографии, в том числе

и в работе над картиной «В.И.Ленин в Смольном», но «этот «прозаизм» далек от холодного объективизма, бесстрастной мелочной фактографии и фотографиязма» [3, с.316]. Ссылаясь на работы Лии Дикерман и Андрея Романовского, можно было бы предположить, что именно фотография Буллы и никакой другой мотив, например, русская икона, послужила прообразом композиции [29, р. 144, 146; 18, с.373].

Средства фотографии подходили для документирования реалистических мотивов в творчестве художника, которые могли бы иметь все же иную природу. Фотография В.Буллы дает именно такое «алиби» художнику.

Но вопрос заключается не в том, в какой позе фотограф запечатлел Ленина и Бродского, а в том, почему художник выбрал именно этот ракурс. Решающим здесь является не «голый факт», а выбор художника. Зритель имеет полное право на аналогии с иконой, если таковые возникают, а значит, и у Бродского мог присутствовать этот мотив, но не в целях религиозной пропаганды, а в целях суггестивного усиления влияния картины на сознание реципиента. В этом случае фото и подтверждение фактологичности происходящего не являются еще прямым доказательством мотивов художника.



В. Булла. В.И.Ленин на III Конгрессе Коминтерна в Андреевском зале
Большого Кремлевского дворца, Москва, июнь 1921 г. // Научно-иссле-
довательский музей при Российской академии художеств

В этом случае воля автора картины первична по отношению к фотографии. Поэтому, независимо от фотографии как запечатленного «исторического факта» или формально «объективной данности», долженствующей подчеркнуть «объективный» взгляд исследователя на картину и защитить его от упрека в сюрреалистических «спекуляциях», решающим остается вопрос, почему Бродский выбрал именно этот ракурс, расположившись несколько позади и сбоку от Ленина.

Филонов vs. Бродский

Цитата: «В тридцатые годы, когда единственным допустимым направлением в русском искусстве был соцреализм, Бродский стремился поддержать все талантливое, что оказалось за его пределами. Его квартира была тогда одним из немногих мест, где можно было увидеть произведения художников авангарда – Бориса Григорьева, Александра Яковлева, Марка Шагала» [15].

Читая записки Филонова о событиях 1937 года, нельзя не заметить сочувствующий тон по отношению к Бродскому, травля которого тяжело отзывается в душе Филонова. 10 ноября 1934 г. до этого сочувствия было еще далеко. В этот день на заседании горкома, где Бродский выступал с докладом о положении в Академии, с резкой критикой в его адрес выступил с присущей ему откровенностью Филонов: «Вы, товарищ Бродский, говорите, что превратили Академию в Днепрострой искусства. Из вашей Академии-Днепростроя хлещет тьма. Аналитическое искусство будет вашим могильщиком» [21, с.268]⁹. В своей речи Филонов выразил убеждение в том, что Бродский разделит судьбу своих предшественников: Эссена и Маслова, и он предстанет перед судом. Филонов оказался не совсем прав. Аналитическое искусство не стало могильщиком соцреализма, а суд над Бродским был совершен студентами Академии [38]¹⁰. В 1937 г. Филонов уже более осторожен в своих высказываниях по отношению к Бродскому. Он понимает, что последний находится в противоречивом положении, делая шпагат между попытками сохранить лояльность к художникам «старой школы», расколовшимся на две большие группы экспериментаторов и традиционалистов, и требованиями студентов преподавать основы «советского» искусства, под которыми ими могла пониматься также и абстрактная, и аналитическая живопись Малевича или Филонова.

Простое положение Бродского описал его современник В.Н.Перельман: «У Бродского не было недостатка во врагах» не только среди так называемых «леваков-авангардистов», для которых он был *persona non grata* [17, с. 105]. Его даже исключили из АХРПа. Но Бродский – в фаворе у власти, у него – высокие защитники, с которыми он состоит в патронажных отношениях: за него заступает сам Ворошилов, состоявший с 1924 г. в Комиссии по увековечению памяти В.И.Ленина, а потом и возглавивший ее. Эта комиссия «осуществляла контроль за размножением портретов вождя, давала разрешение на тиражирование бюстов и установку памятников» I. A. Brodskii, [3, с.306]. С 1926 г. С.М.Киров возглавляет Ленинградскую партийную организацию, особым расположением

⁹ Филонов пишет о том, что многие художники ненавидят и боятся Бродского. 27.11.1933 художник Василий Купцов признался Бродскому, что он его «органически ненавидит» [21, с. 227]. Судьба Купцова трагична. После обыска у него в мастерской в октябре 1935 г. он, в ожидании неминуемого ареста, повесился.

¹⁰ Ч.Э.Кларк писал в рецензии на книгу П.Конечного: «... university students acted [state] as agents in their own behalf ..., the university witnessed the same kind of denunciation and reprisals as did other areas of society», and students „shock workers’ and denouncers of their comrades and professors” [27, p. 183].

которого пользуется Бродский. Киров, состоявший в тесном общении с художником, распорядился выделить ему под мастерскую помещение, находившееся прямо над «роскошной» квартирой Бродского разместившейся таким образом на двух этажах. [18, с.377]. Хотя, при ближайшем рассмотрении, все выглядело гораздо более прозаично. В трехкомнатной квартире, кроме Бродского, жило еще семь человек: его жена и две ее сестры, племянник художника, молодой художник из Бердянска Белоусов, учившийся в Академии художеств, сын Бродского от первого брака Евгений, домработница, а также имелись две собаки и клетка с птицей [22].

Причины конфликта директора Академии художеств со студентами становятся понятны, ведь Бродский согласно своему положению вынужден был артикулировать свою позицию по отношению к «формалистам». Со слов его племянника это приобретает еще и густую идеологическую окраску, хотя сознание самого Бродского не было настолько идеологизированным – он не любил участвовать в дискуссиях и [5, с. 12], как правило, воздерживался от «политических разговоров»¹¹. Но в полемике не обходилось и без жестких формулировок – дани жестокого времени непримиримых оппонентов. На одном из собраний студентов он говорил: «Я всю жизнь боролся с формалистами и был жестоко ненавидим ими за это. ...Я всегда буду вести упорную борьбу со всеми пачкунами в живописи, со всеми, кто пытается в искусстве грязной, беспомощной мазней очернить нашу прекрасную действительность» [17, с.134]. Перельман вспоминал: «Формалисты в Ленинграде были очень активны, напористы. Борьба ленинградского АХРР с "леваками" очень осложнялась позицией части молодежи, находившейся под влиянием Филонова, Пунина, Арватова. Дело доходило до схваток. Особенно острым и клеветническим нападкам подвергалось Общество имени А.И.Куинджи, возглавляемое Бродским» [17, с. 103].

На самом деле современники Бродского отмечали его исключительную терпимость к чужим мнениям [17, с.71]. Черты спокойного, уравновешенного характера привлекали к нему многих художников и представителей интеллигенции: «Говорил он тихим голосом, был очень немногословен, но в его поразительно точных характеристиках было много убийственной иронии, юмора» [17, с. 103]¹². И.А.Бродский писал

¹¹ «Не участвуя в диспутах и дебатах по вопросам искусства ...Бродский искал путей разрешения спорных вопросов в мастерской, у мольберта» [5, с. 12].

¹² В.Н.Перельман вспоминал: «Формалисты в Ленинграде были очень активны, напористы. Борьба ленинградского АХРР с «леваками» очень осложнялась позицией части молодежи, находившейся под влиянием Филонова, Пунина, Арватова. Дело доходило до схваток. Особенно острым и клеветническим нападкам подвергалось Общество

в своих воспоминаниях об И.И.Бродском: «Он старался найти хорошее у своих друзей и недругов, "инакомыслящих" художников, был объективным судьей их творчества» [17, с.124]. Некоторый субъективный фактор ввиду родственной связи последних нивелируется при сравнении множества аналогичных высказываний об И.И.Бродском в том же издании как об искреннем и глубоко порядочном человеке.

Активные студенты Академии художеств, будучи серьезной социальной силой, сыграли негативную роль в судьбе Бродского. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что они также как и во время «бунта четырнадцати» 9.11.1863 г., выступали против излишней академичности в живописи [40]. 16 апреля 1937 г. Филонов делает запись, в которой сообщает, что над Бродским «было устроено студенческое судилище, его осудили и заклеили, как человека, не оправдавшего доверия. Учащиеся начисто отвергают его систему руководства, признают ее вредной и отрицают его авторитет» [21, с.416]. После очередного собрания студентов и профессоров, Филонов делает 18 апреля следующую запись: «...это дело (зачеркнуто: далеко) не конченное, а начатое; резолюцию собрания студентов и профессоров решено, кажется, послать т. Сталину» [21, с.416; см.: 11, с.161; 7, с.314]¹³. Возможно, именно «прикрытие» со стороны верхушки партийной элиты и самого Сталина не позволило вылиться результатам этого собрания в трагические последствия для художника. Именно поэтому «фронда» студентов против Бродского осталась безрезультатной [42]. Определенные принципы и механизмы патронажа работали успешно как до, так и после революции.

Возвращаясь к критике Филонова – наступательные бои 1920-х, которые велись «формалистами», т.е. представителями русского авангар-

имени А.И.Куинджи, возглавляемое Бродским» [17, с.103]. Известный искусствовед и муж А.А.Ахматовой Николай Николаевич Пунин был арестован 24 октября 1935 г. по обвинению в «террористической деятельности», но был выпущен на свободу после обращения Ахматовой с письмом к Сталину. Несмотря на это он работал под началом Бродского с 1933 по 1937 г. ученым секретарем, затем заведующим кабинетом живописи, скульптуры и графики Всероссийской Академии художеств [см.: Бронникова Е.В. (главный специалист РГАЛИ). К 135-летию со дня рождения Николая Николаевича Пунина (16 (28) ноября 1888, Гельсингфорс – 21 августа 1953, пос. Абезь, Коми АССР) // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). URL: https://vk.com/wall-203393344_695 (дата обращения: 29.09.2025); Филиппова О.Н. Н.Н.Пунин – литератор и искусствовед (1888–1953 гг.) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. №6-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/n-n-punin-literator-i-iskusstvoved-1888-1953-gg> (Дата обращения: 29.09.2025)].

¹³ Это происходит в 1937 г., когда в разгар «Большого террора» Бродский отказался от предложения написать картину «Беседа т. Сталина с металлургами» к Всесоюзной выставке «Индустрия социализма» [15].

да, и, прежде всего, Филоновым Малевичем и другими, занимавшими лидирующее положение в «новом искусстве» в первую декаду после Октября, революционизировавшими по-настоящему не только русское, но и мировое искусство, превратились в арьергардные потасовки. Несмотря на все усилия и харизматичность Филонова, они не смогли более переломить ход событий 1930-х в свою пользу – победителем вышло (традиционное) академическое искусство, развитое Бродским до искусства «соцреализма». Школа реалистического искусства Репина победила в «новой России».

Дневники Филонова, которым художник доверяет свои интимные мысли, позволяют диверсифицировать «официозную» источниковую базу сборников воспоминаний как самого художника, так и его современников, и на их основании увидеть те сценарии событий, которые до сих пор оставались неприменимыми или незамеченными по отношению к Бродскому. А именно, его вовлеченность во все перипетии 1930-х годов включала возможность вплетенных в повседневность негативных сценариев. Эта «вовлеченность» предполагает не только идиллию патриарха соцреализма, но и конфликты. Симптоматично, что травля Бродского, о которой говорит Филонов, ставший, в свою очередь, жертвой замалчивания и игнорирования со стороны властей, усилилась в 1936 г. и обострилась весной 1937 года. Эти события не случайно совпадают с проходившими в 1936–1937 годах в Московском и Ленинградском союзах художников дискуссиями о групповщине, формализме, натурализме и проблемах соцреализма в более широком контексте борьбы тенденций в советском искусстве 1936–1941 годов [13, с.317–336].

Поведение художника могло сильно различаться в зависимости от того, была обстановка официальной или конфиденциальной и даже интимной. Приведем лишь пример из встречи с Филоновым 18.02.1936 г., когда Бродский демонстративно ушел от разговора об идеологии, сказав, «что почти ничего не читает по искусству» [21, с.351]. «Юродивого» аналитического искусства Павла Филонова невозможно заподозрить в партийности, а потому детали из его дневников, бросающие свет на повседневную жизнь 1930-х гг., являются ценным источником в понимании личности Бродского. Являясь непримиримым противником соцреализма, Филонов может рассматриваться как неангажированный современник Бродского. Признавая его талант, он разговаривал с ним как с равным себе. Видя в Бродском идеологического противника, он говорил о нем, тем не менее, как о лучшем художнике в области реалистической живописи в России и в Европе [21, с.347]. Филонов открыто нападал на Бродского на общих

собраниях Академии художеств, что избавляет его от подозрения в желании похвалиться последнему в своих оценках. Но он же предостерегал своих коллег от «провокаторов», могущих скомпрометировать Бродского и тем самым навредить ему [21, с. 418]. В 1937 г. Филонов больше не выступает с критикой Бродского, так как понимает, чем это может кончиться для обоих. 8.10.1937 г. Филонов прекращает вести свой дневник под тяжелым впечатлением ареста мужа его сестры Глебова-Путиловского.

Павлу Филонову, несмотря на противостояние их школ, Бродский старается помочь при первой возможности или вступить за него на страницах советской прессы. 25 ноября 1930 г. в «Красной газете» было опубликовано письмо Бродского в редакцию под заголовком «Тмутараканские дела в Русском музее. Бюрократы и чиновники прячут художника от рабочих», в котором, в частности, говорится о Филонове: «Его производственно-творческие приемы – по краскам, подходу к работе и по глубине мысли – несомненно, наложат отпечаток на мировую живопись, и наша страна может им вполне заслуженно гордиться» [21, с. 93, 471]. Разительная перемена происходит несколькими годами позже, когда такие статьи при дальнейшей массовой идеологизации и унификации общественного сознания стали невозможны.

Филонов не испытывал никакой личной неприязни к Бродскому, искавшему с ним контакта. Его расхождения с Бродским были чисто профессионального характера из-за вновь введенного в Российской Академии художеств направления так называемой реалистической живописи в преподавании, особенно после назначения Бродского ее директором в 1934 г. Хваля картину Бродского «Торжественное открытие II Конгресса Коминтерна во дворце Урицкого в Ленинграде» (1920–1924)», Филонов подчеркивал, что Бродский лучший художник в своей нише реалистической живописи «пост-передвижников». Он не устал повторять, что аналитическое искусство, основателем которого он был, в конце концов, победит, т.е. станет официальным и вытеснит реалистическую живопись. Ведь его школа пользовалась большой популярностью уже с начала 1920-х годов, когда в 1922–1923 гг. списки его лекций ходили по всей стране, а соцреализма как такового еще не существовало¹⁴.

Знаменательной оказалась встреча обоих художников 18 февраля 1936 г. в мастерской Филонова, находившейся в его квартире, на Петро-

¹⁴ Филонов называл их «подметными письмами». Формы «самиздата» имели долгую традицию. Запрещенные в свое время стихи А. С. Пушкина находили свое распространение в тысячах списков. Борьба течений в изобразительном искусстве продолжалась вплоть до середины 1930-х годов, когда понятие «соцреализма» еще не устоялось и могло принимать самые неожиданные противоречивые друг другу формулировки.

градской стороне на улице Литераторов 19. Филонов описывал с определенной долей иронии и в исключительно доброжелательном тоне их встречу. Уговаривая Филонова продать ему свои картины, Бродский аргументировал: «Что они тут висят? Кто их видит? А у меня бывают комиссары! Там бы их оценили!». Это обстоятельство играло важную роль в получении заказов, в чем Бродский был большой мастер, и старался поспособствовать в этом Филонову, зная о его тяжелом материальном положении. Причем Филонов недвусмысленно выразился о себе и Бродском: «Мы "делаем" историю искусства, а другие в нее "попадают"» [21, с.343].

Они договорились встретиться 21 февраля у Бродского. Но этой встрече не суждено было состояться, так как после выхода статьи последнего 19 февраля 1936 г. о «формализме» в искусстве, с которой Филонов был принципиально не согласен, тот отказался от встречи с Бродским¹⁵. Н.Н.Глебов-Путиловский звонил Бродскому 6 марта, подтвердившему свое желание видеть Филонова и сказавшему, что все уже готово и стол украшен белым и красным вином. Филонов просил передать через Глебова-Путиловского, что, несмотря на его отказ прийти, его личное отношение к Бродскому осталось прежним [21, с.353–354].

Статья Бродского появилась среди целого ряда программных (погромных) статей в «Правде» в феврале 1936 г. в связи с развернувшейся правительственной кампанией против формализма в искусстве: «Сумбур вместо музыки», «Балетная фальшь», «Против фальши и примитива», «Какофония в архитектуре», «Внешний блеск и фальшивое содержание» и др. [21, с.572]. Не называя фамилий конкретных художников, попавших под огонь критики центральных газет, Бродский вынужден был в его положении присоединиться к этой кампании [21, с.572]. В повседневной жизни, напротив, он не упускал случая помочь нуждающимся художникам.

При всех профессиональных антагонизмах и соперничестве на узком пространстве за госзаказы, при всей разнице жизненных позиций, – непримиримость и категоричность Филонова, готовность к компромиссу Бродского, обоих художников объединяла принадлежность ко времени, когда они учились в Академии художеств в начале XX века. Пусть с совершенно противоположным результатом. Бродский успешно окончил Академию и стал дважды стипендиатом, что позволило ему осуществить

¹⁵ В очерке И.А.Бродского находим типичный вербальный штамп, который можно обозначить как дань идеологии соцреализма и ритуализации борьбы с «формализмом», где слово «враг» подобно заклинанию повторяется три раза: «Формализм был для него ненавистным врагом – это был его личный враг и, главное, враг социалистического искусства» [17, с.134].

продолжительные поездки за границу для «штудий» в картинных галереях Англии, Германии, Италии, Франции и Испании, на пленэре. И. Е. Репин и В. А. Серов (1865–1911) поддерживали талантливого художника. Уже в 1910-е годы Бродский становится коммерчески успешным. Его квартира-мастерская на Полозовой улице на Петроградской стороне становится модным салоном, охотно посещаемым художниками, артистами и покупателями его картин [5, с. 90].

Филонов, в отличие от Бродского, трижды пытался безуспешно поступить в Академию. В 1908 г. он был принят вольнослушателем в школу при Академии художеств, но из-за постоянных конфликтов с профессорами и непризнания им методики преподавания оставил ее в 1910 г. Парадоксальным образом он оказался в аналогичной ситуации в 1930-е годы. Оба художника приняли советскую власть, но находились во внутреннем или внешнем конфликте с коллегами. Филонов боролся до последнего с верой в то, что именно его аналитическое искусство является по-настоящему революционным и не может нормально развиваться из-за его травли «контрреволюционерами» и «черносотенцами» от искусства. Он до конца оставался «пролетарием» как по происхождению, так и по убеждениям. Филонов родился в семье выходцев из рязанских мещан, живущих в Москве. Его отец был кучером, мать – прачкой. Бродский, напротив, вышел из состоятельной еврейской «мелкобуржуазной», как сказали бы тогда, семьи в Новороссии. Его отец был торговцем и землевладельцем. Бродскому удалось удачно продолжить традицию русского реализма в новых условиях и трансформировать его в соцреализм. Филонов, будучи терпим советской властью и позже сталинскими функционерами, был неудобен своим радикализмом и нонконформизмом. Это и понятно: академический реализм Бродского органично сочетался с выработанной к 1930-м годам эстетической константой сталинского классицизма. Бродский, будучи глубоко интегрированным институционально, являлся представителем официального искусства и пользовался всеми привилегиями, живя баарином на широкую ногу в бывшем дворце на площади Искусств напротив Русского музея¹⁶.

Филонов находился вне этой системы и жил в вечной нужде, хотя и в Доме литераторов, на пособие своей жены и спорадические заработ-

¹⁶ В 1932 г. ему присвоено звание Заслуженного деятеля искусств, в 1932–1939 гг. он становится профессором (с 1934 директором) Всероссийской Академии художеств, в 1934 г. он награжден орденом Ленина в связи с тридцатилетней творческой деятельностью, в 1939 г. Бродскому присуждают почетное звание доктора искусствоведения [2].

ки. Филонов состоял в конфликте с идеологами от Изогиза, Бродский – со студентами и преподавателями. Филонов видел себя революционером и идентифицировал себя с советской властью, не видя ей альтернативы. Бродский, напротив, сумел найти компромисс, что его, конечно же, обязывало присоединяться время от времени к хору партийных функционеров, чиновников от искусства и художников, порицавших «формализм» в искусстве. Автор затрудняется сказать, какого рода конфликт существовал между Бродским, как директором Академии, и ее студентами. Возможно, это были «филоновцы», осуждавшие его за излишний академический натурализм, как они классифицировали творчество Бродского. Но ведь сам Филонов предупреждал не солидаризироваться с противниками Бродского.

Заключение

На примере И.И.Бродского мы попытались проследить некоторые аспекты взаимоотношений между художником и властью и его эволюцию от художника русской академической школы к мастеру соцреализма. Рисуя образ художника в черно-белых тонах: большевик – попутчик, «придворный» художник – «не придворный», бунтарь, нельзя понять ни многогранной, сложной личности человека, живущего в очень непростую эпоху, ни понять трагедии сталинизма. Достаточно ознакомиться с богатым творческим наследием художника, чтобы понять, что образ Бродского как художника, господствующий в культурной памяти современников сегодня, не вмещается в традиционные клише.

«Немецкий» вариант картины Бродского 1930 г. «В.И.Ленин в Смольном» напрямую перекликается с палитрой автопортрета художника 1904 г. и, возможно, свидетельствует о том, что Бродский находился на перепутье и переосмысливал весь свой предыдущий опыт, перебирая прежние рабочие техники. Вызвавшись в 1917 г. вместе со своим учителем И.Е.Репиным запечатлеть время в образах людей, ставших его символами, Бродский проделал сначала добровольный, а затем, как нам думается, все более тягостный переход от Керенского через Ленина к Сталину и его окружению. Ставшее традиционным сравнение монументальных полотен И.Е.Репина «Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года в день столетнего юбилея со дня его учреждения» (1903) из собрания Русского музея и И.И.Бродского «Торжественное открытие II Конгресса Коминтерна во дворце

Урицкого в Ленинграде», показывает влияние учителя на ученика, уловившего потребность времени в новом «имперском стиле», характерном для многих более поздних произведений советского искусства [9, с.39–40]. Несмотря на все трудности эпохи, Бродскому удастся создать новый стиль «советского салона», начавшегося с картины «В.И.Ленин в Смольном» [9, с.41].

Судя по надписи на обратной стороне картины, первоначально она принадлежала Московскому товариществу художников на ул. Кузнецкий мост, где теперь расположен Московский дом художника. Что потом происходило с картиной, и где она находилась в Советском Союзе – неизвестно. Вероятно, долгое время она находилась в частной коллекции и в какой-то момент попала на глаза любителю советского искусства из Германии в одном из антикварных магазинов уже в 1990-е годы. Подлинность картины не вызывает сомнений при наличии сертификата и проведенной экспертизы, предоставленной в 2002 г. на тот момент владельцем картины Отто фон Митцлаффом, приобретшем ее в свою очередь в аукционном доме «Целлер» в Линдау на Бодензее в Германии. Сегодня картина находится в частной коллекции покупателя, пожелавшего остаться анонимным. Анализ произведений Бродского позволяет сделать вывод, что «немецкий» вариант является самостоятельным произведением по отношению к официальным вариантам картины. Более того, он проливает свет на потаенные уголки творческой лаборатории художника, уводя от простых однозначных ответов.

Библиографический список

1. Аболина Р.Я. Образ В.И.Ленина в изобразительном искусстве / Всесоюз. о-во «Знание». Науч. – метод. совет по пропаганде литературы и искусства. М.: Знание, 1968. 23 с.
2. Бродский И.А. (ред.). Исаак Израилевич Бродский. Статьи, письма, документы. М. 1956. 328 с.
3. Бродский И.А. Исаак Израилевич Бродский. М.: Изд. Изобраз. Искусство, 1973. 411 с.
4. Бродский И.И. // Большая советская энциклопедия, т.6, ред. С.И.Вавилов. М.: Гос. науч. изд.: Большая советская энциклопедия, 1951. С.125.
5. Бродский И.И. Мой творческий путь. [2-е изд., доп. и перераб.]. Л.: Художник РСФСР, 1965. 176 с.

6. Вахрина В.И. Иконы Ростова Великого; Гос. музей-заповедник «Ростовский кремль». Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Северный паломник, 2006. 447 с.
7. Голдман В.З. Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий; [пер. с англ. Л.Е.Сидиковой]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 335 с.
8. Евсеева Л.М. [ред.-сост.] Иконы XIII–XVI веков в собрании Музея имени Андрея Рублева: [каталог] / Центр. Музей древнерус. культуры и искусства им. Андрея Рублева. М.: Северный паломник, 2007. 619 с.
9. Исаак Бродский / [Авт. текста Валентина Бялик]. М.: Белый город, 2002. 47 с.
10. Кулакова И.П. Выходная гравюра «Апостола» Ивана Федорова 1564 г.: писец или наборщик? // Человеческий капитал. 2024. №2 (182). С.75–86.
11. Лейбович О.Л. Исповеди, проповеди и разоблачения на партийных собраниях 1936–1938 годов // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2015. №3 (30). С.160–169.
12. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.54. М.: Издательство политической литературы, 1975.
13. Манин В.С. Искусство и власть: борьба течений в советском изобразительном искусстве 1917–1941 годов / [Ред.: А.В.Шестаков]. СПб.: Аврора, 2008. 384 с.
14. Мартынкевич С.А. «Каждая подробность в картине должна быть безоговорочно верна...». Творческое наследие художника И.И.Бродского // Военный исторический журнал. 2020. №3. С.74–77.
15. Морозов А. Оксана Волкова: «Бродский при любой власти жил бы хорошо», 25.11.2024 // Эгоист. URL.: <https://egoistmag.ru/article/oksana-volkova-brodskiy-pri-lyuboy-vlasti-zhil-by-horosho> (дата обращения: 24.05.2025).
16. Нарский И.В. Фотокарточка на память: семейные истории, фотографические послания и советское детство [Челябинск]: Энциклопедия, 2008. 516 с.
17. Памяти И.И.Бродского: воспоминания, документы, письма: к 75-летию со дня рождения 1884–1959 / [ред. сост: И.А.Бродский и М.П.Сокольников]. Ленинград: Художник РСФСР, 1959. 227 с.
18. Романовский А. Академизм в русской живописи. [Москва]: [Белый город], [2005] (Отпеч. в Италии). 415 с.
19. Смирнов Т.И. Фотореализм в России. Смотреть и видеть. М.: БуксМАрт, 2019. 320 с.
20. Сурис Б.Д. (ред.). Замечательные полотна. Книга для чтения по истории советской живописи. Л.: Художник РСФСР, 1964. URL: <http://painting.artyx.ru/books/item/f00/s00/z0000010/st018.shtml> (last accessed 26 October 2015).
21. Филонов П.Н. Дневник. Вступ. ст. Е.Ковтуна. СПб.: Азбука, 2000. 664 с.
22. Художник Бродский // Пятый канал [сайт]. Передача «Культурный слой». 9 марта 2010 / URL: <https://www.5-tv.ru/programs/broadcast/503107/> (Дата обращения: 10.10.2016).

23. Шефов А.Н. Лениниана в советском изобразительном искусстве. Л.: Искусство: Ленингр. отд-ние, 1986. 229 с.
24. Bachmann-Medick D. Gegen Worte – Was heißt “Iconic/Visual Turn”?, in *Gegenworte*, 20. Heft (Herbst 2008): 9–15.
25. Bonnell V.E., *Iconography of power: Soviet political posters under Lenin and Stalin* (Berkeley and other] 1999).
26. Burke P. *Augenzeugenschaft. Bilder als historische Quellen*. Berlin 2003. 252 S.
27. Clark Ch.E., review of Peter Konecny, *Builders and Deserters: Students, State, and Community in Leningrad, 1917–1941*, in *Slavic Review* 60, no. 1 (Spring 2001), p. 183.
28. Delarue D.E., Schulz J., Sobez L., eds. *Das Bild als Ereignis. Zur Lesbarkeit spätmittelalterlicher Kunst mit Hans-Georg Gadamer*. Heidelberg: Winter Verlag, 2012. 489 S.
29. Dickerman L. *Camera Obscura: Socialist Realism in the Shadow of Photography Source*, in *October*, Vol. 93 (Summer, 2000), 138–153.
30. Gadamer H.-G. *Wahrheit und Methode. Grundzüge e. philosophischen Hermeneutik*. Tübingen: Mohr, 1960. 486 S.
31. Hardtwig W. *Der Historiker und die Bilder. Überlegungen zu Francis Haskell*. In: *Geschichte und Gesellschaft* 24 (1998) 305–322.
32. Jackson D. *The Russian Vision: The Art of Ilya Repin (1844–1930)*. Schoten: BAI, 2006.
33. Kämpfer F. *Propaganda: politische Bilder im 20. Jahrhundert; bildkundliche Essays*. Hamburg: Kämpfer, 1997. 207 S.
34. Kant I. *Kritik der reinen Vernunft*. 2. Bände. Frankfurt/M., 1977. S. 76–77.
35. Kiaer C. “Collective Body”: Christina Kiaer on the Art of Aleksandr Deineka, in *Artforum* 51.3 (November 2012): 243–249.
36. Kittsteiner H.D. “Iconic turn” und “innere Bilder” in der Kulturgeschichte, in *idem., Was sind Kulturwissenschaften? 13 Antworten* (München, 2004), S. 153–182.
37. Kobbelt M.J. *Kunstpsychologie. Kunstwerk, Künstler und Betrachter*. Darmstadt 1986. 181 S.
38. Konecny P. *Builders and Deserters: Students, State, and Community in Leningrad, 1917–1941* (Montreal: MacGill Queen’s University Press, 1999. 358 p.
39. Müller J. “Wie Rembrandt zum Erzieher wurde”. *Der Künstler als Objekt bürgerlicher Rezeptions- und Sammlungsansprüche*, in B. Marx, ed., *Sammeln als Institution: von der fürstlichen Wunderkammer zum Mäzenatentum des Staates*. München, 2006. S. 231–238.
40. Pickhan G. “Aufstand der Vierzehn”. 1863 als Schlüsseljahr für die bildende Kunst in Russland, in M. Stadelmann, L. Antipow, eds., *Schlüsseljahre. Zentrale Konstellationen der mittel- und osteuropäischen Geschichte. Festschrift für Helmut Altrichter zum 65. Geburtstag* (Stuttgart, 2011), 171–184.
41. Plaggenborg S. *Revolutionskultur. Menschenbilder und kulturelle Praxis in Sowjetrussland zwischen Oktoberrevolution und Stalinismus* (Köln [u. a.]: Böhlau, 1996); Bialik, Isaak Brodskii, 46.

42. Plamper J. The Stalin Cult: A Study in the Alchemy of Power. New Haven: Yale University Press, 2012. 352 p.
43. Rey F.L.G. Social and individual subjectivity from an historical cultural standpoint // Critical Social Studies. 2007, No.2, p.3–14.
44. Schindler Thomas. Zwischen Empfinden und denken. Aspekte zur Kulturpsychologie von Aby Warburg. Münster, 2000.
45. Schurian Walter (Hg.). Kunstpsychologie heute. Stuttgart, 1993.
46. Simmel G. Rembrandt: ein kunstphilosophischer Versuch. Schutterwald/Baden, 1999.
47. Simmel G. Vom Wesen des historischen Verstehens. Altenmünster, 2012.
48. Teichert D. Erfahrung, Erinnerung, Erkenntnis. Untersuchungen zum Wahrheitsbegriff der Hermeneutik Gadamers. Stuttgart 1991. 213 S.

Политика есть концентрированное выражение экономики.

Владимир Ленин

Без экономической свободы
никакой другой свободы
быть не может.

Маргарет Тэтчер





Горлов Владимир

**ДИСКУССИИ
В ОБЩЕСТВЕ О МЕСТЕ
КООПЕРАТИВНОЙ
ФОРМЫ ХОЗЯЙСТВА
В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЕ СОВЕТСКОГО
ГОСУДАРСТВА
В 1920-е ГОДЫ**

РЕСУРСЫ НАЦИИ

УДК
334.7.021

Статья посвящена рассмотрению проблем становления кооперативных объединений в СССР в 1920-е гг. С окончанием Гражданской войны объективная необходимость восстановления и налаживания деятельности кооперации настоятельно требовала от экономической науки анализа места и функций кооперации в народном хозяйстве страны. В центре дискуссий находились вопросы: относится советская кооперация к социалистическому типу предприятий или нет? Как определить место кооперативной собственности в экономической системе Советского государства. Автор исследует процесс формирования и утверждения идеи о том, что кооперативная собственность является менее зрелой, чем государственная.

The article is devoted to the problems of the formation of cooperative associations in the USSR in the 1920s. With the end of the civil war, the objective need to restore and establish the activities of cooperation urgently required economic science to analyze the place and functions of cooperation in the national economy of the country. The discussions around the question are analyzed – does Soviet cooperation belong to the socialist type of enterprises or not? The place of cooperative property in the economic system of the Soviet state is analyzed, the tendency in the formation and development of the idea of less maturity of cooperative property compared with the state is considered.

Ключевые слова: кооперативное движение; потребительская кооперация; Сельскосоюз; принцип добровольности; кредитование; государственная торговля; социалистические производственные отношения.

Key words: cooperative movement; consumer cooperation; Agricultural Union; the principle of voluntariness; lending; state trade; socialist production relations.

E-mail: gorlov812@mail.ru

Исследование основано на анализе документов, связанных с советским и партийным делопроизводством в первые годы советской власти. Это решения партийных съездов, пленумов, конференций, Постановления ЦИК и СНК Союза ССР и РСФСР.

В историографии из выбранной темы особо следует выделить исследование А.В.Чаянова «Краткий курс кооперации» [19], теоретические работы Н.И.Попова («Теория кооперации» [13]) и Д.И.Илимского-Кутузова («Очерки по теории кооперации» [3]). Также следует отметить труды П.П.Маслова («Основы кооперации и условия накопления кооперативного капитала» [10]) и М.Х.Кантора («Основы кооперативной политики РКП (б)» [4]). В упомянутых публикациях содержалось научное обоснование кооперации. Эти исследования позволили не только научно обосновать кооперацию как хозяйственную форму советской экономики, но и обобщить накопленный опыт деятельности советской кооперации в первые послереволюционные годы, предусмотреть возможные дальнейшие пути развития кооперации в новых социально-экономических условиях советского государства.

Что же касается кооперативных объединений как самостоятельной формы трудящихся, способствующей реализации их разнообразных интересов в сфере потребления, то этому аспекту проблемы практического развития кооперации (за исключением, пожалуй, жилищной) внимание не уделялось вообще, хотя он получил теоретическое отражение в ряде работ: К.А.Пажитнов «Основы кооператизма» [12]; С.Н.Прокопович «Кооперативное движение в России. Его теория и практика» [15]; К.М.Тахтарев «Значение сотрудничества в общественной жизни» [16].

После революции руководство Советского государства увидело в кооперативном движении один из источников снабжения граждан товарами. В резолюции IX съезда РКП(б) «Об отношении к кооперации» было провозглашено: «Завершить начатое декретом 20 марта 1919 г. закрепление за нашей партией руководящего значения во всех организациях потребительской кооперации снизу доверху. В целях устранения параллелизма в работе кооперативных органов приступить к постепенному изъятию из местных потребительских обществ, губсоюзов и Центросоюза и к передаче соответствующим центральным и местным советским органам всех отделов, конкурирующих с соответствующими отделами этих органов... Потребительская кооперация, находясь в центре и на местах в ведении НКПрода, выполняет технические и хозяйственные операции по его заданиям и под его контролем — она становится органом распределения и обмена» [7, с.494—495]. Таким образом, после



У кооператива хлебной торговли немцев Поволжья. 1921 год

революции кооперация должна была стать одним из орудий социалистического строительства.

С окончанием Гражданской войны развернулись экономико-политические дискуссии. Объективная необходимость восстановления и налаживания деятельности кооперации на основе внутренне присущих ей принципов функционирования (самостоятельности и самоуправления) настоятельно требовала от экономической науки анализа по вопросу о месте и функциях кооперации в народном хозяйстве страны.

Русский экономист М.И.Туган-Барановский не сомневался, что «...свободная кооперация найдет себе в социалистическом обществе широкое применение» [18, с.504]. По-иному в этот период ставили вопрос о судьбе кооперативных отношений многие видные деятели большевистской партии. По мнению первого народного комиссара финансов РСФСР И.И.Скворцова-Степанова, «кооперация возникает в обществе, в котором производство на рынок становится всеобщей формой производства, т.е. в капиталистическом обществе. Кооперация живет и умирает вместе с капиталистическим обществом» [1, с.24]. Народный комиссар земледелия в первом Советском правительстве В.П.Милютин настойчиво требовал осуществить меры, «...которые развивали бы кооперацию в социалистическом направлении и привели бы к полному ее огосударствлению и слиянию с экономическими советскими органами» [1, с.22].

В экономической литературе высказывалась убежденность в необходимости развития кооперативных объединений как общественной фор-



Торговая лавка-фургон в Вятском переулке. Москва. 1920-е

мы удовлетворения разнообразных социально-экономических потребностей трудящихся. Всемирно известный советский экономист А.В.Чаянов подчеркивал, что «из технического орудия социальной группы или даже класса она превращается в одну из основ хозяйственного уклада нового общества» [20, с.25]. Оппоненты ученого переводили вопрос о кооперации в идеологическую плоскость.

В позиции А.В.Чаянова прежде всего искали идеологический подтекст. Вот как ответственный редактор журнала «На фронте коллективизации» М.Кантор, написавший книгу «Основы кооперативной политики РКП(б)» (1926), стремился объяснить цель своей рецензии взглядов А.В.Чаянова: «В результате критики мы желали бы выявить объективный политический смысл новых идей профессора Чаянова как "наиболее характерного ..., и интересного выразителя современной мелкобуржуазной теории кооперации"» [6, с.17].

Утверждения о быстром возрождении кооперации в годы нэпа были не слишком убедительны. Прежде всего, необходимо было выяснить, действительно ли организации, существовавшие в этот период как кооперативы, были добровольными, самостоятельными и самоуправляющимися хозяйствующими субъектными организациями?

В Декрете ВЦИК и СНК «О сельскохозяйственной кооперации» (был принят 16 августа 1921 г.) не было ни слова о необходимости соблюдения принципа добровольности при учреждении кооперативов [2, с.261].



Плакат. Соотношение цен кооперации и частной торговли в СССР

В русле этой политики 24 августа 1921 г. решением правительства был создан Всероссийский центр сельскохозяйственной кооперации – Сельскосоюз, который никак не мог быть добровольным объединением кооператоров. Во-первых, Сельскосоюз включал в свою систему все имеющиеся сельскохозяйственные коммуны, артели и колхозы, инициировав процесс. Во-вторых, Сельскосоюз приступил к учреждению губернских и районных сельскосоюзов. Одновременно с созданием строго централизованной организационной структуры управления (от республиканского до районного уровня) развернулась работа по привлечению крестьян в коллективные хозяйства.

Кооперация прежде всего была эффективна в сферах обслуживания производства (ремонт, мелиорация, переработка) и обращения (кредит, сбыт, снабжение). Однако необходимо заметить, что успехи кооперации



Плакат. Ты с кем? Скорей запишись в члены кооператива

здесь напрямую зависели от определенного материального и культурного уровня развития самого крестьянства. На это условие особое внимание обратил В.И. Ленин в статье «О кооперации»: «...без поголовной грамотности, без достаточной степени толковости, без достаточной степени приучения населения к тому, чтобы пользоваться книжками, и без материальной основы этого, без известной обеспеченности, скажем от неурожая, от голода и т.д. – без этого нам своей цели не достигнуть» [9, с. 373].

Необходимо отметить, что для развития сельскохозяйственной кооперации в начале 1920-х гг. не существовало социально-экономических условий. В советской стране прекратилась кровавая, разрушительная гражданская война. В результате политики продразверстки были основательно подорваны производительные силы крестьянских хозяйств.

Главная экономическая трудность войны легла в виде продразверстки на плечи крестьян. Экономическая обстановка в этот период была угнетающая: сказывались последствия тяжелого положения сельского хозяйства в результате голода и неурожая 1921–1924 гг., «ножницы цен» на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, низкой покупательной способности крестьян, недоступности долгосрочного кредита, порядок принудительного ассортимента промышленных товаров.

Подавляющая масса крестьянских хозяйств России стояла перед необходимостью обеспечения элементарных условий своего простого воспроизводства, хотя бы минимального повышения уровня личного потребления крестьянской семьи. Эти условия исключали саму возможность добровольной кооперации крестьян.

В то же время благодаря ряду мер государственной политики (возможность получения краткосрочного кредита, налоговые льготы и т. д.) наблюдался некоторый рост колхозов и численности их членов, ряд факторов субъективного характера: возможность в разоренной стране получить краткосрочный кредит, доступ к приобретению промышленных товаров в условиях ограниченного централизованного снабжения, налоговые льготы, материальная помощь и другие меры государственной политики вызвали определенный рост колхозов и их членов.

Невзирая на постоянное подчеркивание в государственных и партийных документах необходимости быстрее перехода сельскохозяйственной кооперации на добровольное членство (Постановление ЦИК и СНК СССР 22 августа 1924 г. «О сельскохозяйственной кооперации» [14], доклад Н.Бухарина на I-ом съезде колхозников в 1925 г. [11, с.219] и др.), процесс принудительного кооперирования крестьянских хозяйств постепенно набирал силу. В.М.Молотов на XIV съезде ВКП (б) докладывал, что с января 1924 г. по июнь 1925 г., т.е. за 1,5 года, количество кооперированных крестьянских хозяйств увеличилось с 1,7 млн до 5 млн или почти в три раза [11, с.248–249]. Логичным продолжением этой политики стала последующая «сплошная коллективизация» крестьянских хозяйств. Методы такого увеличения в полном объеме будут продемонстрированы в период сплошной коллективизации.

Крестьяне в целях совместной реализации излишков сельскохозяйственной продукции и приобретения необходимых промышленных товаров пытались, пренебрегая установками Сельскосоюза, создавать в действительности добровольные кооперативы, которые получили название «диких». Однако в условиях быстро нарастающего монополизма государства во всех сферах экономики стремление к хозяйственной са-

мостоятельности было заведомо обречено на провал. Негативная реакция на «дикие» кооперативы четко просматривается в резолюции XIV партконференции (29 апреля 1925 г.) «О кооперации». В документе прямо говорится о необходимости «бороться с вредными уклонами, которые могут выражаться в игнорировании союзных объединений» [2, с.148].

Деформации в организации кооперативного движения, проявившиеся в послереволюционный период, продолжались и в годы нэпа. Это касалось и потребительских обществ. Кооперации отводилась распределенческая функция в той форме, какую руководство страны признавало целесообразной. При новой экономической политике кооперации вменялось «распределение продовольственных продуктов в целях повышения производительности труда» [7, с.574]. Гражданам РСФСР предоставлялось право объединяться в потребительские общества. Советское правительство обращало внимание на то, что «никакие предметы продовольствия и ширпотреба, предоставленные населению государством, не могут распределяться среди населения иначе, как через посредство потребительской кооперации» [7, с.575]. Предполагалось, что в конечном итоге такая политика в отношении кооперации должна была повысить эффективность сбора продналога. При усилении влияния партийного авторитета и продаппарата Народного комиссариата продовольствия кооперация должна была способствовать сплошному и абсолютному сбору продналога.

Кооперация начала двадцатых годов приняла деятельное участие в организации помощи голодающим во время засухи и голода 1921 г. в Поволжье и юге России. Ею были созданы постоянно действующие общественные столовые (как бесплатного питания, так и дешевого платного), обеспечившие таким питанием более двух миллионов человек. Одновременно были открыты кооперативные пекарни. Сельскохозяйственная кооперация выделяла из своих средств ссуды крестьянам для закупки скота, семенного зерна для будущего посева. Кооперативные объединения подготовили отпуск товаров первой необходимости в кредит, организовали отчисления от капиталов, сбор добровольных пожертвований и т. д. Кооперация широко развернула свою деятельность, а в некоторых районах фактически полностью взяла на себя помощь голодающим там, где органы НКПрода и государственная комиссия «Помгол» на местах устранились от непосредственной конкретной работы, и в некоторых районах оказалась даже в положении монополистов. При этом госорганы, ведавшие распределением продовольствия и денежных ресурсов для нужд общественного питания и помощи населению (НКПрод, госу-



Павильон кооператива «Рабочее дело»
на Лассаля (Михайловская) улица, Петроград, 1925 год

дарственная комиссия «Помгол») чрезвычайно неохотно и неаккуратно передавали свои функции в распоряжение кооперации.

Несмотря на ограниченные финансовые возможности и неусыпный диктат партийно-государственного аппарата, деформированная кооперация при стесненных финансовых возможностях в период 1922–1926 гг. все же имела определенные успехи. Это позволило вывести экономику страны из бедственного положения эпохи «военного коммунизма». Подъем хозяйственной жизни страны начался с оживления торговли, что способствовало восстановлению производительных сил. В 1922 г. в резолюции XII партконференции РКП (б) 1922 г. указывалось, что «именно кооперация является наилучшей формой товарообмена между городом и деревней». При этом подчеркивалось, что «деятельность потребительской кооперации должна быть основана на самостоятельности поголовно кооперированного населения» [7, с.667].

Таким образом, анализ позволяет сделать вывод, что, несмотря на противоречивые условия для деятельности кооперации в 1920-е гг., она сыграла важную роль в обеспечении граждан товарами, установлении взаимодействия между деревней и городом. При этом сущность

кооперации претерпела ряд принципиальных изменений по сравнению с периодом до 1917 г.

В условиях нэпа потребительская кооперация попала в положение аппарата, оплачиваемого по сметам государством. Тяжелое стесненное материальное положение кооперативов сказывалось на деятельности кооперации, не позволяло им в должной мере выполнять задачи, которые ставило перед ними государство. Необходимо было организовать финансирование кооперации так, чтобы было достаточно средств для выполнения поставленных перед ней задач. Завышенные расценки на продукцию, произведенную кооператорами, зачастую объяснялись именно этим, а не стремлением нажиться за счет сограждан. Существовавшие в кооперации завышенные расценки обусловлены были зачастую необходимостью – недостатком средств, а не стремлением нажиться. Общий финансовый кризис в стране коснулся и кооперации. Во всех ее видах наблюдался – в госторговле и в промышленности – хронический и резкий недостаток оборотных средств, выросла и задолженность Центросоюза Госбанку.

О сложном и как бы двусмысленном положении кооперации в разные годы нэпа говорят многочисленные факты, когда государство, начиная



Члены кооператива потребителей на день кооперативов, 1924 год

вдруг опасаться успехов кооперации, ее конкуренции с госторговлей, ставило препоны развитию отдельных видов деятельности или торговли кооперативов.

Узким вопросом всей кооперативной системы продолжал оставаться финансовый вопрос. Признавая необходимость государственного кредитования, советское правительство подчеркивало, что «деятельность всех как кредитующих, так и других государственных учреждений по отношению к сельскохозяйственной и промысловой кооперации должна быть строго согласована с общепартийной линией и проходить под неослабным вниманием партийных органов» [7, с. 665–666]. При неблагоприятных для кооперации условиях начался кризис сбыта промышленной продукции («ножницы цен»), обусловленный высокой стоимостью промтоваров по сравнению с ценами на продукцию сельского хозяйства. Следствием кризиса явилась массовая просрочка кооперативной



Центральный Рабочий Кооператив. Московская область. 1927 год

периферией своих платежей по обязательствам. Этим стихийным неплатежом периферии был нарушен и сломан весь финансовый план Центросоюза.

Несмотря на неоднократное подчеркивание во всех официальных руководящих документах партии и государства важнейшей роли кооперации, она продолжала испытывать недостаток в кредитовании со стороны государственных бюджетных органов. В то время как обороты госторговли за период с 1923 по 1925 гг. выросли на 65,8 % при увеличении кредитования ее на 165 %, в потребительской кооперации за этот же период обороты возросли на 84 % при увеличении кредитования всего на 53 % [11, с.296]. Тогда же розничные цены в частной торговле были на 10–13 % выше, чем в кооперативной и государственной торговле. Ситуация объяснялась тем, что частные торговцы проникли в наиболее отдаленные, труднодоступные районы, где ни государство, ни кооперация не могли конкурировать с ними, т.к. не в состоянии были обеспечивать там население из соображений нерентабельности.

В декабре 1925 г., на XIV партсъезде ВКП (б), кооперация признавалась основным товаропроводящим аппаратом¹, поскольку систематически и неуклонно вытесняла из товарооборота частный капитал. Партийное руководство призвало партийные органы как можно более требовательней относиться к выдвижению коммунистов на работу в кооперативных организациях [8, с.26–27]. Примечательно, что если в начальный период нэпа кооперации с трудом, но все же удавалось добиваться получения от государства хоть каких-то средств в виде банковских или товарных кредитов, то к завершению нэпа на упомянутом партийном съезде, обозначившем процесс завершения нэпа, уже раздавались высказывания о возможности изъятия средств у кооперации. Однако изъятие средств из торгового оборота кооперации было совершенно недопустимо, т.к. это лишало ее возможности производить жизненно необходимые затраты на оборудование и постройку элеваторов, мельниц, холодильников, складов и т.д.

Общий низкий уровень жизни: низкое благосостояние населения, неравномерное восстановление и развитие хозяйства привели к затовари-

¹ В резолюции XIV конференции РКП(б) «О кооперации» в апреле 1925 г. указывалось: «Рассматривая и впредь потребительскую кооперацию, как основное, главное звено в товаропроводящей цепи, государственная промышленность должна проводить свои товары в первую очередь через потребительскую кооперацию...». В резолюции отмечалось, что необходимо «проявлять особую внимательность при выдвижении членов партии на кооперативную работу» [8, с.26–27].

ванию продукции на складах, и вся кооперативная система оказалась во власти кризиса. Отсутствие достаточных оборотных средств, слабое развитие кредита, а также общая недостаточно рациональная организация торгово-промышленного аппарата усугубляли упомянутый кризис. В этот период основной задачей кооперации было создание гибкого экономически и организационно мощного аппарата для регулирующего воздействия на рынок.

Несмотря на огромное хозяйственное значение, кооперация в СССР рассматривалась как второразрядное явление, придаток государственных структур в области снабжения. Ею были утрачены основополагающие принципы кооперативной деятельности – добровольность, самостоятельность, мобильность.

В 1929 г. кооперативная секция Коммунистической академии организовала дискуссию, которая подвела своего рода черту в дискуссии ранее выраженных в литературе различных взглядов по теоретическим проблемам кооперации. Спор развернулся в основном вокруг вопроса – относится советская кооперация к социалистическому типу предприятий или нет? В более конкретной постановке речь шла о соотношении государственных и кооперативных предприятий в условиях господства общественной собственности на основные средства производства.

Как известно, в статье «О кооперации» В.И. Ленин характеризовал государственные предприятия как последовательно социалистические. Это определение на длительное время послужило для многих авторов, писавших о кооперации, теоретическим основанием для противопоставления государственных предприятий кооперативным.

Так, советский исследователь кооперации М. Кантор считал, что кооперация относится к натуральному и мелкотоварному хозяйству и является лишь социалистической организационной формой, в которой происходит переделка мелкотоварного уклада. По его мнению, условием, которое превращает кооперативные предприятия в социалистические, является переход всех средств производства целиком в собственность социалистического государства [5, с.132]. Возражая ему, теоретики и практики кооперативного движения Н.И. Попов, П.Н. Севрук вполне обоснованно полагали, что, являясь самостоятельной формой, отличной от государственной, кооперативные предприятия и принадлежащие им средства производства не могут быть собственностью государства. В противном случае кооперация как самостоятельная форма хозяйствования существовать не будет [17, с.7; 47].

В процессе дискуссии предпринимались попытки определить социально-экономическое содержание кооперативных объединений, исходя из особенностей конкретной сферы их функционирования (производство или обмен, распределение). По мнению М.Власова, автора написавшего книгу «Классы и кооперация в деревне СССР» (1925), кооперация в сфере обмена является социалистической лишь при условии ее превращения в производственную. Если этого не происходит и производство остается мелкотоварным, то отсутствуют и социалистические производственные отношения [17, с.56].

В такой трактовке один вид кооперативных объединений отрывался от другого, искусственно противопоставлялись различные виды кооперации, что, в конечном счете, нарушало целостность кооперации как общественной формы хозяйствования. Совершенно очевидно было, что кооперацию во всем многообразии ее видов необходимо было признавать как единую, органически взаимосвязанную систему или не признавать вообще.

В итоге этой дискуссии М.Кантор, поначалу считавший, что кооперативные предприятия становятся социалистическими только при условии перехода средств производства целиком в собственность государства, в конце концов признал, что по мере наполнения содержания кооперации общественными элементами (расширение товарооборота, внедрение в сельскохозяйственное производство, перестройка крестьянских хозяйств) кооперативное предприятие перестает отличаться от последовательно-социалистического государственного предприятия [17, с.68].

Если сравнивать государственные и кооперативные предприятия, утверждал Н.И.Попов, то «...государственные предприятия выражают собою более высокий тип, более развитый вид, более законченный вид социалистических отношений, нежели кооперативные предприятия» [17, с.13]. Причем, судя по контексту полемики, это положение рассматривалось всеми ее участниками как аксиома.

Таким образом, в научной, а затем и в учебной литературе утверждалась формулировка, характеризовавшая соотношение и взаимосвязь двух важнейших форм общественной собственности. На многие десятилетия утвердилось (определившая не только в теории, но и в хозяйственной практике) отношение к кооперативной собственности как менее зрелой, низшей форме собственности по сравнению с государственной. Эта формула сдерживала развитие теории кооперации, став для нее своеобразным прокрустовым ложем. При всем этом М.И.Ту-

ган-Барановский отмечал: «Кооператоры не должны думать, что этот хозяйственный строй, который они создают, представляет собой низкий социальный тип, сравнительно с социалистическим государством» [18, с.504].

Анализ основных моментов дискуссии о природе и месте кооперативной собственности в экономической системе страны позволяет выявить определенную тенденцию в формировании и развитии идеи меньшей зрелости кооперативной собственности по сравнению с государственной.

1. Необходимость возникновения кооперативной собственности объясняется существенными различиями в состоянии производительных сил сельского хозяйства и промышленности.
2. Незрелость сельского хозяйства обуславливает более низкий уровень обобществления производства в кооперативном секторе в отличие от государственного.
3. Кооперативная собственность, отражающая более низкий уровень обобществления производства, является менее зрелой, чем государственная форма общественной собственности.
4. Средством достижения социально-экономического равенства между людьми является изживание особенностей кооперативной собственности как самостоятельной формы собственности, повышение ее зрелости до уровня государственной и слияние их в единую общенародную собственность.

Дискуссия 1929 г. явилась последним штрихом в развернувшейся с первых лет советской власти в экономической литературе полемике о значении и судьбе кооперативной формы хозяйства в целом. С конца 1920-х гг. перестают выходить работы по теории кооперации, приоритетными для изучения становятся проблемы, связанные с массовой коллективизацией крестьянских хозяйств и развитием колхозов.

Постепенно шаг за шагом из научного оборота подвергаются устранению такие понятия, как «кооперация», «кооперативная форма»; их применение ограничивается конкретными видами кооперации – жилищной, потребительской, промысловой. В научной литературе и практическом обиходе утверждались понятия «коллективизация», «коллективное хозяйство (колхоз)». Более того, во время дискуссии по теоретическим проблемам кооперации Н.И.Попов был подвергнут критике за то, что избегает употреблять слово «коллективизация», предпочитая ему «кооперацию» [17, с.48]. Довольно неубедительны были аргументы, объясняющие это обстоятельство тем значением, которое придавалось колхоз-

зам как крупным общественным хозяйствам в социально-экономическом преобразовании деревни.

В связи с коллективизацией резко меняется направленность и тональность экономических публикаций. Атмосфера относительного взаимного уважения и этики, характерная для научных полемик начала 1920-х гг., сменилась «разоблачениями» теорий и их авторов. В сложившихся условиях серьезная теоретическая разработка вопросов кооперации была невозможна. Да в ней и не было практической надобности, т.к. кооперативная собственность в социальном и экономическом смысле этого понятия к началу 1930-х гг. просто перестала существовать. Ее заменила созданная государством коллективная собственность.

Библиографический список

5. Борьба течений в новой кооперации. Сборник. М., Госиздат, 1921. 51 с.
6. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., Госполитиздат, 1957. Т. I. 880 с.
7. Илимский-Кутузов Д. И. Очерки по теории кооперации. М. – Л., Кооп. изд-во, 1925. 136 с.
8. Кантор М. Х. Основы кооперативной политики РКП (б). М. – Л., Гос. изд-во, 1926. 84 с.
9. Кантор М. Х. Кооперативные шатания // Большевик. 1928. № 23–24. С. 132.
10. Кантор М. Х. О «друзьях» справа. Кооперативное смехотворчество проф. Чаянова // Большевик. 1925. № 15. С. 16–27.
11. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1953). М., Госполитиздат, 1953. Т. I. 952 с.
12. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1953). М., Госполитиздат, 1953. Т. II. 1204 с.
13. Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., Госполитиздат, 1970. Т. 45. 730 с.
14. Маслов П. П. Основы кооперации и условия накопления кооперативного капитала. М. – Л., Кооп. изд-во, 1925. 160 с.
15. Марксизм и сельскохозяйственная кооперация. Сборник основных материалов по вопросам с.-х. кооперации от Маркса до наших дней / сост. Я. Дьяков. М., Книгосоюз, 1928. 430 с.
16. Пажитнов К. А. Основы кооператизма. 2-е изд., доп. М., Кооп. изд-во, 1917. 172 с.
17. Попов Н. И. Теория кооперации. М., Центросоюз, 1925. 96 с.

18. Постановления ЦИК и СНК Союза ССР и РСФСР «О сельскохозяйственной кооперации». М., Кооп. изд-во, 1925. 22 с.
19. Прокопович С.Н. Кооперативное движение в России. Его теория и практика. М., Издание Совета Всероссийских Кооперативных Съездов. 1918. 386 с.
20. Тахтарев К.М. Значение сотрудничества в общественной жизни. М., Тип. Н.А.Сазоновой, 1918. 21 с.
21. Теоретические проблемы современной советской кооперации. Дискуссия в Кооп. секции / Ком. акад. Кооп. секция. М., Ком. акад., 1930. 83 с.
22. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М.: Типо-лит. т-ва И.Н.Кушнерев и К°, 1919. 512 с.
23. Чаянов А.В. Краткий курс кооперации. М.: Кооп. изд-во, 1925. 80 с.
24. Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации крестьянской сельскохозяйственной кооперации. М.: Книгосоюз, 1927. 338 с.

Национализм порождает
шовинизм и ксенофобию,
и его нужно решительно
отличать от патриотизма.

Николай Бердяев

Нацизм – многоголовое чудовище...

Борис Полевой





Геннадий Костырченко

АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ

«ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА» ГИТЛЕРА: КАКОЕ БУДУЩЕЕ НАЦИСТЫ ГОТОВИЛИ НАРОДАМ СССР

УДК

929

Известно, что в основе подготовки руководства нацистской Германии к вторжению в Советский Союз лежала выработка так называемой «восточной политики», призванной дифференцировать действия немецких военных властей и гражданской администрации в отношении русских, украинцев, белорусов, евреев, и других этносов, которые оставались на оккупированных территориях. Хотя главным ее разработчиком был непосредственно Гитлер, чей опус «Mein Kampf» послужил фундаментом нацистской идеологии, существенное влияние на ее формирование оказывали и входившие в ближайшее окружение фюрера высшие руководители Третьего рейха, прежде всего Розенберг, Геринг и Гиммлер. Тайно интригуя друг против друга в борьбе за власть, они вместе с тем соперничали за обладание негласным статусом первого советника Гитлера в вопросах «восточной политики».

It is known that the basis of the preparation of the leadership of Nazi Germany for the invasion of the Soviet Union was the development of the so-called "Eastern policy", designed to differentiate the actions of the German military authorities and the civil administration in relation to Russians, Ukrainians, Belarusians, Jews, and other ethnic groups who remained in the occupied territories. Although its main developer was Hitler himself, whose opus "Mein Kampf" served as the foundation of the Nazi ideology, the top leaders of the Third Reich, primarily Rosenberg, Goering and Himmler, who were part of the Fuhrer's inner circle, also had a significant influence on its formation. Secretly scheming against each other in the struggle for power, they also vied for the unspoken status of Hitler's first adviser in matters of "Eastern policy".

Ключевые слова: Третий рейх; «восточная политика»; Гитлер; Розенберг; «Великая Финляндия»; русофобия.

Key words: The Third Reich; "Eastern politics"; Hitler; Rosenberg; "Great Finland"; Russophobia.

E-mail: genkost@mail.ru

**Гитлер как основоположник
«восточной политики»**

Хотя немецкая теория «жизненного пространства на Востоке» (*Lebensraum im Osten*) была рождена отнюдь не нацистами, а возникла

в предшествующем политологическом дискурсе Германии конца XIX в., наибольшую и, к сожалению, печальную всемирную известность она обрела 1920-е гг., когда в правозкстремистской интерпретации Гитлера была явлена в “*Mein Kampf*” (глава «Восточная ориентация, или Восточная политика»), после чего превратилась в один из краеугольных камней идеологии национал-социализма.

В указанной книге, превозносимой геббельсовской пропагандой как «библия германского народа», Гитлер прокламировал крайне экспансионистскую программу немецкого фашизма: «Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени (до 1914 года. – *Ред.*). Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет тому назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе. Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, имеем в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены» [5, с.556].

Чтобы обосновать подготовку “*Drang nach Osten*”, нацисты подверстали под нее пропаганду «расово»-культурного превосходства немцев над русскими, другими славянскими народами, изрядно сдобренной ложной интерпретацией истории России, национального характера русских и направленной на создание уничижительного образа «варварской» отсталой страны с ее бескультурным народом, не достойным независимого суверенного существования. Такого рода информационной обработке германского и мирового общественного мнения тон задавал сам Гитлер, чьи деловые выступления и бумаги, а также неформальные обильные словоизлияния в ближайшем окружении изобиловали славянофобией и русофобией.

Даже уже осенью 1941 года, то есть после того, как, вторгшись в СССР, германские военные, хоть и смогли нанести серьезное поражение Красной армии, но и успели непосредственно убедиться в стойкости и мужестве ее бойцов и командиров, их способности к яростному сопро-

тивлению, Гитлер продолжал ораторствовать в прежней манере, третируя русских и выражая при этом вековую алчность Запада к природным ресурсам на Востоке: «Славяне – это прирожденная масса рабов, которая взывает к хозяину; она только спрашивает себя, кто хозяин. <...> Русское пространство – это наша Индия, и, как англичане правят ею горсткой людей, так мы будем управлять этим нашим колониальным регионом. Было бы неправильным воспитывать местных аборигенов. <...> Если бы русское общество не было бы организовано в государство другими, начиная с варягов, они бы остались кроликами. Вы не можете научить кроликов жить как пчелы или муравьи. У этих есть способность образовывать государства, у зайцев – нет. Предоставленный сам себе, славянин никогда не выйдет за пределы узкого семейного круга. <...> Это абсурд, когда находящийся на высоком уровне развития народ едва может себя прокормить, находясь в ограниченном пространстве, в то время, как низшая русская масса, не использующая вообще достижения культуры, на бесконечных пространствах имеет почву, считающуюся одной из лучших на земле. Мы упорно отвоевываем у мелководного моря землю и мучаемся с культивацией болот, а в это время в Украине нас ждет почти неисчерпаемая по своей плодородности земля с глубиной перегноя до 10 метров» [20, с. 60–67].

Упоминание Украины в таком контексте свидетельствовало о том, что она была для Гитлера одним из наиболее вожаемых трофеев в будущей войне с СССР. Даже заключение с советским руководством договора о ненападении ничуть не повлияло на решимость Гитлера отправить немцев на завоевание жизненного пространства в России, оно лишь отсрочило реализацию этой его идеи фикс. 11 августа 1939 г., то есть всего лишь за несколько дней до подписания 23 августа пакта «Молотов-Риббентроп» Гитлер цинично заявил Верховному комиссару Лиги наций в Данциге Карлу Буркхадту: «Все, что я делаю, направлено против России; если Запад слишком глуп и слеп, чтобы понять это, я буду вынужден договориться с русскими, разбить Запад и затем после его разгрома концентрированными силами обратиться против Советского Союза. Мне нужна Украина, чтобы нас не утомили голодом, как в последней войне» [17, с. 22].

Несмотря на ходульность и примитивность гитлеровской антирусской пропаганды, степень ее влияния на национальное сознание немцев была достаточно высокой, притом что наибольшую эффективность она продемонстрировала применительно к военной среде, являвшейся, собственно, первоочередным объектом воздействия. Тем более, что коман-

дование вермахта, где веками культивировались традиции агрессивного пруссачества, широко использовало в идеологической обработке личного состава шовинистическую риторику, делая особый упор на экзистенциальной важности покорения России не только для Германии, но и Европы в целом. Именно в таком духе был выдержан приказ командующего 17-й армией генерал-полковника Германа Гота от 17 ноября 1941 г., текст которого говорит сам за себя: «...В это лето нам стало ясно, что здесь, на Востоке, борются друг против друга два внутренне непреодолимых воззрения: германское чувство чести и расы, многовековое немецкое воинство против азиатского типа мышления и примитивных инстинктов, подогреваемых небольшим числом, в основном еврейских, интеллигентов. <...> Яснее сознаем мы наше призвание спасти европейскую культуру от азиатского варварства. Теперь мы знаем, что нам предстоит бороться с озлобленным и упорным врагом. <...> Я требую, чтобы каждый солдат армии проникся гордостью за наши успехи, чувством безусловного превосходства. Мы господа этой страны, которую мы завоевали. <...> За повседневностью нам не следует терять из виду всемирное значение нашей борьбы против Советской России. Русская масса уже в течение двух веков парализует Европу. Необходимость принимать во внимание Россию и страх перед ее возможным нападением постоянно довлели в политических отношениях в Европе и тормозили мирное развитие. Россия – не европейское, а азиатское государство. <...> От этого давления и от разрушающих сил большевизма следует навсегда освободить Европу и особенно Германию...» [13, с.338–339].

Уже после поражения фашистской Германии представители гитлеровской верхушки вынужденно каялись на Нюрнбергском процессе в своих преступлениях. Чтобы облегчить свою участь, один из обвиняемых обергруппенфюрер СА Бальдур фон Ширах признал русофобскую направленность нацистской пропаганды: «Идеологи третьего рейха активно пропагандировали мнение, что Россия как государство обязана своим возникновением немцам, ведь не только государство Русское создано благодаря призыву норманнов-варягов, но и управлялось оно этнически нерусской, подчас действительно имевшей германские корни элитой» [10, с.115].

Но это будет потом, а в 1930-е гг., когда нацисты активно готовились к захвату жизненного пространства на Востоке и его очищению от «расово чужеродных» народов, они активно осваивали и прорабатывали теоретическое наследие идейных предшественников. При этом приоритет отдавался Паулю Рорбаху, сформулировавшему «теорию апельси-

на», и Генриху Классу – одному из отцов-основателей и первому председателю возникшего в 1891 г. националистическо-экспансионистского Пангерманского союза. Если первый постулировал в 1908 г., что ради удержания захваченных территорий их, подобно разъятому на дольки апельсину, следует поделить по национальному признаку на максимально возможное количество мелких и слабых государств, то второй, имея в виду Россию, писал в 1912 г.: «Мы потребуем таких уступок территорий, которые обеспечат нам лучшую границу и вместе с тем землю для поселения; при этом без выселения (коренных жителей. – *Ред.*) не обойтись». Показательно, что как только началась Первая мировая война, Класс уже прямо предложил «утолить земельный голод немецкого народа», оттеснив русских за Днепр, и на обезлюженных землях создать по фелькишскому образцу¹ столько мононациональных псевдогосударств, сколько нацменьшинств на них проживает [11, с. 157, 158].

Подхватив эстафету многовековых германских захватнических устремлений на Восток, Гитлер приободрял политическую и военную элиту Германии тем, что их реализация не составит большого труда. Как и все связанное со славянством, фюрер высокомерно считал советскую государственность слабой и неполноценной, и по свидетельству начальника Штаба оперативного руководства вермахта Альфреда Йодля, он как-то сказал ему, подразумевая СССР: «Нужно только ударить ногой в дверь, как вся прогнившая структура с треском развалится» [19, с. 224].

После того как 7 октября 1939 г. Гитлер назначил рейхсфюрера СС и шефа Немецкой полиции Генриха Гиммлера «рейхскомиссаром по консолидации германского народа», он поручил ему разработку мероприятий по «очищению почвы» на Востоке для широкомасштабного заселения «арийцами» [18, с. 286]. 25 мая 1940 г. Гиммлер подготовил «Некоторые соображения об обращении с чужеродными народами на Востоке», которые по содержанию явно коррелировались с приведенными рассуждениями Рорбаха и Класа. В этом представленном Гитлеру документе Гиммлер докладывал: «При обращении с местным населением восточных областей мы должны исходить из того, что нам придется признать по возможности больше отдельных народностей и установить свое отношение к ним, т.е. наряду с поляками и евреями мы должны подумать об украинцах, белорусах, гораках, лемках и кашубах, а также о других народ-

¹ *Völkisch* (от нем. *das Volk* – народ) – один из основных вошедших в арсенал нацистской идеологии и пропаганды терминов, означающий народный, народнический в крайне националистическом смысле.

ностях, с которыми нам, возможно, придется иметь дело. Этим я хочу сказать, что мы в высшей степени заинтересованы в том, чтобы ни в коем случае не объединять народы восточных областей, а наоборот – дробить их на возможно более мелкие ветви и группы. Что же касается отдельных народностей, мы не намерены стремиться к их сплочению и увеличению, тем более к постепенному привитию им национального сознания и национальной культуры. Напротив, мы заинтересованы в раздроблении их на многочисленные мелкие группы...» [7, с. 80–83].

Идею создания в завоеванной европейской части СССР нескольких вассальных Германии национальных государств Гитлер поддерживал вплоть до весны 1941 года, что подтверждается целым рядом заслуживающих доверия документов и свидетельств. Устроив 21 июля 1940 г. секретное совещание с руководством вермахта и поручив на нем главнокомандующему сухопутными войсками генерал-фельдмаршалу В. фон Браухичу разработать план вторжения в СССР (известен как директива №21 – «План Барбаросса»), Гитлер одновременно поведал и о такой сопряженной с его последующей реализацией «политической цели», как создание «Украинской империи» и «Союза балтийских государств» [3, с. 60; 19, с. 183].

Утвердив «План Барбаросса» 18 декабря 1940 г., Гитлер уже в начале марта 1941 г. подписал дополнительное «руководящее указание» к нему, гласившее: «<...> Учитывая размеры русских просторов, для окончания этой войны недостаточно будет разгромить вооруженные силы противника. Вся территорию России нужно разделить на ряд государств с собственными правительствами, готовыми заключить с нами мирные договоры. Создание этих правительств потребует очень большой политической сноровки и хорошо продуманных общих принципов. <...> Необходимо устранить еврейско-большевистскую интеллигенцию как элемент, который был до сих пор "угнетателем" народа. Придется отказаться и от использования старой буржуазно-аристократической интеллигенции, еще сохранившейся, главным образом, в эмиграции. Русский народ относится к ней отрицательно, а сама она в конечном счете настроена к Германии враждебно. Это относится в особой мере и к интеллигенции бывших прибалтийских государств. Кроме того, необходимо при всех обстоятельствах избежать замены большевистской России государством националистическим. Уроки истории учат, что такое государство в итоге опять станет врагом Германии. Наша задача – как можно скорее и с минимумом военных сил организовать социалистические государственные образования, которые будут зави-

сеть от нас. Эти задачи настолько трудны, что нельзя доверять их решение армии» [6, с.22–23].



«План Барбаросса». Директива №21

Роль Альфреда Розенберга

Судя по левой национал-социалистской терминологии текста и содержащимся в нем рассуждениям об интеллигенции – русской эмигрантской и прибалтийской – в его составлении определенно участвовал один из ведущих нацистских идеологов Альфред Розенберг – главный советник Гитлера по России, руководитель внешнеполитического управления НСДАП и Центрального института по вопросам национал-социалистической идеологии и воспитания, автор культурологического трактата «Миф XX века», официально рекомендованного в Третьем рейхе к мас-

штабской и прибалтийской – в его составлении определенно участвовал один из ведущих нацистских идеологов Альфред Розенберг – главный советник Гитлера по России, руководитель внешнеполитического управления НСДАП и Центрального института по вопросам национал-социалистической идеологии и воспитания, автор культурологического трактата «Миф XX века», официально рекомендованного в Третьем рейхе к мас-

совому изучению. Вышедший в 1930 г. в Мюнхене, он был исполнен претенциозных мудрствований и такого рода антирусской агрессивности: «Если учесть, что на востоке население постоянно увеличивается – в России ежегодно прибавляется, несмотря на нищету, три миллиона жителей, – то вопрос с немецким народом стоит так, что остается или быть готовым победить в будущем споре или погибнуть» [16, с.433].

До тех пор пока Гитлер поддерживал экзерсисы Розенберга в проектировании «восточной политики», позиция последнего находила отражение в директивах командования вермахта по подготовке нападения на СССР. Так, в подготовленной начальником штаба Верховного главнокомандования вермахта генерал-фельдмаршалом В.Кейтелем как приложение к «Плану Барбаросса» «Инструкции об особых областях» от 13 марта 1941 г. говорилось не только о разделе планируемой к захвату территории Советского Союза сначала на три области: «Северную (Прибалтика), Центральную (Белоруссия) и Южную (Украина)», управление которыми «будет передано рейхскомиссарам, которые получают соответствующие инструкции от фюрера», но и о последующем создании на этих землях «отдельных государств с самостоятельными правительствами» [15, с.20–24].

Печатью влияния Розенберга было отмечено и выступление Гитлера 17 марта перед военными, в котором тот так распорядился шкурой еще не убитого русского медведя: «мы должны создать свободные от коммунизма республики», при этом северная Россия «будет передана Финляндии», а «Кавказ будет отдан Турции (при условии его использования нами)». Войдя в раж, Гитлер тогда заклинал: «Насажденная Сталиным интеллигенция должна быть уничтожена. Руководящий аппарат русского государства должен быть сломан. В Великороссии необходимо применить жесточайший террор. Специалисты по идеологии считают русский народ недостаточно прочным. После ликвидации активистов он расслоится» [3, с.410].

Примерно то же самое Гитлер повторил, встречаясь 30 марта 1941 г. с главнокомандующими родов войск вермахта: «...Наши задачи в от-



Альфред Розенберг

ношении России: разгромить ее вооруженные силы, разрушить ее государство. <...> Будущая картина государств: северная часть России отойдет Финляндии, протектораты в прибалтийских государствах, Украина, Белоруссия. <...> Новые государства должны быть государствами социалистическими, но без собственной интеллигенции. Надо не допустить образования новой интеллигенции» [12, с. 118, 119].

Пик влияния Розенберга на Гитлера пришелся на период с конца марта по начало мая 1941 г. Будучи вызван Гитлером 27 марта в рейхсканцелярию, Розенберг доложил, что ввиду предстоящего вторжения немецких войск в Россию его сотрудники спешно разрабатывают ее «точную» этнографическую карту. Заодно он предложил, разгромив СССР, превратить три входящие в него прибалтийские республики в германский протекторат, а на Украине создать формально самостоятельное, но фактически полностью подконтрольное рейху союзное государство. При этом Розенберг отметил: «...Я думаю, украинский вопрос может быть решен только ясной и четкой установкой: против москвитов и евреев. Эти лозунги имеют двухсотлетнюю историю, и сейчас они могут быть претворены в жизнь» [14, с. 286–287].

Немецкие планы в отношении «восточного пространства»

Но куда большее значение для Розенберга имела следующая встреча с Гитлером – 2 апреля, когда тот объявил, что намерен создать специаль-

ную структуру «для решения всех русских вопросов», поставив во главе нее Розенберга и поручив ему подготовку директив «по всем направлениям» «восточной политики». В ответ Розенберг, для которого это решение, очевидно, не было сюрпризом, передал Гитлеру заранее составленный «меморандум № 1», в котором содержался проект формирования как раз такого органа по централизованному управлению «восточным пространством», который имел в виду фюрер, а также излагалось собственное видение будущего покоренных народов СССР [14, с. 290–291].

Уже в первых строках документа звучали победные литавры в виде исполненного бахвальства утверждения, что «за первыми ударами наших вооруженных сил очень скоро последует полная военная катастрофа Советского Союза». Далее речь шла о разбивке европейской части СССР на семь «национальных или географических единиц» – Велико-россия; Белоруссия; Эстония, Латвия, Литва; Украина и Крым; Донская область; Кавказская область; Русский Туркестан, – по каждой из которых прописывался отдельный сценарий действий германских властей.

В отношении Великороссии предусматривалось: «полное уничтожение большевистско-еврейского государственного управления»; максимально возможное ограбление с присвоением, демонтажем и вывозом производственных мощностей, транспортных средств, других материально-технических ресурсов; «передача значительных территорий... в компетенцию вновь образуемых административных единиц, особенно Белоруссии, Украины и Донской области»; использование в дальнейшем «в широких рамках московитской России как области ссылки нежелательных элементов населения».

О Белоруссии и националистической пассионарности ее коренных жителей Розенберг был невысокого мнения, считая, что «пробудить у белорусов собственную национальную жизнь и создать жизнеспособное государственное образование» будет «предприятием чрезвычайно сложным», в чем обвинил, как всегда, евреев, посетовав на значительное присутствие тех в Белостоке, Минске, Полоцке, Витебске, других крупных городах. Тем не менее попытку дарования белорусам прогерманской государственности Розенберг считал оправданной уже потому, что это будет ослаблением России. Той же мотивацией обуславливалось и другое его предложение – включить в будущую союзную германскому рейху Белоруссию значительную часть северо-западных русских земель, перенеся ее столицу из Минска в Смоленск.

Что касалось Прибалтики, то, в отличие от Белоруссии, Розенберг не намерен был культивировать в ней местный национализм. Основную массу прибалтийского населения он предлагал ассимилировать, а сопротивляющиеся этому «элементы», в первую очередь внутри национальной интеллигенции (особенно латышской!), – административно депортировать в восточном направлении. Тому же самому подлежали и «расово неполноценные этнические группы» в Литве. Так Латвии, Литве и Эстонии предполагалось зачистить этнополитическую почву для полной ее германизации путем заселения обезлюженных сельскохозяйственных территорий не только «крупными массами немецких крестьян», но и датчанами, норвежцами, голландцами, даже немцами Поволжья.

Но главная роль в проекте Розенберга отводилась Украине или «Краевой области» [6, с. 25]. Так, демонстрируя историко-этимологическую эрудицию, главный нацистский эксперт по восточному вопросу называл еще эту славянскую страну, к которой испытывал особую симпатию. Неслучайно, например, вплоть до 1945 года он покровительствовал жившему в Берлине Павлу Скоропадскому – в прошлом гетману марионеточного правительства «Украинской державы», созданной в 1918 году командованием германских оккупационных войск.

Рассматривая Украину как наиболее геополитически важный для Германии советский этнорегион, Розенберг считал, что та, обладая обширной территорией, крупным экономическим потенциалом и немалым населением, причем культурно-исторически ориентированным в значительной мере на Европу, представляет собой мощную силу, которая может нанести очень болезненный, если не смертельный, внутренний удар по имперской России–СССР. Конкретно он предлагал поощрять стремление Украины к национальной независимости вплоть до обретения государственности – либо только для себя, либо объединивших с Донской областью и Кавказом в «Черноморский союз», который будет «постоянно угрожать Москве и прикрывать великогерманское жизненное пространство с востока». Как и в случае с Белоруссией, Розенберг предлагал территориально расширить Украину за счет Великороссии, отрезав от последней «часть территории нынешних Курской и Воронежской областей».

Аналогичным образом Розенберг хотел поступить и с «Донской областью», собираясь одарить ее не только псевдогосударственностью, но и землями соседних регионов, так, чтобы она примыкала бы к местам расселения немцев Поволжья.

Будущее Кавказа и Русского Туркестана было представлено в «меморандуме № 1» лишь в общих чертах и без конкретной детализации. Очевидно, мало что зная об этих этнокультурно сложных и отдаленных от Германии регионах, Розенберг не пошел применительно к ним дальше общих фраз о том, что Кавказ – «нефтяной центр России» и «населен совершенно различными в расовом отношении народными группами и национальными элементами», а «Средняя Азия – хлопковая база России», при том, что «среднеазиаты враждебны ко всему русскому, но... не могут собственными силами освободиться от русского господства». Правда, в подготовленный 4 мая 1941 г. план германского военного руководства по овладению кавказскими нефтеносными районами, видимо, под влиянием Розенберга был включен пункт, предусматривавший создание самостоятельного кавказского государства [6, с. 23–28].

Тайное соперничество Розенберга с Гиммлером и Герингом

Хотя ту, состоявшуюся 2 апреля 1941 г., встречу со своим главным русологом Гитлер и завершил очень лестной для того фразой – «Розенберг, теперь настал ваш час!», план, изложенный в «меморандуме № 1», он отверг. Дело в том, что, если Розенберг полагал, что для немцев будет лучше, если, одолев СССР, они откажутся от абсолютного господства

на оккупированных территориях и, поделившись властью с местными националистами, сделают их младшими партнерами в реализации проекта созидания так называемой новой Европы, то Гитлер и другие сторонники жесткого курса в высшем нацистском руководстве – прежде всего Герман Геринг, Гиммлер и Мартин Борман – были убеждены, что у Третьего рейха достаточно собственных сил и средств для завоевания жизненного пространства на Востоке и, действуя предельно жестоко и решительно, вполне возможно обойтись без какой-либо посторонней помощи и без уступок тем коллаборационистам, которые в обмен за услуги потребуют удовлетворения своих претензий на национальную государственность – сначала символическую, а потом и фактическую.

Факты свидетельствуют, что подобные амбиции местных националистов были совершенно неприемлемы для Гитлера, который определенно усматривал в них угрозу главной для него задачи в отношении восточных земель – их германизации посредством заселения немцами. Уже после нападения на СССР он заявлял:

– «Создание военной державы западнее Урала никогда не должно снова стать на повестку дня, хотя бы нам для этого пришлось воевать сто лет. ... Империя лишь тогда будет в безопасности, если западнее Урала не будет существовать чужого войска. <...> Железным законом должно быть: «Никогда не должно быть позволено, чтобы оружие носил кто-либо иной, кроме немцев!»... Даже если в ближайшее время нам покажется более легким привлечь... подчиненные народы к вооруженной помощи, это будет неправильным. Это... непременно и неизбежно обернется против нас. Только немец вправе носить оружие, а не славянин [великорус], не чех, не казак и не украинец» [13, с.306–310].

– «Славянские народы... не предназначены для собственной жизни. Они знают это, и мы не должны их переубеждать... Мы создали в 1918 году страны Прибалтики и Украину. Но сегодня нас не интересует поддержка государств в Прибалтике и тем более создание независимой Украины; одна из основных целей этой войны – лишить восточные народы какой бы то ни было формы государственной организации... их следует держать на возможно более низком уровне культуры <...> «Наш руководящий принцип должен состоять в том, что дальнейшее существование этих народов оправдывается единственно их полезностью для нас в экономическом отношении» [21, с.423–424];

– «Ни о каких обещаниях отдельным советским народам не может быть и речи во время войны, подобное может плохо отразиться на наших солдатах, которые должны знать, что воюют за жизненное про-

странство для своих детей и внуков. Ошибкой в первой мировой войне было то, что мы так не действовали» [8, с.374].

Развивая и даже ужесточая и без того зловещие идеи Гитлера, Гиммлер предлагал такую германизацию восточного пространства, которая предусматривала бы тотальное его очищение от неполноценных народов. Этот главный нацистский «силовик» не то что не собирался даже минимально учитывать национальные интересы покоренных народов, он ни в каком виде не желал оставлять их на родной земле, декларируя: «Нашей задачей является не германизировать Восток в старом смысле этого слова (имеются в виду времена кайзера Вильгельма II. – *Ред.*), то есть привить населению немецкий язык и немецкие законы, а добиться того, чтобы на Востоке жили люди только действительно немецкой, германской крови» [4, с.905].

Потерпев фиаско, Розенберг, во многом мысливший категориями классики колониализма, основанной на принципе «разделяй и властвуй» и паттернах времен Первой мировой войны, тем не менее быстро оправился. Уже с 4 апреля 1941 г. он приступил к составлению «меморандума №2». В нем, значительно более соответствующем воле Гитлера, речь уже не шла о немедленном октроировании государственности Украине, Белоруссии, другим советским этнорегионам по их завоеванию, а о создании в них германской оккупационной администрации, как военной – в прифронтовой зоне при армейских штабах тыла вермахта, так и гражданской – в форме 4 рейхскомиссариатов (Остланд – Прибалтика, Украина, Кавказ, Московия), 24 генеральных комиссариатов (Белоруссия-«Белорутения», Литва и др.), 80 главных комиссариатов и более 900 областных комиссариатов [14, с.118]. Правда, не желая совсем отказываться от заигрывания с местными националистами и ссылаясь на необходимость стимулировать «готовность разных народов, ранее боровшихся против Москвы и Петербурга, вновь выступить против них», Розенберг предусмотрел возможность того, что по окончании боевых действий и достижении полной победы на Востоке «Украина должна стать независимым государством в союзе с Германией и вместе с Кавказом и прилегающими северными областями образовать федеративное государство во главе с немецким уполномоченным. <...> Таким образом, в ходе этой большой работы на Востоке предполагается создание на коренных землях новых крупных государственных образований численностью около 70 миллионов жителей и еще одного государственного образования («Московии». – *Ред.*)» [22, с.576–580; 19, с.220].

Хотя и такая компромиссная, так сказать, отложенная государственность для «дружественных» восточных народов вряд ли устраивала Гитлера, однако тот, отнюдь не желая усиливать грызню в своем окружении, тем более в преддверии судьбоносной для «тысячелетнего рейха» войны с СССР, не стал открыто возражать, надеясь, видимо, потом переубедить Розенберга. Более того, 20 апреля 1941 г. Гитлер назначил Розенберга специальным уполномоченным по делам восточных территорий, приказав создать и возглавить центральное политическое бюро по разработке восточных проблем.

При выполнении этого поручения у Розенберга возникли трения с Герингом и особенно с Гиммлером, который заявил, что как шеф Немецкой полиции и рейхскомиссар по консолидации германского народа никто иной как он должен быть главным в администрировании на оккупированных восточных территориях, притом что Розенберг будет его советником. Последний, однако, оскорбившись и пожаловавшись Гитлеру, отстоял свою прерогативу руководить гражданским управлением на Востоке. Гиммлеру и начальнику Главного управления имперской безопасности (РСХА) Рейнхарду Гейдриху было разъяснено, что, хотя их службы и будут автономны в своих действиях на оккупированных территориях, но с целью координации необходимо направить своих уполномоченных в формирующиеся Розенбергом «восточные» рейхскомиссариаты. Такой же порядок распространялся и на другие ведомства: на Верховное командование вермахта (ОКВ), в котором взаимодействие с Розенбергом вменили генералам А.Йодлю и В.Варлимонту; на возглавляемый Герингом Экономический штаб особого назначения «Ольденбург» (сформированный 29 апреля 1941 г. занимался организацией грабежа материальных ресурсов СССР); на службу военной разведки и контрразведки (абвер) Вильгельма Канариса. Однако последний, будучи главным куратором восточноевропейских антисоветских националистических организаций (ОУН и др.), потребовал, чтобы подчиненные Розенберга «ни в коем случае не вступали в сношения с какими-либо представителями народов Восточной Европы» [14, с. 119].

За два дня до вторжения в СССР, 20 июня 1941 г., Розенберг выступил перед руководящим составом своего «восточного бюро» с развернутым изложением своего плана организации немецкого администрирования на «восточных территориях». В этот раз он, как и всегда, пустился в рассуждения, густо пропитанные русофобией: «...Сегодня мы ищем не "крестового похода" против большевизма... чтобы освободить "бедных русских"... от этого большевизма, а для того, чтобы проводить германскую мировую полити-

ку и обезопасить Германскую империю. <...> Война с целью образования неделимой России поэтому исключена. Замена Сталина новым царем или выдвижение на этой территории какого-либо другого национального вождя – все это еще более мобилизовало бы все силы против нас. <...> Задачи нашей политики... должны... идти в том направлении, чтобы... выкроить из огромной территории Советского Союза государственные образования и восстановить их против Москвы, освободив тем самым Германскую империю... от восточной угрозы». Пояснив далее, что таковыми буферными образованиями являются «Великая Финляндия, Прибалтика, Украина, Кавказ», Розенберг продолжил: «Целью германской восточной политики по отношению к русским является то, чтобы эту первобытную Московию вернуть к старым традициям и повернуть лицом снова на восток. <...> Поворот русской динамики на восток является задачей, которая требует сильных характеров. <...> Если русские теперь будут изолированы от Запада, тогда они, возможно, вспомнят о своих первоначальных силах и о том пространстве, к которому они принадлежат».

Перейдя потом к вопросу о Прибалтике, Розенберг заметил, что в западной ее части «...мы планируем... провести серьезную германизацию и освежение крови. <...> будет создана между... Эстонией и Россией полоса населения из эстонцев и латвийцев, которые трудолюбиво выполняют свои обязанности и жизненные интересы которых связаны с Германией».

Затем очередь дошла до Белоруссии. Назвав ее местом «сосредоточения всех социально опасных элементов», которое будет «содержаться подобно заповеднику», Розенберг милостиво пообещал, что «эта область получит со временем право некоторой автономии».

Потом, оседлав любимого конька, Розенберг, пространно высказался по Украине: «...Теперь скептики могут спросить, насколько сильно в настоящее время это национальное сознание украинцев. Я полагаю, что можно спокойно рассчитывать на то, что это сознание живет в широких массах. <...> Надо способствовать появлению литературы о борьбе украинцев, с тем чтобы можно было вновь оживить историческое сознание украинцев. <...> Также следует поддерживать культ украинских вождей – гетмана Хмельницкого, Сагайдачного, Мазепы. <...> Если в этом хотят увидеть опасность, которая может появиться в будущем, то не следует упускать из вида, что московское государство надо рассматривать не как друга, а как смертельного врага Германии, а вместе с тем и украинского государства. Украина... будет всегда рассчитывать на защиту какой-либо другой великой державы, и ею, само собой разумеется, может быть только Германия».

После этих общих рассуждений Розенберг перешел к делу, к проекту рейхскомиссариата Украина, проинформировав, что в него войдут не только украинские области, но также Курская, Воронежская, Тамбовская и Саратовская, и в итоге, как он подытожил, его площадь составит 1,1 млн кв. км, а население – 59,5 млн человек.

Касаясь формирования рейхскомиссариата Кавказ, Розенберг сообщил, что зарезервировал под него более 500 тыс. кв. км территории юго-запада Советского Союза с населением численностью в 18 млн жителей.

Завершая речь, Розенберг сказал, что для гражданского управления всеми остальными землями европейской части СССР площадью 62,9 млн кв. км и с населением в 50–60 млн человек, предполагается создание рейхскомиссариата Московия [1, с. 75].

Но, как известно, нацистский блицкриг против СССР провалился, а в начале 1943 г. германские войска потерпели на Волге сокрушительное поражение. Поэтому из четырех задуманных Розенбергом «восточных» рейхскомиссариатов реально появятся только два – Украина и Остланд (Белоруссия и Прибалтика). Два остальных – Кавказ и Московия – останутся на бумаге, а планы по ним спишут в архив.

В связи с упомянутой Розенбергом «Великой Финляндией» уместно напомнить, что официальный Хельсинки, начнет все более тяготеть к Берлину после «Зимней войны» конца 1939 – начала 1940 гг. Жаждавшая реванша финляндская политическая верхушка рассчитывала в союзе с Германией не только вернуть так называемую Восточную Карелию, отошедшую СССР по Московскому мирному договору от 12 марта 1940 г., но и грезя «Великой Финляндией», планировала включить в ее состав и советские земли, населенные такими финно-угорскими народами, как карелы, вепсы и ингерманландцы. Чтобы представить гитлеровскому руководству «научное» обоснование территориальных претензий к СССР, в апреле 1941 г. президент Финляндии Ристо Рюти распорядился начать соответствующие исследования. А 26 июня 1941 г., то есть всего через четыре дня после начала германского вторжения в СССР, он как глава страны объявил СССР войну. Сказал свое веское слово и «спаситель страны от большевиков», главнокомандующий силами обороны Финляндии фельдмаршал Густав Маннергейм: 10 июля он высокопарно поклялся в своем приказе, что «не вложит свой меч в ножны» пока не вернет Восточную Карелию [2, с. 306–308].

16 июля Борман, протоколируя выступления участников совещания Гитлера с высшим руководством рейха, запишет: «Со всей осторожностью должно быть подготовлено присоединение Финляндии в качестве союзного государства. На Ленинградскую область претендуют финны.



Одна из карт «Суур-Суомен» («Великой Финляндии»)

Фюрер хочет сровнять Ленинград с землей с тем, чтобы затем отдать его финнам» [13, с.306–310].

Именно на той же встрече 16 июля Гитлер проговорился об истинных целях германского завоевательного похода на Восток. Суть сказанного им тогда тезисно сводится к следующему: «теперь является важным, чтобы мы не раскрывали своих целеустановок перед всем миром»; «главное, чтобы мы сами знали, чего мы хотим»; оккупируя территории, мы заявляем, что были вынуждены сделать это, чтобы принести свободу, чтобы в интересах местного населения «позаботиться о его спокойствии, пропитании, путях сообщения, навести порядок, установить безопасность

и т.п.»; делать вид, что мы как будто реализуем некий временный международный мандат, но осуществляя при этом «все необходимые меры – расстрелы, выселения и т.п.», мы таким образом не позволяем распознать, «что дело касается окончательного урегулирования», то есть «мы из этих областей никогда уже не уйдем. <...> В основном дело сводится к тому, чтобы освоить огромный пирог, с тем чтобы мы, во-первых, овладели им, во-вторых, управляли и, в-третьих, эксплуатировали». Говоря далее о своем видении будущего конкретных советских регионов, Гитлер заявил, что вся Прибалтика, Крым с прилегающими на севере районами и «волжские колонии» (Республика немцев Поволжья. – *Ред.*) должны быть «освобождены от всех чужаков» и заселены немцами, став областями империи. Упомянув также «Бакинскую область», фюрер отметил, что та будет немецкой концессией (военной колонией) [13, с.306–310].

На том же совещании Розенберг пустился в рассуждения в духе своего пресловутого украинофильства: поскольку «в каждой области (комиссариате) должно быть разное отношение к населению... на Украине мы должны выступить с обещаниями в области культуры, мы должны пробудить историческое самосознание украинцев, должны открыть университет в Киеве... на Украине следует развивать известные стремления к самостоятельности». На эти слова оппоненты Розенберга (Геринг и др.) недовольно реагировали репликами: «мы в первую очередь должны обеспечить себе пропитание, все остальное могло бы быть гораздо позже»; «Розенберг слишком много уделяет внимания украинцам, он хочет... значительно увеличить старую Украину» [13, с.306–310].

Закрывая 17 июля 1941 г. вопрос организации выработки и реализации «восточной политики», Гитлер учредил под началом Розенберга Имперское министерство оккупированных восточных территорий. Но возглавив новое нацистское ведомство и обретя дополнительно новые властные полномочия, Розенберг вынужден был тем не менее неукоснительно следовать этнополитическому курсу Гитлера, Гиммлера и других жестких германоцентристов, наступив на горло собственному националистическому романтизму. Это со всей очевидностью подтверждается запиской начальника отдела колонизации 1 Главного политического управления «Восточного министерства» Э.Ветцеля от 27 апреля 1942 г. В ней он, ревизуя составленный РСХА генеральный план «Ост» и настаивая на усилении в нем приоритетной антирусской составляющей («Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве. <...> Дело заключается... в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их. <...> Важно ослабить русский народ в такой степени, чтобы он не был больше в состоянии помешать нам установить

немецкое господство в Европе»!), предложил значительно увеличить установленную планом цифру выселения за Урал представителей различных национальностей с 31 млн чел. до 46–51 млн. При этом никак не возразил, то есть фактически одобрил, запланированную депортацию 65 % западных украинцев, что шло вразрез с той проукраинской линией, которую еще недавно пытался проводить его главный начальник Розенберг [13, с.345–355].

Хотя, готовясь к вторжению в СССР, нацистское руководство не продемонстрировало абсолютного единства в планировании покорения советских народов, существовавшие в нем разногласия на этнополитической почве были незначительны и не носили принципиального характера. К тому же последнее слово в определении «восточной политики» всегда оставалось за Гитлером, изначально придавшим ей всецело чело-веконенавистнический характер. Он уверенно удерживал политическое лидерство в фашистской Германии, в том числе и благодаря манипуляциям в отношении членов своего ближайшего окружения. Например, до поры до времени позволял своему советнику по России Розенбергу, которого за глаза называл «сумасбродным прибалтом», проявлять некоторую особость в украинском вопросе, считая ее тактически полезной в использовании в интересах рейха таких коллаборационистских организаций, как ОУН. Однако, когда дело дошло до практической реализации «восточной политики», Гитлер решительно покончил с либерализмом в отношении Розенберга, поставив в жесткие рамки послушного исполнителя директив диктаторского нацистского режима по нацистскому решению национального вопроса на оккупированной территории СССР.

Список сокращений

ОКВ – Верховное командование вермахта
РСХА – Главного управления имперской безопасности
ОУН – Организация украинских националистов

Библиографический список

1. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на временно оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2 ч. Ч. 1.
2. Веригин С.Г. Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск, 2009.

3. Гальдер Ф. Военный дневник / под ред. Д.Прозектора. В 3 т. Т.2. М., 1969.
4. «Германизировать ли?» // Das Schwarze Korps. 1942. 20 августа (Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Изд. 2, испр. и дополнен. В 2 т. Т.2. М., 1954.
5. Гитлер А. Моя борьба. М., 2002 (Прим. ред.: входит в «Федеральный список экстремистских материалов» №604. Решение Кировского районного суда г. Уфы от 24.03.2010; разрешена к использованию в научных целях).
6. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки, документы и материалы. В 2-х тт. Т.2: Агрессия против СССР. Падение «третьей империи». 1941–1945 гг. М., 1973.
7. Дашичев В.И. Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933–1945: Ист. очерки, док. и материалы в 4 т. Т.1. Подготовка ко Второй мировой войне, 1933–1939. М., 2005.
8. Манштейн Э. Из военного дневника. 1 июля 1943 г. // Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне третьего рейха против СССР: Секретные речи. Дневники. Воспоминания: Пер. с нем. / Сост. Г.Я.Рудой. М., 1996.
9. Немецко-фашистский оккупационный режим. (1941–1945 гг.) / Под общ. ред. проф. Е.А.Болтина. М., 1965.
10. Нюрнбергский процесс: Сб. материалов в 8 т. Т.6. Об индивидуальной ответственности главных нацистских военных преступников. М., 1996.
11. Опитц Р. Фашизм и неофашизм. М., 1988.
12. Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. Секретные речи. дневники воспоминания. М., 1996.
13. Политико-стратегическое содержание планов Третьего рейха в отношении СССР: Сборник документов и материалов. М., 2015.
14. Политический дневник Альфреда Розенберга, 1934–1944 гг. / Под ред. И.Петрова. М., 2015.
15. Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.) / Сост. Г.Ф.Заставенко и др. М., 1985.
16. Розенберг А. Миф XX века. Оценка духовно-интеллектуальной борьбы фигур нашего времени. Tallinn, 1998.
17. Руффман К.-Х. Ключевые даты в германо-советских отношениях до начала Второй мировой войны // Россия и Германия в годы войны и мира. М., 1995. С.15–25.
18. Фест И. Гитлер. Биография. В 3 т. Т.3. Пермь, 1993.
19. Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. В 2 т. Т.2. М., 1991.
20. Adolf Hitler. Monologe im Führerhauptquartier 1941–1944. Die Aufzeichnungen Heinrich Heims herausgegeben von Werner Jochmann. Hamburg, 1980.
21. Hitler's Table Talk, 1941–1944. His Private Conversation. New-York, 1988 .
22. Trial the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nurnberg 14 November 1945 – 1 October 1946. Vol.XXVI. Nuremberg, 1949.

...и по всей границе стена
у них выстроена. Чтоб ни они
ни к кому, ни к ним никто.

Михаил Салтыков-Щедрин

В саду, в поле, дома его
посещали воспоминания
детства и юности.

Иван Гончаров

Могу же я позволить себе
хоть одно желание?

Дмитрий Мамин-Сибиряк

В наших сновидениях мы
всегда одной ногой в детстве.

Зигмунд Фрейд



Игорь Татаринов



СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

**«ИДЯ НАВСТРЕЧУ
ЖЕЛАНИЮ
ТРУДЯЩИХСЯ...»:
ПОПЫТКИ ИСПРАВЛЕНИЯ
РОССИЙСКО-УКРАИНСКОЙ
МЕЖРЕСПУБЛИКАНСКОЙ
ГРАНИЦЫ В 1928–1944 гг.**

УДК

94(470)+94(477) «28/44»

На основе привлечения малоизвестных и неизвестных широкой научной общественности документальных комплексов Государственного архива Российской Федерации, а также материалов региональных архивных учреждений, автор осветил попытки уточнения российско-украинской межреспубликанской границы в 1928–1944 гг. Автор подчеркивает, что в указанный период актуализация процесса российско-украинского разграничения уже не имела остроты и накала, присущих первой половине 1920-х гг. и носила исключительно мирный характер. Однако стороны вновь обратились к экономическим и этнографическим факторам как ключевым аргументам, с целью скорректировать линию российско-украинской межреспубликанской границы. При этом следует признать, что основания для таких изменений были вполне вескими. Однако результатом стала лишь незначительная корректировка в ноябре 1944 года линии границы в пользу УССР на границе Ростовской и Ворошиловградской областей. Based on little-known and unknown to the general scientific community documentary complexes of the State Archive of the Russian Federation, as well as materials of regional archival institutions, the author highlights attempts to clarify the Russian-Ukrainian inter-republican border in 1928–1944. The author emphasizes that during this period, the actualization of the process of Russian-Ukrainian demarcation no longer had the same severity and intensity inherent in the first half of the 1920s and was exclusively peaceful in nature. Nevertheless, both republics once again decided to turn to economic and ethnographic factors as key arguments in order to adjust the line of the Russian-Ukrainian inter-republican border. At the same time, it should be recognized that the reasons for such changes were quite compelling. However, the result was only a minor adjustment in September 1944 of the border line in favor of the Ukrainian SSR on the border of the Rostov and Voroshilovgrad regions.

Ключевые слова: РСФСР; УССР; Меловое; Чертково; Дарьино-Ермаково; Северо-Кавказский край; Ростовская область; Ворошиловградская область; украинно-российская граница; ЦИК СССР.

Key words: RSFSR; Ukrainian SSR; Melovoe; Chertkovo; Dar'ino-Ermakovo; North Caucasus Territory; Rostov region; Voroshilovgrad region; Ukrainian-Russian border; Central Executive Committee of the Soviet Union.

E-mail: igortatarinov76@gmail.com

**Краткая историография
вопроса**

Формирование границ между РСФСР и УССР в 1920-е годы проходило в условиях острых споров и конфликтов. Однако в историогра-

фии эта конфронтация не была отражена вплоть до недавнего времени. В советский период на изучение этого процесса оказывала влияние господствовавшая концепция «дружбы народов», исключавшая публичное обсуждение территориальных разногласий между республиками. Только после распада СССР в 1991 году стали появляться исследования, вначале – на Украине, где украинские авторы уделили этому аспекту некоторое внимание. Важно отметить, что в основу своих исследований украинские историки положили архивные данные. Следует выделить работы таких авторов, затронувших вопросы российско-украинского разграничения 1920-х гг., как В.Боечко, А.Ганжа, Б.Захарчук [10], Г.Ефименко [24–26], В.Кузьменко [16], Т.Максимчук [17], В.Сергийчук [27], В.Шабельникова [28] и другие историки. Как правило, их нарратив сводился к тому, что границы Украины должны совпадать с этническими рубежами и ареалом расселения украинцев, следуя, таким образом, в фарватере аргументов украинской административно-территориальной комиссии 1920-х гг.

Гораздо больше подробностей об особенностях принятия решений по той или иной административно-территориальной единице мы находим в работах известных отечественных исследователей. В частности, в различных публикациях Е.Борисенок [11–12], Е.Кринко [14–15], К.Дроздова [13] и других историков [21–22] содержатся материалы, посвященные уточнению границ между республиками в 1920-е годы. В этих исследованиях границы и регионы анализируются в политическом, административном, этническом, языковом и культурном контекстах. Особое внимание уделено эволюции региональных особенностей и границ в XVII–XX веках. В отличие от украинских ученых, акцентирующих внимание на этнических основаниях при разграничении, российские исследователи выделяют ключевую роль экономических условий в формировании границ республик в 1920-х гг., а также указывают на динамичность применения советской властью различных критериев при территориальном разграничении.

В то же время следует отметить, что исследуемая в настоящей статье проблема уточнения российско-украинской межреспубликанской границы собственно в 1928–1944 гг. пока еще далека от своего оптимального освещения. Сегодня полностью отсутствуют посвященные трансформа-

циям межреспубликанских границ работы, хронологические рамки которых были бы очерчены указанным временным промежутком. Важно указать на крайне бедную источниковую базу, что создает неполную и не совсем достоверную картину о характере и динамике российско-украинских разграничений в первой половине XX века.

Цель статьи. Опираясь на документальные комплексы, отложившиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), неизвестные научной общественности материалы региональных архивных учреждений, а также на научные труды отечественных и зарубежных историков, автор обращается к особенностям корректировки российско-украинской межреспубликанской границы в 1928–1944 гг., уделяя особое внимание введению в научный оборот новых архивных документов и их текстологическому анализу. Новые данные позволяют не только восполнить пробелы в истории формирования российско-украинской границы, но и понять логику принимаемых решений партийным руководством, раскрывающую важные особенности советской внутренней политики в исследуемый период.

Предыстория вопроса

С крушением в 1917 году Российской империи и единого политико-культурного и социально-экономического пространства стали

возникать различные административно-территориальные субъекты, с нечеткими границами своей юрисдикции и обладающие весьма условным суверенитетом. В развернувшемся гражданском конфликте победу одержали большевики, имевшие собственные, порой идеалистические представления о принципах будущего советского социалистического строительства. Господствовало мнение, что административно-территориальные рубежи должны быть подкреплены политико-экономической целесообразностью, но с учетом ориентиров в советской национальной политике. В частности, в 1920 году, чтобы экономически и идеологически ослабить донское казачество, а также сконцентрировать управление единого угольного района – Донбасса в рамках единой административной единицы, от Области Войска Донского отрезали западные территории, включая большую часть Донбасса, а также Таганрог с округой [2, л. 86], присоединив их к новообразованной административной единице в составе Украинской ССР – Донецкой губернии [1, л. 12].

Однако Украина осталась недовольна, ожидая от Москвы более значительных территориальных уступок, требуя при этом «приобщить к укра-

инской территории Воронежскую, Курскую, Черноморскую, Азовскую, Кубанскую области и подчинить эти земли правительству УССР» [22, с. 99]. Российская сторона также активно обращалась к центру, требуя возврата утраченных в 1920 году территорий Таганрогского и Шахтинского округов. Молодые советские республики порой весьма жарко отстаивали собственные позиции в части контуров российско-украинской границы. Для урегулирования территориальных споров между УССР, БССР и РСФСР центральные власти создали специальную комиссию во главе с председателем ЦИК БССР А.Г.Червяковым. Итогом долгих обсуждений стало постановление ЦИК СССР от 16 октября 1925 года «Об урегулировании границ Украинской ССР с РСФСР и Белорусской ССР», которое утвердило новые межреспубликанские административные границы.



Российско-украинская межреспубликанская граница в 1918–1928 гг.

В итоге, были частично удовлетворены требования РСФСР по возврату городов Таганрог, Шахты, Каменск-Шахтинский, станция Гундоровская и ряда населенных пунктов Сорокинского, Шарাপовского, Алексеев-

ского и др. районов [4, л. 15]. Украина получила в качестве компенсации ряд уездов, ранее входивших в губернии российского Центрального Черноземья, населенных преимущественно украиноязычным населением. Более того, на проходившем в этих уездах плебисците местное население высказалось за присоединение к Украинской ССР. В то же время, как и в предыдущие периоды, украинцы остались недовольны масштабами территориальных обменов и продолжили апеллировать к центру, выдвигая новые территориальные запросы.

Одним из таких районов был приграничный участок: поселок Меловое УССР – станция и поселок Чертково РСФСР. В апреле 1927 года ЦК КП(б)У направил в ЦК ВКП(б) докладную записку «По вопросу об исправлении государственных границ УССР и Северо-Кавказского края в районе ст. Чертково». В ней содержались обоснования включения ст. Чертково в состав Украины и ее административно-хозяйственного подчинения к пос. Меловое [2, л. 13–18]. Однако на фракции ЦИК Союза ССР было принято отрицательное решение по этому вопросу. Аналогичное мнение у ЦИК было по украинским претензиям на часть территорий Воронежской и Курской губерний. 26 апреля 1928 года секретарь ЦК КП(б) Украины Л. Каганович направил в Политбюро ЦК ВКП(б) докладную записку «Об урегулировании государственной границы между УССР и РСФСР». В документе украинская сторона вновь подняла вопрос о корректировке границ, приводя не только этнические, но и экономические обоснования. Однако этнографические аргументы и экономическое тяготение ряда уездов Центрального Черноземья к Харьковской губернии не убедили Москву.

После 1928 года вопрос о принадлежности крупных приграничных районов между РСФСР и УССР практически не поднимался. Советское руководство, сосредоточенное на масштабных государственных задачах, не планировало возвращаться к межреспубликанским территориальным спорам. Это подтвердила встреча Сталина с украинскими писателями в феврале 1929 года, где прозвучал однозначный отказ от дальнейших территориальных уступок Украине. На указанной встрече «вождю народов» был задан вопрос: «Товарищ Сталин, как вопрос с Курской, Воронежской губерниями и Кубанью в той части, где есть украинцы? Они хотят присоединиться к Украине» [9, л. 19]. На что Сталин возразил, что «этот вопрос не касается судьбы русской или национальной культуры», однако с места настаивали, что «это ускорит дальнейшее развитие культуры там, в этих местностях» [9, л. 19]. Генеральный секретарь ВКП(б) подробно разъяснил писателям, почему предлагаемые территориальные

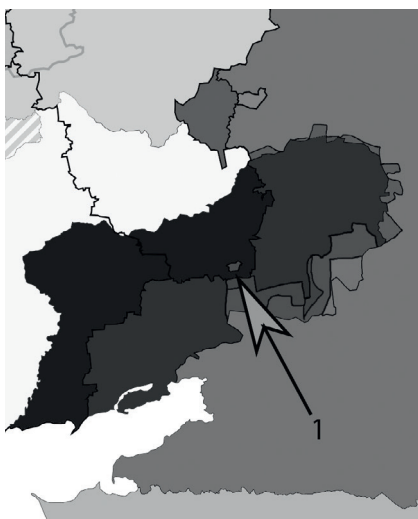
изменения были неприемлемы, подчеркнув их несоответствие текущей политической линии партии и потенциально негативные последствия для международного положения советского государства: «...Вопрос несколько раз обсуждался у нас, так как часто слишком меняем границы. Слишком часто меняем границы – это производит плохое впечатление и внутри страны и вне страны» [9, л. 19].

**Техническая ошибка картографа
или закономерность?**

В отечественных архивных учреждениях административно-территориальные трансформации на российско-украинской границе в период с конца 1920-х и до середины 1930-х представлены крайне скупо. Однако даже те документы, которые известны историкам, позволяют утверждать, что попытки пересмотра внутренних границ и принадлежности той или иной территории были продолжены в указанный период. В то же время они носили вполне мирный характер уточнения или корректировки административных рубежей, и самое главное – этот процесс протекал без остроты и жаркой полемики, присущей 1920-м гг. Украинская сторона отказалась от ранее неоднократно озвучиваемых непомерных территориальных амбиций и перевела дискуссию в конструктивное русло деловой переписки.

В 1930 году, как свидетельствуют документы ГАРФ, переписка между республиканскими ЦИК активизировалась. Речь шла об исправлении российско-украинской границы в районе Дарьино-Ермаковского сельсовета Северо-Кавказского края, чья территория представляла собой российский эксклав, окруженный территорией Украинской ССР. Административная комиссия при Президиуме Всероссийского ЦИК 18 ноября 1930 года постановила: «считать целесообразным Дарьино-Ермаковский с/с Сулинского района Северо-Кавказского края, как черезполосно расположенный по отношению к территории УССР, передать в состав УССР. Ходатайство Северо-Кавказского края о перечислении из УССР в состав Сулинского и Шахтинского районов четырех с/с Ровенецкого района перед Президиумом ВЦИК не поддерживать» [5, л. 8–9].

В свою очередь, указанная комиссия, взамен за передачу территории Дарьино-Ермаковского сельсовета предлагала «просить Президиум ВЦИК поставить перед Всеукраинским ЦИК вопрос о необходимости присоединения к РСФСР в целях исправления существующей границы, небольшой части территории УССР, непосредственно прилегающей к станции Чертково с тем, чтобы была создана возможность объедине-



Дарьино-Ермаковский сельсовет (эксклав) Северо-Кавказского края. Обозначен цифрой 1

ния отдельных участков рабочего поселка Чертково и возможность расширения поселковой черты» [5, л. 9]. Однако в итоге, в протоколе № 71 Президиума ВЦИК РСФСР от 10 декабря 1930 года обсуждении вопроса об исправлении межреспубликанских границ между Северо-Кавказским краем РСФСР и Украинской ССР Президиум постановил, «ввиду отсутствия новых данных, вопрос с обсуждения снять. Просить Президиум ЦИК Союза ССР подтвердить настоящее постановление» [5, л. 1]. Помимо ЦИК СССР и ЦИК УССР, указанное постановление было направлено руководству Северо-Кавказского край-

исполкома и Административной комиссии ВЦИК. 17 декабря 1930 года Центральная административно-территориальная комиссия ВЦИК направила в Президиум ВЦИК дополнительные данные по этому вопросу.

Через несколько недель, 3 января 1931 года в Президиум ВЦИК поступила докладная записка за подписью С. И. Крупко – Постоянного Представителя УССР при Правительстве СССР. В нем он отмечал «необходимость безотлагательного разрешения вопроса исправления границ. Как видно из приложенной к заявлению Центральной административно-территориальной комиссии карты, принадлежащий к Северо-Кавказскому краю Дарьино-Ермаковский сельсовет с земельной площадью 4013 гектаров целиком находится внутри границ УССР, образуя участок, вкрапленный довольно глубоко в территорию украинской республики» [5, л. 4].

Постоянный Представитель УССР при Правительстве СССР был уверен, что «такое положение могло создаться лишь в результате чисто технической ошибки при установлении границ двух республик, т. к. ни национальный, ни экономический характер этого небольшого участка не оправдывает существование такой территориальной чересполосицы. Представляется очевидным, что эту техническую ошибку необходимо исправить. Ввиду этого Постпредство УССР просило Президиум

ВЦИКа вновь поставить указанный вопрос на его обсуждение и разрешить в просимом Правительством УССР смысле» [5, л. 4]. 24 января 1931 года Постпредство УССР просило Президиум ЦИК СССР решение Президиума ВЦИК РСФСР от 10 декабря 1930 года о снятии вопроса об исправлении российско-украинской границы с обсуждения «не утверждать и постановить о новом пересмотре вопроса» [5, л. 5].

Опасаясь решения Президиума ЦИК СССР с негативным результатом даже по такой мизерной площади, как территория Дарьино-Ермаковского сельсовета, Постпредство УССР пыталось поторопить союзный ЦИК в присылке ответа. Так, в письме в Секретариат Президиума ЦИК СССР 6 февраля 1931 года поступило письмо, с просьбой «ускорить присылку ответа на отношение от 24/1/-31 г. за № 140–2 по вопросу "Об исправлении границ между Северо-Кавказским краем РСФСР и УССР"» [5, л. 6]. В свою очередь ВЦИК РСФСР на следующий день направил в союзный ЦИК свое отношение. В нем «в связи с настойчивыми требованиями Представительства УССР об ускорении рассмотрения вопроса о границах между Северо-Кавказским краем и Украинской ССР, Секретариат Президиума ВЦИК просит ускорить подтверждение постановления Президиума ВЦИК от 10 декабря 1930 г. по указанному вопросу» [5, л. 7]. То есть российская сторона просила союзный орган снять данный вопрос с обсуждения, оставив территорию Дарьино-Ермаковского сельсовета в составе РСФСР.

В специальной докладной записке инструктора Секретариата ВЦИК А. Осколкова утверждалось, что необходимо «оставить границы в этом районе существующие до сего времени, так как согласно общего собрания граждан Дарьино-Ермаковского сельсовета не изъявляют желания передачи их с/с в УССР, а в отношении ст. Чертково подтвердить Постановление ВЦИК от 27/12–26 г.» [5, л. 9], то есть в составе Северо-Кавказского края, и настаивать, в свою очередь, «на передаче Меловского сельсовета в составе 13 населенных пунктов из УССР в РСФСР» [5, л. 9]. Эти же выводы легли в основу проекта Постановления Президиума ВЦИК [5, л. 10–12]. Однако в итоге Секретариат Президиума ВЦИК 20 апреля 1931 года постановил вопрос «О спорных границах между УССР и РСФСР в районе Дарьино-Ермаковского сельсовета и станции Чертково ... отложить до следующего заседания» [5, л. 13]. 6 мая того же года вопрос был поднят на Секретариате союзного ЦИК, но был отложен вновь до следующего заседания «по просьбе представителя УССР т. Крупко ... с тем, чтобы к этому заседанию были представлены соответствующие картографические материалы» [5, л. 14].

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 6 14

ЗАСЕДАНИЯ СЕКРЕТАРИАТА
ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОЮЗА ССР

от „ 6 “ мая 1931г.

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
О спорных границах между УССР и РСФСР в районах Дарьино-Ермаковского сельсовета и станц. Чертковое. (Вн. Оргкомиссией Президиума ЦИК Союза ССР; прот. Секретариата ЦИК Союза ССР № 4). <i>Дело № 350.715/12.</i> За Секретаря ЦИК Союза ССР- (С. Луцаев) <i>Луц</i>	По просьбе представителя УССР т. Крупко, вопрос слушанием отложить до следующего заседания с тем, чтобы к этому заседанию были представлены соответствующие картографические материалы.

Секретариат ЦИК СССР. Тираж 4.000 экз. 3 VII 32 г.

Выписка из протокола №6 заседания Секретариата ЦИК СССР от 6 мая 1931 года

Внимательно отслеживая ситуацию с предполагаемой передачей указанного сельсовета, Секретариат союзного ЦИК, ожидая получения соответствующих картографических материалов, сделал официальный запрос главе Постпредства УССР С.Крупко. В нем Секретариат сообщал, что «не имея до настоящего времени сведений и материалов по данному вопросу, ...просим уведомить, считаете ли Вы этот вопрос законченным или же подлежащим рассмотрению; в последнем случае сообщите срок постановки его к слушанию, а также обеспечить представление соответствующих материалов» [5, л. 16]. На этот запрос украинское постпредство при Правительстве СССР ответило в письме от 8 июля 1931 г., что «...по этому вопросу ожидает ответ от ВУЦИКа, по получении которого оно сообщит Секретариату ответ по существу возбужденного Секретариатом вопроса». Там же на этом ответе стоит пометка Секретариата союзного ЦИК, что «20 августа 1931 г. вернули в Укр. пр-во для заверки выкопировки из карты» [5, л. 17]. Украинское Постпредство в ответ переслало 3 сентября в Секретариат ЦИК СССР «копию телеграммы ВУЦИКа, подтверждающую этот материал» [5, л. 13].

В конечном итоге, в Секретариате ЦИК СССР данный вопрос был рассмотрен. В ГАРФ имеются различные материалы, в том числе под-

писанное инструктором ЦИК Шишкановым заключение. В нем инструктор отмечал, что указанный спор тянется давно, однако «...теперь в деле имеется карта, из которой видна целесообразность перечисления Дарьино-Ермаковского сельсовета в состав УССР. Нежелание населения этого сельсовета перейти в УССР не должно служить тормозом к их перечислению, и этот вопрос необходимо разрешать в положительном смысле вне связи со спорными границами в районе ст. Чертково, вопрос о котором заслушать дополнительно после подробного выяснения сущности спора» [5, л.20–21]. В итоге, был составлен проект постановления ЦИК СССР, в котором предлагалось «Дарьино-Ермаковский сельсовет Сулинского района Северо-Кавказского края перечислить в состав Ровенецкого района УССР. Работу по передаче и приему закончить к 1 ноября 1931 года. О спорной территории в районе ст. Чертково заслушать дополнительно после предоставления со стороны ВЦИК подробного материала по этому вопросу» [5, л. 22]. Однако по неизвестным причинам, 10 октября 1931 года Секретариат ЦИК СССР постановил «рассмотрение вопроса отложить на один год. Поручить Оргкомиссии Президиума ЦИК Союза ССР подработать общий вопрос по выравниванию границ союзных республик» [5, л.23–24].

Тем временем на местах активизировались попытки изменить существующую линию межреспубликанской границы. Еще не зная о решении Секретариата ЦИК СССР отложить на один год вопрос исправления границы УССР и РСФСР в районе Меловое – Чертково, 29 ноября 1931 года Леоно-Калитвенский районный исполком направил в ЦИК СССР выписку из протокола заседания Президиума Леоно-Калитвенского РИК от 28 ноября 1931 года «по вопросу присоединения поселка Мелового УССР к рабочему поселковому совету» (станция Чертково, РСФСР). В протоколе сказано, что «...наряду с рабочим поселком при ст. Чертково имеется поселок Меловой, который разделяется ж.д. линией, административно подчиненный Меловскому району УССР. На территории Меловского поселка расположены предприятия, административно подчиненные Леоно-Калитвенскому району, как-то: мясохладобойня, межрайонная база Союзмясо, железнодорожное Депо, а сам Меловской район не имеет абсолютно никаких производственных предприятий, руководство которого осуществляется исключительно на район сельской местности» [5, л. 25].

Руководство Леоно-Калитвенского района сетовало на трудности в управлении своими предприятиями, территориально расположенными в соседней республике: «Руководство этими предприятиями ...часто

встречает затруднения, отражающиеся на работе последних. ... Поселок Меловой заселен на 70 % рабочими и служащими предприятий и учреждений, административно подчиненных Леоно-Калитвенскому району СККрая» [5, л.25]. В связи с чем Леоно-Калитвенский РИК просил «Центральный Исполнительный Комитет СССР через Северо-Кавказский краевой комитет подчинить поселок Меловой – Леоно-Калитвенскому району Северо-Кавказского Края в административном и хозяйственном отношении в целях правильного руководства и укрепления рабочего центра со стороны Леоно-Калитвенского района. Интересы украинского населения обеспечены ввиду украинизации района» [5, л.25]. 9 декабря 1931 года в Леоно-Калитвенский РИК был отправлен ответ, подписанный Ответственным секретарем Оргкомиссии Президиума ЦИК СССР И.Акимовым, в котором предлагалось «в ответ на Ваше ходатайство о присоединении поселка Мелового УССР к Рабочему поселку Леоно-Калитвенского района С.К.Края, Оргкомиссия ЦИК Президиума ЦИК Союза ССР сообщает, что Вам следует войти с ходатайством об этом через Сев. Кавк. Крайисполком во ВЦИК» [5, л. 26].

В последующие несколько лет между Секретариатом союзного ЦИК, Постпредством УССР при Правительстве СССР, ВУЦИК и ВЦИК продолжилась переписка с разной степенью интенсивности. Однако центр всячески тормозил и откладывал по малейшим основаниям рассмотрение вопроса о пересмотре действующей российско-украинской границы. Очевидно, многие помнили слова И.Сталина, высказанные на встрече с украинскими писателями в феврале 1929 года. Там вождь раскритиковал постоянные корректировки межреспубликанских границ, отметив также стабильно вызываемое недовольство у сторон такими решениями: «Конечно, не имеет сколько-нибудь серьезного значения, куда входит один из уездов Украины и РСФСР. У нас каждый раз, когда такой вопрос ставится, начинают рычать: а как миллионы русских на Украине угнетаются, не дают на родном языке развиваться, хотят насильно украинизировать и т.д.» [9, л. 19–20].

Внутриполитические процессы и корректировка российско-украинской границы в 1930-е гг.

Вопросы изменений административно-территориальных рубежей субъектов Союза ССР всегда были тесно связаны с теми решениями,

которые принимало руководство страны в части управления народным хозяйством и национальной политикой. В предыдущие годы процессы украинизации как в УССР, так и в приграничных районах РСФСР вос-

принимались как неотъемлемая часть советской внутренней политики. Ряд территориальных уступок украинцам также во многом были продиктованы этой логикой. Однако со временем цели украинизации посчитали достигнутыми, а ее дальнейшее расширение стало вызывать серьезные опасения у советского руководства. Так, 15 декабря 1932 года было принято совместное Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об украинизации в ДВК, Казахстане, Средней Азии, ЦЧО и других районах СССР».

В указанном Постановлении руководство страны решительно осудило «выступления и предложения, исходящие от отдельных украинских товарищей, об обязательной украинизации целого ряда районов СССР (например, в ДВК, Казахстане, Средней Азии, ЦЧО и т. д.). Подобные выступления могут только играть на руку тем буржуазно-националистическим элементам, которые, будучи изгнаны из Украины как вредные элементы, проникают во вновь украинизированные районы и ведут там разлагающую работу» [8, л.44]. Партийно-государственное руководство СССР поручило «крайкому и крайисполкому ДВК, обкому и облисполкому ЦЧО, Казакскому крайкому и Совнаркому немедленно приостановить дальнейшую украинизацию в районах, перевести все украинизированные газеты, печать и издания на русский язык и к осени 1933 года подготовить переход школ и преподавания на русский язык» [8, л.44].

Тем временем на Украине верно поняли сигналы из Москвы и также стали сворачивать украинизацию, активно занявшись поиском «буржуазно-националистических элементов». На роль таковых были назначены активный проводник украинизации и одновременно решительно отстаивавший украинские территориальные притязания на Кубань и Центральное Черноземье нарком просвещения УССР и член Политбюро ЦК КП(б)У Н.Скрыпник, зампреда ВУЦИК А.Буценко и их соратники. В июне–июле 1933 года на пленуме Политбюро ЦК КП(б)У от Скрыпника настойчиво требовали официального признания ошибок в «националистическом уклоне». Под давлением и травлей 7 июля Н.Скрыпник покончил жизнь самоубийством в собственном кабинете. Афанасий Буценко еще в 1929 году был снят с должности, выведен из состава ЦК и отправлен на партийно-хозяйственную работу в Сибирь, а позднее – на Дальний Восток. В 1937 году был репрессирован как участник украинской национал-фашистской организации.

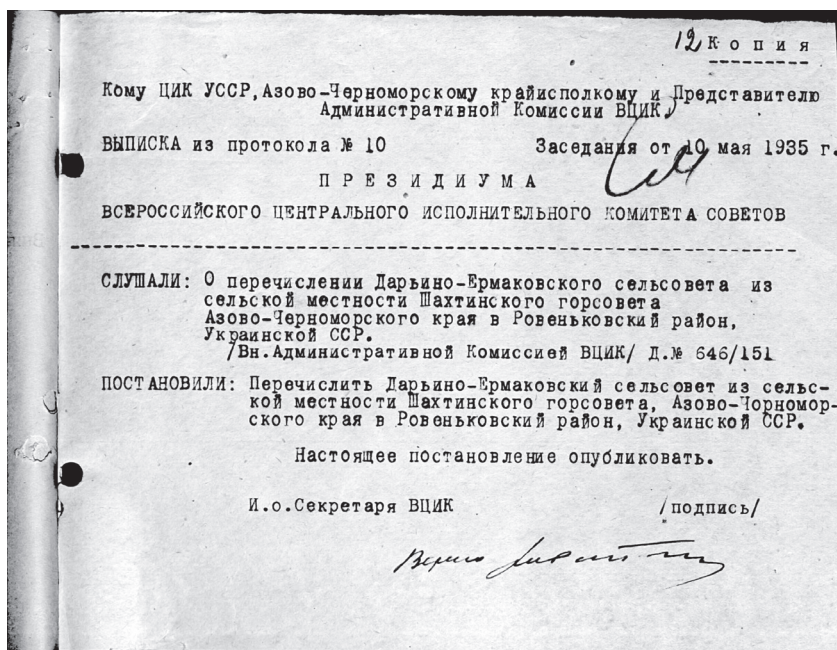
На ноябрьском объединенном пленуме ЦК и ЦКК КП(б)У 1933 года, посвященном национальной политике в УССР, было объявлено, что «главной опасностью стал местный украинский национализм, связанный с иностранной интервенцией». Основными «националистами» на-

звали покойного Скрипника и его сторонников из Наркомпроса. Это положило начало масштабной кампании против «украинского национализма». Как утверждает К. Дроздов, «Смерть Н.А. Скрипника, а затем репрессии в отношении его сторонников из Наркомпроса УССР, осуществлявших политику украинизации и лоббировавших интересы украинского населения России, подвели окончательную черту под украинским проектом в РСФСР» [13, с. 447].

На фоне этих процессов украинская сторона практически перестала апеллировать к этно-лингвистическому критерию в вопросе необходимости пересмотра границ, став все больше обращаться к экономическим доводам, а также к волеизъявлению граждан. В частности, приводилась информация, что жители Дарьино-Ермаковского сельсовета сменили свое мнение о целесообразности нахождения в составе РСФСР и изъявили желание войти в состав Украинской ССР. Это дало основание Всесоюзному ЦИК направить 2 декабря 1934 года в Харьков в ВУЦИК ходатайство о передаче территории Дарьино-Ермаковского сельсовета [6, л. 3]. Украинская сторона, в свою очередь, решила: «Учитывая экономическое тяготение Дарьино-Ермаковского сельсовета к городу Ровеньки Донецкой области и принимая во внимание национальный состав населения, высказаться за перечисление этого сельсовета в состав Ровенского района Донецкой области» [6, л. 4]. Для подготовки исполнения планируемого приема в состав Донецкой области нового территориального субъекта, в Донецкий облисполком была направлена переписка ВУЦИК с административной комиссией ЦИК РСФСР «о перечислении Дарьино-Ермаковского сельсовета Шахтинского района Азово-Черноморского края в состав УССР» [6, л. 5].

Тем временем в Харьков в ВУЦИК поступили Постановление Президиума Донецкого облисполкома, соответствующая выкопировка карт сельсовета, и отчеты, показывающие основные экономические и материально-технические показатели. В частности, указывалась близость Дарьино-Ермаковского сельсовета к г. Ровеньки УССР – 30 км, в то время, как к своему райцентру – г. Шахты, расстояние составляло 50 км [6, л. 7–8]. 10 мая 1935 года Всесоюзный ЦИК согласился с доводами украинской стороны, постановив передать территорию Дарьино-Ермаковского сельсовета в состав УССР [6, л. 11–12].

Однако на местах не были готовы к такому приему и ждали соответствующих указаний из Донецка. 11 июня 1935 года Азово-Черноморский краевой исполком направил письмо в ВУЦИК, в котором указал, что «Ровенский райисполком ...не может принять Дарьино-Ермаковский



Выписка из протокола №10 Заседания Президиума ВЦИК от 10 мая 1935 года
с одобрением передачи Дарьино-Ермаковского сельсовета в состав УССР

с/совет. Сообщая об этом, Аз. Чер. Крайисполком просит сделать указание Ровенецкому райисполкому о немедленном приеме Дарьино-Ермаковского с/совета» [6, л. 14].

7 июля 1935 года ВУЦИК отправил в ЦИК Союза ССР отношение «Об уточнении границ между РСФСР и УССР». В нем украинцы обращали внимание на соображения «экономического и национального порядка, тесно связанными с основными линиями развития и внутреннего хозяйственного тяготения Дарьино-Ермаковского сельсовета Шахтинского района Азово-Черноморского края к городу Ровенькам – центру Ровеньковского района Донецкой области, а также имея в виду уничтожение существующей чересполосицы, Секретариат ЦИК УССР просит о перечислении этого сельсовета в состав Ровеньковского района Донецкой области» [6, л. 1]. При этом, желательным временем для передачи чиновники наметили период – после весенней посевной кампании, т.е. не раньше весны 1936 года [6, л. 10].

Президиум ЦИК Союза ССР согласился с «решениями Президиумов ЦИК РСФСР и УССР об изменении границы между означенными союзными республиками и перечислить Дарьино-Ермаковский сельсовет из сельской местности Красно-Сулинского горсовета в состав Ровеньковского района Донецкой области УССР. На основании ст. 14 п. "д" Конституции СССР внести данный вопрос на утверждение Президиума Верховного Совета СССР» [6, л. 15]. Однако по неизвестным причинам Президиум Верховного Совета СССР так и не рассмотрел настоящий вопрос, который, по сути «повис в воздухе». На местах продолжали исполнять директивы своих «старых» центров. Периодически возникали конкретные вопросы. Так, например, у НКВД УССР в письме от 10 апреля 1938 года в ЦИК УССР спрашивали, «какие требования должны нами предъявляться при изображении указанного сельсовета на картах» [6, л. 36].

По поручению начальника Центрального управления народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) при Госплане СССР И.В.Саутина, 5 мая 1938 года в Секретариат Президиума Верховного Совета СССР было отправлено сообщение, в котором Секретариат ЦУНХУ сообщал, «что Дарьино-Ермаковский сельский совет находится в подчинении Красно-Сулинского горсовета Ростовской области. К концу 1937 года на территории Дарьино-Ермаковского сельсовета проживало 917 человек, из коих русских 800 человек. На 1 мая на территории этого сельсовета проживает 989 человек» [6, л. 37]. В свою очередь, Президиум Верховного Совета УССР направил 11 октября 1938 года в информотдел Президиума Верховного Совета СССР телеграмму-молнию за подписью Секретаря Президиума ВС УССР А.Межжерина. В ней отмечалось, что «Ермаково Дарьинский сельсовет не принимался состав УССР Межжерин» [6, л. 38]. В такой конфигурации линия межреспубликанской границы оставалась вплоть до 1944 года.

Учитывая сложность и противоречивость происходивших в СССР в этот период процессов, возбуждение вопроса об изменении административно-территориальных рубежей могло повлечь обвинения в «националистическом уклоне», а ведомству, поднявшему этот вопрос, грозил поиск «буржуазно-националистических элементов», с последующими оргвыводами. Вероятно, стороны на время отложили переписку по необходимости исправления административных рубежей даже в части, такого небольшого эксклава, как Дарьино-Ермаковский сельсовет. Во всяком случае, в отечественных архивных учреждениях в настоящее

время не обнаружено документов, которые бы касались обсуждения указанного вопроса в последующие суровые годы войны.

«Идя навстречу желанию трудящихся...»

Великая Отечественная война на некоторое время остановила российско-украинскую межреспубликанскую переписку по вопросу

исправления границ. Война нанесла колоссальный урон европейской части Советского Союза. Погибли миллионы наших соотечественников, а народное хозяйство было практически полностью разрушено. В настоящее время особенности этой масштабной войны представлены в различных отечественных архивных учреждениях. Однако в архивах хранятся весьма интересные документы не только военного характера. Представляет интерес комплекс документов о растянутой на более чем 15 лет передаче в 1944–45 гг. территории ранее упомянутого Дарьино-Ермаковского сельсовета Красногвардейского района Ростовской области в состав Свердловского района Ворошиловградской области. Это событие стоит особняком в свете российско-украинских территориальных споров 1920-х гг. Долгое время считалось, что в 20-х гг. XX столетия процесс межреспубликанского разграничения завершился. Так, например, указанный Дарьино-Ермаковский сельсовет, наряду с Таганрогско-Шахтинской округой, был возвращен РСФСР, оказавшись в составе Красногвардейского района Ростовской области с центром в пос. Соколово-Кундрюченский (ныне – в черте г. Новошахтинск). Однако Москве пришлось вновь вернуться к уточнению границ между РСФСР и УССР, на этот раз в годы Великой Отечественной войны. Причем по причине, больше связанной с выравниванием административных границ. Дарьино-Ермаковский сельсовет был территориально российским эксклавом, окруженным территорией УССР.

Примечательно, что официально инициатором таких административно-территориальных изменений стало население Дарьино-Ермаковского сельсовета. Преимущественно сельскохозяйственная повседневность этой территории и тяжелейшие последствия войны поставили перед освобожденным в феврале 1943 года уцелевшим населением сложный вопрос выживания. Следует заметить, что в этом отношении Донбасс имел на порядок больше возможностей и больший уровень снабжения. Так, уже 26 октября 1943 г. постановлением ГКО начали восстанавливать мелкие, средние и малоразрушенные крупные шахты, что позволило обеспечить население работой и питанием [18].

18 июля 1944 года вышло новое постановление ГКО о дальнейших мероприятиях по восстановлению углепрома. Москва считала, что наряду с восстановлением шахт и заводов в Донбассе важнейшей задачей является восстановление разрушенных немецкими оккупантами жилищ, бань, прачечных, клубов, детсадов, столовых и магазинов в шахтных поселках. Было запланировано финансирование и ввод в эксплуатацию во втором полугодии 1944 г. для предприятий угольной промышленности Донбасса 585 тыс. кв. м жилых и культурно-бытовых зданий. Государственный Комитет Обороны, признавая обеспечение Донбасса материалами и оборудованием важнейшей общегосударственной задачей, обязал партийные и хозяйственные органы качественно улучшить материально-техническое снабжение. Это значительно улучшило условия жизни населения.

Учитывая близость населенных пунктов Дарьино-Ермаковского сельсовета к райцентру Свердловск Ворошиловградской области, который находился в 18 км, в то время как их райцентр – Соколово-Кундрюченский – в 30 км, в сентябре 1944 года население указанного сельсовета обратилось к Ворошиловградскому облисполкому с ходатайством административно подчинить их к Свердловскому району. Учитывалось также, что колхозные земли сельсовета находились среди земель колхозов Свердловского района. На тот момент, территория Дарьино-Ермаковского сельсовета состояла из трех хуторов: Дарьино-Ермаковки – 82 двора, Кошары – 61 двор и Тавричанского – 32 двора [20].

25 сентября 1944 года Ворошиловградский облисполком вынес постановление № 788, где удовлетворил ходатайство жителей Дарьино-Ермаковского сельсовета, включив сельсовет в состав Свердловского района и отправил решение на согласование в Президиум Верховного Совета СССР [3, л. 77]. 15 октября 1944 года вышло постановление Президиума ВС СССР за подписью главы Президиума ВС СССР М. Гречухи и секретаря Президиума А. Межжерина о включении в состав Свердловского района Ворошиловградской области СССР территории Дарьино-Ермаковского сельского совета Красногвардейского района Ростовской области РСФСР. В тексте документа отмечалось: «Идя навстречу желанию трудящихся Дарьино-Ермаковского сельского совета, Красногвардейского района, Ростовской области и исполкома Ворошиловградского областного Совета депутатов трудящихся о включении территории Дарьино-Ермаковского сельского совета в состав Свердловского района Ворошиловградской области СССР». В итоге, Президиум Верховного Совета СССР постановил ходатайствовать перед Президиумом Верхов-

ного Совета Союза ССР «включить Дарьино-Ермаковского сельского совета в состав Свердловского района Ворошиловградской области УССР» [7, л. 1].

Через три дня, 18 октября 1944 года аналогичное решение мы встречаем в протоколе № 16 заседания Президиума Верховного Совета РСФСР за подписью главы Президиума ВС РСФСР Н. Шверника и секретаря Президиума П. Бахмутова. В тексте отмечается согласие «с представлением исполнительного комитета Ростовского областного Совета депутатов трудящихся о перечислении Дарьино-Ермаковского сельского совета из Красногвардейского района Ростовской области РСФСР в состав Украинской ССР. Просить Президиум Верховного Совета Союза ССР утвердить настоящее постановление» [23].

В проекте Постановления «О включении территории Дарьино-Ермаковского сельского совета Ростовской области РСФСР в состав Украинской ССР» приводились следующие аргументы: «Учитывая согласие Президиума Верховного Совета РСФСР включить территорию Дарьино-Ермаковского сельского совета Ростовской области Красногвардейского района РСФСР в состав Свердловского района Ворошиловградской области Украинской ССР. Просить Президиум Верховного Совета Союза ССР утвердить настоящее постановление и частичное изменение границы между Украинской ССР и РСФСР в связи с включением территории Дарьино-Ермаковского сельского совета в состав Украинской ССР» [7, л. 3].

В итоге, 5 ноября 1944 года указом Президиума ВС СССР передача территории Дарьино-Ермаковского сельского совета в состав Украинской ССР и частичное изменение межреспубликанской границы были утверждены [7, л. 4]. Таким образом, хутора Дарьино-Ермаковка, Кошары и Тавричанский, территориально входившие в состав Дарьино-Ермаковского сельского совета, были переданы в состав Свердловского района Ворошиловградской области УССР [19].

Однако советская бюрократическая машина оказалась неспособной своевременно реализовать передачу в условиях военного времени, затянув это решение на год. Так, 26 мая 1945 года в адрес Президиума Верховного Совета СССР поступило ходатайство Ворошиловградского исполкома Ворошиловградского областного Совета депутатов трудящихся за подписью председателя исполкома М. Орешко, в которой просили «дать указание исполкому Ростовского областного Совета депутатов трудящихся о передаче территории указанного совета Свердловскому району Ворошиловградской области» [7, л. 5].



-89-

-89-

ствующие распоряжения по этому вопросу» [7, л. 6]. Важно отметить, что лишь к концу лета 1945 года вопрос о передаче территории Дарьино-Ермаковского совета в состав Украинской ССР был решен. В настоящее время село Дарьино-Ермаковка, а также Кошары и Тавричанский пребывают в российской юрисдикции в составе муниципального округа: муниципальное образование Свердловский муниципальный округ Луганской Народной Республики.

Заключение

Несмотря на то, что большинство украино-российских пограничных споров пришлось на 1920-е гг., в последующие десятилетия отмечается некоторая активизация территориального вопроса. В 1920-е годы процесс территориального разграничения был сложным и сопровождался постоянными обращениями республик к центральным властям, где Москва делала упор на формирование обоснованного административно-территориального деления, исходя из экономической и политической целесообразности, часто игнорируя мнение местного населения. Переговоры между УССР и РСФСР проходили напряженно, а их руководители занимали жесткие позиции. Москве пришлось выступить арбитром, сдерживая чрезмерные запросы, в основном со стороны УССР. Хотя украинская сторона последовательно отстаивала этнический принцип, в итоге обе республики приходили к компромиссу, учитывая, прежде всего политико-экономические факторы.

В 1930-е годы, в случае с территорией Дарьино-Ермаковского сельского совета, согласование разграничения прошло практически без осложнений, хотя и с некоторой задержкой, растянувшейся до 1944 года. Передача этой небольшой территории, в отличие от Таганрога, Шахт или Каменского района, не вызывала острых споров. Решение было продиктовано экономическими связями населения и удобством управления, что в конечном счете привело к корректировке административных границ республики.

Обращение в сторону ранее санкционированной высшим партийным органом реализации основных положений советской национальной политики, в 1930-х гг. уже не могло быть выгодной тактикой. Развернувшиеся процессы сворачивания украинизации и поиски «буржуазно-националистических элементов» в высших органах исполнительной власти УССР могли обернуться весьма плачевными результатами (как например, в случае с Н.Скрыпником и А.Буценко). Украинская ССР смогла добиться лишь крайне незначительных территориальных уступок со стороны

РСФСР (ноябрь 1944 г.), они были минимальны и весьма далеки от масштабных требований прошлых лет привести границы в соответствии с этно-лингвистическими критериями. Высшее партийное руководство страны поставило точку в территориальном споре с УССР, аккуратно ограничив ее претензии.

С переходом к коллективизации и индустриализации вопросы границ между РСФСР и УССР больше не поднимались на высшем уровне. Исчезли разговоры о «несправедливости» из-за неприсоединенных территорий. Административное устройство СССР было признано оптимальным для выполнения народнохозяйственных задач. Надвигалась Вторая мировая война, и страна активно готовилась к неизбежному конфликту. Темы оптимизации межреспубликанских границ потеряли актуальность на фоне новых масштабных государственных приоритетов.

Библиографический список

1. Государственный архив Луганской Народной Республики (ГА ЛНР). Ф.П-4. Оп. 1. Д. 107.
2. ГА ЛНР. Ф.П-4. Оп. 1. Д. 216.
3. ГА ЛНР. Ф.Р-1779. Оп. 2. Д. 47.
4. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.А-296. Оп. 1. Д. 151.
5. ГАРФ. Ф.Р-3316. Оп. 24. Д. 612.
6. ГАРФ. Ф.Р-3316. Оп. 24. Д. 682.
7. ГАРФ. Ф.Р-7523. Оп. 15. Д. 101.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 14.
9. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4490.
10. Боечко В., Ганжа А., Захарчук Б. Границы Украины: историческая ретроспектива и современное положение. К.: «Основи», 1994. 168 с.
11. Борисенок Е.Ю. Украина и Россия: спор о границах в 1920-е годы // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С. 205–237.
12. Борисенок Е. Феномен советской украинизации, 1920–1930-е годы / Ин-т Славяноведения РАН. М.: Европа, 2006. 256 с.
13. Дроздов К. Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933 гг. М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 487 с.
14. Кринко Е.Ф., Татаринов И.Е. «Мы – Россия, а Вы – Украина, и нам до Вас нет дела...»: территориальные споры в Приазовье и на Донбассе в 1920-е гг. // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2014. № 34 (4). С. 639–644.

15. Кринко Е.Ф., Медведев М.В. «...Избрать паритетную комиссию»: документы о передаче Таганрогского и Шахтинского округов в состав РСФСР в 1924–1925 гг. // Русский архив. 2015. №3(9) С.204–219; 4(10). С.288–295.

16. Кузьменко В.Б. До історії формування північно-східного та східного кордонів України (1917–1925 рр.) // Університетські наукові записки Хмельницького ун-ту управління та права. 2005. №4 (16). С.26–30.

17. Максимчук Т.А. История административно-территориального деления Донецкой области 1919–2000 гг. Сборник документов и материалов. Донецк. 2001. 272 с.

18. Правда. Выездная редакция в Донбассе. 1944. 5 января (№32).

19. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938–1956) / Иванова В.И. (ред). М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. 531 с.

20. Список населенных мест Сулинского района Шахтинско-Донецкого округа Северо-Кавказского края, 1926 год (Сулинский район // Поселенные итоги переписи 1926 г. по Северо-Кавказскому краю. 1929. С.377–380.) // Донской временник. Ростов-на-Дону, 1929. С.377–380.

21. Татаринов И.Е. Административно-территориальный спор Северо-Кавказского края РСФСР и Старобельского округа УССР в 1920-е годы / IV Международный форум историков-кавказоведов «Кавказоведение: стратегии развития в XXI в. и взаимодействие с образованием» (19–20 октября 2016 г.). Отв. ред. Акад. Матишов Г.Г. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН. 2016. С.341–349.

22. Татаринов И.Е. «Слишком часто меняем границы...». Уточнение межреспубликанских границ между РСФСР и УССР в 1926–28 годах // РОССИЯ XXI. 2020, №5. С.96–113.

23. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР / [отв. ред. И.А.Басавин; сост. А.В.Белоруцков и др.]. М.; Л.: Юрид. изд-во, 1949. в 6 т. Т.4: 1935–1945 гг. 1949. 596 с.

24. Єфіменко Г., Кульчицький С. Кордони державні України, принципи і історична практика їх визначень // Енциклопедія історії України: У 10 т. К., 2008. Т.5. С.137–148.

25. Єфіменко Г. Визначення кордону між УСРР та РСФРР (1917–1920) // Проблеми історії України: факти, судження пошуки. 2011. С.135–176.

26. Єфіменко Г. Формування кордону між УСРР та РСФРР в 1917–1928 рр. // Historians. URL: <http://www.historians.in.ua/index.php/en/doslidzhennya/1342-hennadii-yefimenko-formuvannia-kordonu-mizh-usrr-ta-rsfr-r-1917-1928-gg>. (дата обращения: 29.03.2025).

27. Сергійчук В.І. Етнічні межі і державний кордон України. К.: ПП Сергійчук М.І., 2008. 560 с.

28. Шабельников В.І. Зміни в адміністративно-територіальному поділі Донбасу у 1917–1930 рр. // Історичні дослідження. Зб. наук. праць. Донецьк. 2009. Вип. №2. С.69–75.

Олег Волобуев



ДЕТСКИЕ ГОДЫ. ЯЛТА.

ДЕКАБРЬ 1931 – ИЮНЬ 1941*

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК

929

В фокусе автобиографического очерка – судьба ребенка, потерявшего мать и фактически принятого в семью бабушки и тети. Повествование начинается с истории двух семей по материнской и отцовской линии, имевших крестьянские корни и достигших в пореформенной России уровня средних городских слоев. Детство внука глав этих семей связано с местом обитания, городом Ялтой в 1930-е годы. Это время детства было оборвано войной в 1941 г. Автор вспоминает его в разных аспектах жизни: облик города, социальная среда, быт и т.д. В очерке уделяется внимание религиозному вопросу и межнациональным отношениям. Важным фактором формирования ребенка было его вхождение в мир книг.

The autobiographical essay focuses on the fate of a child who lost his mother and was effectively adopted into the family of his grandmother and aunt. The narrative begins with the history of two families on the maternal and paternal lines, which had peasant roots and reached the level of the urban middle classes in post-reform Russia. The childhood of the grandson of the heads of these families is associated with his place of residence, the city of Yalta in the 1930s. This time of childhood was cut short by the war in 1941. The author recalls it in different aspects of life: the appearance of the city, the social environment, everyday life, etc. The essay pays attention to the religious issue and interethnic relations. An important factor in the child's formation was his entry into the world of books.

Ключевые слова: история семьи; детство; Ялта 1930-х годов; социальная среда; религия и атеистическая политика; быт; мир книг; предвоенная атмосфера.

Key words: family history; childhood; Yalta in the 1930s; social environment; religion and atheistic politics; everyday life; world of books; pre-war atmosphere.

E-mail: volobuevov@yandex.ru

* Очерк продолжает серию мемуарных публикаций в журнале «Россия XXI». Начало см. №2, 5–6; 2022. №2, 3, 4; 2023. №1, 2, 5.

Было ли мое детство счастливым? У меня до сих пор ответа нет даже на такой простой вопрос. Но я верю, что счастливое детство бывает. Может быть, оно было и у меня. Органически не могу видеть его в черном или розовом свете. Мой друг Владимир Черный писал: «Видно, я родился в рубашонке, да ее несчастливый украл». Жаловаться нам не пристало.

Мои глаза увидели свет и мой рот издал первый крик 23 декабря 1931 г. У меня было два свидетельства о рождении: по новому и по старому календарному стилю. По второму, церковному, я был 1932 г. рождения. Так что раздвоенность сопровождала меня с детства.



Галина (с сыном Олегом) и Елизавета Королевские
на Кастропольском пляже (Большая Ялта). 1932 г.

Мама моя, Галина Константиновна, 1910 г. рождения, умерла очень рано, в 1933 г. Сохранилась фотография: счастливая, улыбающаяся мать с сыном, т.е. со мной, на руках. Похоронена была на старом Ливадийском кладбище. Могилу снесли, когда прокладывали окружную дорогу. Можно уничтожать могилы или нельзя, никого из потомков не спрашивали и никого не предупреждали.

Вспоминается, когда я в первый раз прилетел в Томск в 1970-х гг., и нас, ученых, везли на автобусе в гостиницу, сопровождающий с гордостью, показывая на новые жилые кварталы, сказал: «А раньше тут

было кладбище». Первым секретарем Томского обкома партии тогда был Е.К. Лигачев.

Отца, Владимира Васильевича, рождения 1906 г., в детстве помню урывочно, эпизодично. С ним связаны фрагментарные воспоминания-картинки. О нем написан мною отдельный очерк [3, с. 151–159].

Моими крестными были протоиерей отец Димитрий (Киранов) и его супруга Анна (в девичестве Николаева), сестра моей бабушки.

Детство связано с двумя семьями – Волобуевых (по отцу) и Королевских (по матери). Закончилось детство 22 июня 1941 г. Не всегда бывает, что человек знает точную дату его окончания.

Королевские

Есть украинский вариант этой фамилии – Королівськіі. Фамилии с топонимическим суффиксом чаще всего производны от названия

населенного пункта Королево, Королевка (Королівка). По семейному преданию, слышанному в детстве, наша ветвь Королевских ведет свое происхождение с Киевщины. И вроде даже от крепостных крестьян. Основателем фамильной ветви был повар, выкупившийся из крепостной неволи незадолго до 1861 г. Во всяком случае, семья оказалась успешной. Все дети в конце XIX в. получили образование. Мой дедушка, Королевский Константин Фомич, в начале XX в. работал писмоводителем. Младший брат, Дмитрий, был медиком (фельдшером) в Пологах (ныне Запорожская обл.). Старший брат сделал завидную карьеру в железнодорожном ведомстве. Его семья эмигрировала в годы Гражданской войны.

Константин Фомич Королевский обосновался в Бердянске в конце XIX в. Женат был на Николаевой Елене Львовне. Бабушка моя, в семейном кругу Еля, родилась в селении Ялта, Мариупольского уезда Екатеринославской области. В детстве мне попалось бабушкино свидетельство о рождении, и я был удивлен тем, что где-то существует вторая Ялта. Происходила Елена Львовна из таврических греков, переселенных в Приазовье из Крымского ханства незадолго до присоединения территории его к России. Ее мать Феодора Ивановна была замужем за мелким торговцем Львом Николаевым. К рубежу веков относится фотография бабушки Ели. На ней бабушка молодая, красивая и модная. Я же помню ее вечно занятой домашними делами. Семье, детям, а на склоне лет и внуку была посвящена вся ее жизнь. В комоде нашей квартиры хранились черные страусовые перья. Я не раз вытаскивал их из ящика комода и представлял, как выглядела бы бабушка в головном уборе, украшенном ими.



Елена Львовна Королевская (Николаева)

Крымское ханство (сейчас ассоциируется только с полуостровом) территориально охватывало не только Крым, но и Приазовье, часть современных областей – Запорожской (по реке Конка, или Конские воды) и Херсонской (левобережье устья Днепра). Так что по матери я имею на Крым и на причисление к его коренному народу не меньшее право, нежели любой представитель крымских татар. И, не скрою, мне это приятно. А что касается южнобережных и горных крымских татар и приазовских греков, то это биологически люди одной крови, одного генетического происхождения, но разведенные религией и историей. Об этом свидетельствуют многие культурные традиции прибрежных и части горных крымских татар (селения Дерекой и Ай-Василь, которые вошли в Ялту, и др. места).

Константин Фомич начал работать письмоводителем в Бердянской мужской гимназии 1 августа 1897 г. Согласно сведениям по истории Бердянской мужской гимназии, в должности письмоводителя дедушка числился до 15 июля 1904 г. С этого времени он продолжал исполнять некоторые обязанности делопроизводства в гимназии по найму. Кажется,

какое-то время он исполнял также обязанности классного наставника. После его ухода из гимназии директор оной в 1908 г. даже ходатайствовал перед начальством (Одесский учебный округ) о продолжении выплаты К.Ф. квартирных денег в размере 200 руб. в год¹. Видимо, в 1904 г. дедушка стал гласным городской думы Бердянска. Я помню с детства, что этим в семье Королевских гордились. Кроме того, запечатлелись семейные воспоминания о том, что он занимался ценными бумагами (акциями). В семье Королевских было четверо детей. Двое мальчиков (старший, Евгений, и Валентин) и двое девочек (Елизавета и младшая – Галина).

Среди документов по истории Бердянской гимназии есть и тот, который проливает свет на духовную суть Константина Фомича. 6 сентября 1914 г. он обратился с заявлением к городскому голове с предложением отметить 100-летие со дня рождения М.Ю.Лермонтова и дать Таможенной площади, где к тому времени был сквер, новое название – в честь поэта. Он также предлагал приобрести портрет Лермонтова для городской библиотеки и устроить благотворительный литературно-музыкальный вечер, посвященный поэту. Площадь-сквер не переименовали, но переименовали одну из улиц, выходящих на нее. Имеется Прощение городского головы на имя Таврического губернатора о разрешении наименовать улицу именем М.Ю.Лермонтова от 7 января 1915 г. Я познакомился с планом этой части города. Оказалось, улица имени Лермонтова находится в «писательском» окружении. Параллельно расположена ул. Маяковского. Рядом улицы им. Жуковского, Некрасова, Крылова, Чехова. А все, уверен, началось с улицы Лермонтова (сохранились ли эти названия?). Так, дедушка предстал в свете активиста-культуртрегера.

Накануне Первой мировой войны, а может быть и раньше, был куплен дом, в котором жил прежде легендарный лейтенант Шмидт. Так говорили в семье. Но мне не совсем верилось. Больно хорош дом, в котором ныне музей, посвященный памяти этого героя Первой российской революции. Бесспорно одно: наконец, семья выбилась «в люди».

Революция с ее гражданской войной все перевернула. В 1927 г. семья потеряла кормильца-отца (рак), а еще ранее осталась без Жени, которого мобилизовали во ВСЮР. Дальнейшая судьба старшего сына – зарубежье. Ушел из жизни и Валентин. Шторм в Азовском море носил рыбацью лодку более суток по волнам. У пережившего шторм Валентина началось воспаление легких. Семья лишилась мужской опоры. Остались три жен-

¹ Сведения о нем почерпнуты из сборника материалов по истории Бердянского государственного педагогического института [6]. Это учебное заведение располагается в бывшем здании гимназии.

щины, младшей Галине было тогда 17 лет. Роль главной в семье играла Елизавета – для меня тетя Люся, приобретшая профессию бухгалтера.



Елизавета Константиновна Королевская (третья в ряду сидящих за столом). Ялтинский Курортторг. Конец 1930-х гг.

Королевские, продав дом, сначала переехали в Мариуполь, а оттуда перебрались в Ялту, где жили их родственники Кирановы и где я после смерти матери остался у отца и временами находился то с ним, то был пригрет бабушкой Марией Никифоровной Волобуевой.

Семья Королевских была очень религиозна. Особо 21 мая (3 июня по новому стилю) в семье отмечался День святых равноапостольных византийского императора Константина и его матери Елены. Святые были изображены на маленькой для ношения при себе семейной иконе. В доме было много икон, возможно часть их принадлежала церкви, но пряталась отцом Дмитрием в частных квартирах от конфискации и надругательства.

В семье Королевских не допускали лжи. И мне не приходилось к ней прибегать. Не сомневаюсь, что я порой, как это бывает с детьми, шлодил (что-то мог опрокинуть, разбить, поломать), но своих поступков не скрывал. В иерархии человеческих пороков – результат воспитания в семье – ставлю на одно из первых мест ложь и лицемерие.



Мария Никифоровна Волобуева (в центре) и ее невестка Галина Королевская (справа). Дом отдыха «Кастрополь». Ялта. 1931 г.

Помню, бабушка, ведя меня за руку, вдруг останавливалась и крестилась, повернувшись в сторону закрытой советской властью церкви. Прохожие обращали на нее внимание. И мне такое внимание не нравилось. В 1930-х гг. – эта уличная сцена напоминала чудо. Но для бабушки публично перекреститься было обычной повседневностью. Власть властью, а поведение христианина, в ее представлениях, заключалось в честном выполнении библейских заповедей. Крестили меня вопреки атеистическим убеждениям отца. Перед сном я произносил вслух азбуку веры: «Отче наш, иже еси на небесех! Да святится имя твое...Хлеб наш насущный даждь нам днесь...». За годы войны я это делать перестал и стал «Отче наш» забывать. Пришло, как его оценивали Королевские, время Антихриста...

Волобуевы

Наша ветвь Волобуевых обосновалась в Ялте в годы пореформенной России. Первым ее представителем был Николай Волобуев, весьма известный в Ялте обыватель, построивший каменный дом на Заречной улице, в долине речки Водопадной (Учан-су). Доходы он получал, обслуживая главным образом состоятельную публику, местную и приезжую

(курортную). Торговал козьим молоком (лично имел стадо коз) и занимался ветеринарией и бальзамированием умерших, которых увозили из Крыма хоронить в их родных местах. Этот Волобуев, как известно из семейного предания, уговорил перебраться в Ялту из, кажется, Орловщины своего племянника, моего дедушку, Василия Семеновича.

Фамилия Волобуев образовалась от занятия, профессии – от прозвища Волобой (существует до сих пор и в этой изначальной форме). Есть трактовка фамилии как «мясник», но, я полагаю, точнее, пожалуй, забойщик скота. Скорее всего, носители этого прозвища занимались еще и лечением животных, были своего рода народными ветеринарами. Занятие передавалось из поколения в поколения в семьях, живших главным образом вдоль путей с юга на север, на Москву. Не случайно села с названием Волобуевка имеются в Харьковской, Белгородской, Курской. Орловской областях, т.е. главным образом на территории исторической Слободской Украины. Расположены они были вдоль Муравского тракта, самого прямого пути из Крыма (через Ливны и Тулу) в Москву, и его ответвлений. Люди такой профессии имели постоянную работу на торговых путях: лечить, выхаживать и забивать рабочих волов (главная тягловая сила у чумаков и других перевозчиков-«дальнебойщиков» тех времен) и другую скотину.

Улица Санаторная в Ялте, от улицы Боткинской второй или третий старый дом с левой стороны. Поднимаемся по винтовой железной лестнице (примета начала XX в.) на третий этаж. Довольно большая светлая комната. От нее отходит то, что раньше было коридором, а теперь используется как кухня. Это часть в прошлом просторной квартиры, доставшаяся семье Волобуевых после переселения и уплотнения «буржуев». В семье теперь три женщины. Мать Мария Никифоровна, невысокая, плотная и скуластая старуха, обычно сидит в кресле вблизи льющих солнечный свет балконной двери (балкон декоративный) и окна. Ходить ей тяжело. У нее панорамный обзор: она видит все, что делается в комнате. Это – капитан на мостике. Она дает указания, делает замечания, комментирует. Мария Никифоровна – женщина властная, из тех, чьи образы можно найти в русской классической драматургии у Островского и Горького. Лицо малорельефное, как у каменных «половецких баб», которых можно увидеть в крымских и южноукраинских музеях. Глаза светлые, но узковаты. Таков ее облик, запечатленный в моей памяти. Ее родственники обитают где-то в Поволжье. Кажется, в Сызрани. Похоже, в жилах бабушки есть кровь то ли православных татар, то ли мордвы. Мария Никифоровна умна. Будучи учащимся техникума, я как-то ку-

пил томик стихов китайского поэта-классика Бо Цзю-и. Стихи попали в ее руки и очень ей понравились. Меня даже удивило, как тонко она их понимала.

При Марии Никифоровне две дочери: прихрамывающая после операции тетя Оля и «слабая на голову» тетя Маня. Тетя Оля с характером, суровата и резка; работает в ялтинском Доме малютки. Тетя Маня – из «овец Божьих», молчалива и мягка: работает ночной дежурной в научно-исследовательском институте виноградарства и виноделия «Магарач». Она полностью во власти матери и старшей сестры. Третья сестра, Варя, была замужем. Муж ее начальник республиканского значения в Симферополе. Она была расстреляна после оккупации Крыма гитлеровцами вместе со всеми обитателями республиканской (областной) психиатрической больницы. Сын, Володя, мой отец, навещал родных на Санаторной, когда бывал в Ялте и находился в трезвом состоянии. Жила семья в советское время очень экономно. Чай заваривался по меньшей мере на два дня.



Ольга Васильевна Волобуева (тетя Оля). Ялта. 1960-е гг.

Глава семьи, Василий Семенович Волобуев, работал приказчиком в припортовой лавке. При каких обстоятельствах он ушел из жизни мне неизвестно, об этом мне или при мне не рассказывали. Василия Семеновича не стало, когда моему отцу еще не исполнилось 15 лет, т.е. это было в конце 1920 – начале 1921 гг. Отец, окончивший 6 классов гимназии, пристроился на работу к кондитеру-нэпману.

На могилу к бабушке меня никогда не водили, но я над этим не задумывался. И только на старости меня осенило: смерть бабушки совпадает с «красным террором» после вступления на полуостров Красной армии. Стал ли он политической жертвой или погиб при разгроме припортовой кооперативной лавки какими-либо грабителями, я уже никогда не узнаю. Смертей в Ялте тогда было много. Не исключаю, что и могилы не было, а покоятся его косточки на дне морском рядом с камнями и железками (как говорят, концы в воду). Кто заинтересуется событиями этого времени, отсылаю к книге Л.М. Абраменко [1]. Замечу только, что я, как уроженец г. Ялты, готов подтвердить слова видного революционного деятеля М.Х. Султан-Галиева о неизгладимом впечатлении событий конца 1920 г. на «свидетелей истории» – старшее (по отношению к автору) поколение ялтинцев. От них я слышал страшные истории о расправах над сотнями людей по расстрельным спискам и без каких-либо письменных фиксаций. Доклад члена Коллегии наркомата по делам национальностей, председателя Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б) М.Х. Султан-Галиева, который был командирован в Крым с 13 февраля по 29 марта 1921 г. [4], вряд ли можно заподозрить в искажении фактов. По точному определению историка И.В. Яблочкиной, по всей России тогда, в том числе и в Крыму, была разлита «немыслимая жестокость, граничившая с безумием» и нигде «не было места милосердию» [7, с. 109].

После смерти Василия Семеновича семья жила на заработки старшей дочери Ольги и младшего сына Володи.

Тетя Люся, бывало, вместе со мной навещала Волобуевых. Но я не помню, чтобы тетя Оля была в гостях у Королевских, а может и была вместе с моей двоюродной сестрой Нонной, дочерью тети Вари. С Нонной, помню, играл в шашки, и страшно злился, когда проигрывал. Выходил из себя, скандалил и, как гоголевский Ноздрев, перемешивал фигуры на доске. Проигрывать не любил на подсознательном уровне. Это позже с опытом приходит умение достойно встречать проигрыш.

В заключение не могу не отметить: и Волобуевы, и Королевские представляли собой семьи предприимчивых выходцев из крестьянско-



Председатель профкома Дома отдыха «Кастрополь» Владимир Васильевич Волобуев (в центре за столом) проводит заседание коллектива сотрудников. 1930 г.

го сословия, ставших грамотными горожанами и добившихся в условиях пореформенной России определенного благосостояния. Показателем этого стали собственные добротные дома и гимназическое образование детей.

Улица Поликуровская, дом 11

Ялтинский амфитеатр замыкают с востока Поликуровский холм, с запада гора Могаби и ведущая к ней «Чайная горка». В центре – холм

Дарсан. По обе его стороны долины речек Водопадной (Учан-су) и Быстрой (Дерекойки). Но начиналась Ялта с Поликуровского холма и располагалась она у его подножия в районе современного порта. Не случайно Поликур переводится с древнегреческого как «старое место». Когда я в детстве заинтересовался наименованием улицы, мне ответили, что она так названа в честь француза Поликура. Видимо, по аналогии с Одессой: Ришельевская, Дерибасовская, Ланжерон, а может быть и французское имя инженера, строителя ялтинского порта, известного краеведа-исследователя А.Л.Бертье-Делагарда как-то повлияло на народную топонимику. Но кто такой Поликур объяснить всезнающие взрослые не могли.

Достопримечательностью Поликуровского холма (да и всей Ялты) является первый соборный храм города – собор Святителя Иоанна Златоуста. Храм венчает трехъярусная колокольня, которая доминирующе выделяется на всех панорамных фотоснимках города. Пологим склоном холм выходит на место впадения Дерекойки в море, а обрывистым склоном – на Массандровскую слободку. В ней в частных домиках жил рабочий люд: рыбаки, рабочие порта и т.п.

В отличие от слободки, на Поликуровском холме строились дачи и многоквартирные здания. Накануне Революции 1917 г. появляются новые, как правило, двухэтажные, под съем для небогатых людей, дома на Поликуровской улице, где в середине 1930-х гг. поселились мои бабушка и тетя. По телевизору показывают Мальту: «Этому дому 900 лет». Дом – можно сказать, современник Российского государства, и он сохранился. А много ли старинных домов сохранили мы? Каждый дом – это люди и история.

Продав после смерти дедушки в 1927 г. дом и расставшись с Бердянском, Королевские сначала избрали местом жительства Мариуполь, где обитали их родственники Николаевы. Затем перебрались в Ялту, где обосновались Кирановы и где в одиночестве жил еще один родственник Дмитрий Николаев, в прошлом моряк, то ли судовой штурман, то ли каботажный капитан. После его смерти в 1930-е гг. в нашем доме появились кресло-качалка и морские раковины. Бывая на Ливадийском кладбище, мы после посещения могилы моей матери (и тети Нюси после ее смерти) обязательно подходили к простенькому металлическому кресту на месте захоронения дяди Мити (Николаева).

Дом на внутреннем склоне Поликуровского холма, на карабкающейся вверх мощенной брусчаткой улице был очень своеобразным. По существу, это был дом, состоящий из двух зданий, слившихся воедино. На улицу выходило двухэтажное строение с полуподвалом, который сдавался как жилое помещение. Вдоль улицы тянулась глухая стена второго этажа, которая завершалась нашей квартирой с балконом и окнами на улицу. Мы одновременно располагались на третьем этаже со стороны двора и на низком втором (точнее полуторном) со стороны улицы. К этому строению примыкало другое, трехэтажное, с длинными застекленными встроенными в здание верандами. Подобная веранда имела и на центровом этаже нашего строения. Застекленные веранды характерны для юга России. Дом был частным, но с тремя домовладениями. В трехэтажке два верхних этажа принадлежали одному хозяину, нижний – другому. Жильцы делились на постоянных и временных,

меняющихся. Короткое время в нашем доме снимал комнату одинокий мужчина по фамилии Вовк. Это был передовой человек. Он по утрам пил бульон из растворимых кубиков и приобрел невиданное чудо – мотоцикл. Когда он на мотоцикле выезжал со двора осторожно, боясь наехать на прохожих, то все мальчишки с Поликуровской сбегались смотреть на человека, ехавшего не на ишаке, а на «моторе». Так техника начала въезжать в задержавшуюся во времени архаику быта. Тетя Люся говорила: «Ну, как можно выйти за человека по фамилии «Вовк/Волк».

Наша квартира располагалась на стыке двух сросшихся строений. В нее можно было попасть со стороны двора (поднимаясь по деревянной лестнице) и с улицы, с отдельного изолированного входа на балкон. Можно было войти с одного входа, а выйти незамеченным – с другого. Предполагаю, что ее подобрал Королевским отец Димитрий. Была в ней и потайная комната – спальня с кроватью, которой пользовалась тетя Люся. Это была классическая конспиративная квартира.

Современных бытовых условий не было. Отсутствовал туалет. Пользовались горшками, которые затем выносились в общедомовой туалет, расположенный отдельно во дворе (на две кабины). Не было и кухни. Ее функции выполнял коридорчик-прихожая. Еду готовили на так называемой керосинке (керосиновая печка для приготовления пищи и обогрева) или на примусе. Керосинка была, по сути, фитильной лампой, а примус – прибором, накачиваемым керосином под давлением. Горючее (керосин) приобреталось в специальных лавках. Стационарной печки в квартире не было. Гладили белье утюгами, которые накалялись заложенным в них горячим древесным углем. В подобных бытовых условиях жили миллионы граждан.

Но вот питался я очень даже неплохо. Продукты, по большей части, с рынка. Готовила бабушка чудесно, особенно рыбу (кефаль, камбалу, ставриду) и овощные блюда (например, соте). И еще помню тюрю (холодный хлебный суп) и сладкий гоголь-моголь из взбитых яиц,

Человек живет в разных социальных сферах, каждая из которых встроена в другую, более объемную: семейная, родственная, многоквартирный дом с дворовым участком, улица (в широком смысле этого слова) и т.д. Я рос с середины 1930-х гг. с бабушкой и тетей. Отец, начинающий поэт, после смерти моей матери не нашел в себе силы противостоять алкогольному злу.

С детства я привыкал к жизни в разных пространственных измерениях. Когда подросток, то в отсутствие тети и бабушки вылезал из коридор-

чика-кухни на крышу полутораэтажной части дома и гулял по ней. Там я учился смотреть на жизнь свысока.

Детство и Ялта в моих воспоминаниях связаны неразрывно. Ялта в узком смысле этого слова включала Поликуровский холм, Массандровскую слободку и припортовые кварталы с рынком. За рекой Дерекойкой (Быстрой) начиналась другая Ялта, курортная и санаторная, с Набережной, Дарсаном и долиной реки Водопадной. На восточном склоне Дарсана выделяется Армянская церковь. Это были уже не совсем родные места, места с некой чужинкой.

Набережная, через которую лежит путь к Волобуевым, кажется бесконечной. Ее визитной карточкой являются два ресторана-поплавка (их так называли) на деревянных платформах, покоящихся на сваях. У парапета Набережной всегда люди, вдоль Набережной носятся чайки, которых гуляющие угощают кусочками булочек. Разглядываю витрины магазинов и читаю вслух вывески. Во-первых, интересно. Во-вторых, гордо демонстрирую свое умение читать. Одет я в матроску (мое выходное одеяние). До сих пор не знаю, было ли это тогда модным или это шло от дореволюционных времен, от царевича Алексея. Зимой ношу пальтишко и белый мягкий башлык.

Когда я вернулся в город моего детства после войны, то удивился, сколь коротка Набережная. От моста через Дерекойку до моста через Водопадную рукой подать. Окружающее предстает в разных масштабах в зависимости от возраста и опыта.

Если идти от порта по Массандровской (ныне улице Дражинского), то, нырнув вниз на Нижне-Массандровскую, а затем, поднявшись по ней же вверх, окажешься у выхода с улицы-дуги на улицу Слободскую, где жили Кирановы. Некоторое время меня водили в детский садик, который находился на улице Нижне-Массандровской. Улица была экзотической, выгнута опрокинутой дугой, в глубинной части которой располагались жилые домики на сваях. Под жилыми помещениями плескалось море. И мне очень хотелось побывать в одном из них в часы шторма.

Наш детский садик занимал на Нижне-Массандровской дореволюционную дачу (мне хочется думать, да и в детстве от кого-то слышал, что это была в прошлом дача генерала Петра Врангеля). Подойдя к перилам балюстрады, окаймлявшим на обрывистом берегу дачный дворик, можно было сверху любоваться морскими просторами. Детский сад я не любил. Пребыванию в коллективе предпочитал одиночество. В группе детей я был самым маленьким по росту, что и запечатлела групповая фотография. В общем, ребенком я был хилым и находился на учете

в Ялтинском противотуберкулезном диспансере. Физически развивался медленно и всегда выглядел младше своих сверстников.

Во дворе нашего дома играть было не с кем. В доме, кроме меня, росло двое детей: в одной семье Яша, существенно старше меня (я, мелюзга, был ему ни к чему), в другой Соня, тоже старше, но чуть-чуть. С Соней мы «дружили» странновато. Без общих игр. Помню, сидели за столом на ее веранде и чем-то делились (кажется, школьными впечатлениями) и о чем-то спорили. С Яшей изредка находили общее занятие во дворе, иногда совершали «выходы», летом на Массандровский пляж. На пляж вела тропинка по склону холма, параллельно Верхне-Слободской улице. Мы по ней бегали летом босиком.

Рано утром просыпался на балконе под цоканье ослиных копыт и крик погонщиков «Катык!». Катык – вид кисломолочного продукта. Он густой, гуще киселя, и может быть разбавлен водой или молоком. Говорили, что катык доставляют из татарского села Верхний Узен-баш (Озен-баш), расположенного по ту, другую сторону Яйлы (и горное пастбище, а иногда и горная гряда). В Ялту оттуда было ближе, чем в Бахчисарай. Да и рынки не сравнимы.

Ребенком я был самодостаточным. Одиночество переносил легко, не скучая. Придумывал игры. На балконе у меня была самодельная картонная крепость, со стенами и башнями. Вместе с оловянными солдатами я то ее штурмовал, то защищал. В придумывании игр с рыцарскими сюжетами использовал довольно разнообразную библиотеку «от предков». Значительную ее часть составляли книги отца Дмитрия.

Вхождение в мир книг

Читать научился рано. Когда – установить не могу. Но лет в пять уже сносно читал. В первом–втором классах у меня был только один

соперник-чтец, по фамилии Шевченко. Читать было что. Из довоенных детских книг на меня наибольшее впечатление произвели «Борьба за огонь» Рони-старшего (прочел за один день) и «Волшебник Изумрудного города» Волкова. Последнюю я даже вслух читал ребятам с улицы. Слушали с удовольствием. Нао, Нам и Гав – трое героев «Борьбы за огонь» с их путешествиями – познаниями мира зверей и древних людей – запомнились навсегда.

Зачитывался однотомником Пушкина. Богато иллюстрированная книга (с дарственной надписью от Бердянской гимназии) была подарена моему дяде Жене за успехи в учебе. Кое-что выучил наизусть. С упоением

декламировал стихи о Полтавском бое. Нравились трагедийные стихотворения, такие как «Утопленник» («Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца») и «Воевода» (по Мицкевичу): «Пан и хлопец под забором тихим крадутся дозором» (работает воображение), «Воевода закричал, воевода пошатнулся... Хлопец, видно, промахнулся: прямо в лоб ему попал» (потрясающая концовка со скрытой усмешкой).

Вторым после Пушкина для меня стал малоизвестный ныне детский поэт и писатель А.А.Федоров-Давыдов. Потрепанная книга его стихотворений, издания 1907 г., хранится в моей библиотеке до сих пор. Это сборник баллад, легенд, былин, сказок. Их героями были витязи и викинги, рыцари и разбойники, Авдотья-Рязаночка и царевна-лягушка. В поэтическом творчестве Федорова-Давыдова неприкрыто сквозили нравоучительные нотки. Но они не мешали слышать, как шумит морская волна, и при виде родного берега викинг кричит: «Эгой!». Я раскрасил некоторые черно-белые иллюстрации в книге, в числе их были и рисунки к «восточному сказу» «Мешок земли». Заканчивался этот сказ о жестокосердном, но прозревшем калифе и мудром кади (судье) так: «Слава вечная Аллаху, – дал он сердце человеку, где заронены им зерна Правды, милости, добра». На подобных художественных образах из мальчика формируется Человек.

Еще одним волнующим воображение поэтом был Алексей Константинович Толстой. Зачитывался его поэтическими творениями на древнерусские и средневековые темы («Три побоища» и др.). Прочел также роман «Князь Серебряный».

Разумеется, знал детские стихи Корнея Чуковского («Мойдодыр», «Айболит», «Муха-цокотуха» и т.д.), Сергея Михалкова («Дядя Степа», «Дело было вечером...» и т.д.), Самуила Маршака («Вот какой рассеянный», «Багаж», «Ищут пожарные, ищет милиция» и т.д.). Стихи неотразимые для младшего возраста. А тут еще и ул. Бассейная с ее рассеянным человечком под боком, на Поликуровском холме.

Читал сказки не только русские, но и крымскотатарские, армянские. Последние с особым удовольствием. Меня всегда тянуло к экзотике. Запомнились злые и добрые дэвы, сладкоголосая птица Азаранбулбюль, смелая и умная Анаит.

Была у меня и своя небольшая детская библиотека. В ней имелись иллюстрированные «12 подвигов Геракла». Я эту книжку любил, и уже на исходе лет было приятно узнать, что известный этнограф Ян Чеснов читал ее «с упоением». И еще одно ощущение детства и юности по отношению к книгам было созвучно с таковым у Чеснова, вспоминавшего:

«Читал я по 200–250 страниц в день в день, боялся мало прочитать» [2].

Из русских классиков я предпочитал Гоголя, с его возвышенным романтизмом, хичкоковской склонностью к ужасам, заостренно точечным описанием бытовых реалий и украинских сельчан. Любимо-пугающей была повесть-притча «Страшная месть». Тогда я воспринимал лишь внешнюю сюжетную канву произведения и не улавливал сути: зло возвращается к тому, кто его творит. Сегодня я бы советовал читать «Страшную месть» на ночь кровавым диктаторам.

Из зарубежной литературы отмечаю только то, что нравилось: древнегреческие мифы (книжка, повествующая о подвигах Геракла, и др.), сказки Оскара Уайльда и его «Портрет Дориана Грея» (не все понимал, но впечатлило), сатирическую поэзию Генриха Гейне (конечно, также не все понимал, но хлесткие сатирические строки были наполнены неприятием человеческой гнуси).

Любимым зарубежным автором был Шекспир. Запоем читал его исторические хроники. Война Алой и Белой розы, Йорки и Ланкастеры, Ричарды и Эдуарды! Чтение вызвало интерес к географической и исторической литературе. В библиотеке имелся большой географический атлас, над которым я мог просиживать часами. Помнил и мог показать все английские герцогства и графства. Освоил политическую карту мира. Знал, у каких стран были какие колонии. Читал фрагментами Дарвина «Путешествие на корабле "Бигль"», Гончарова «Фрегат "Паллада"», прочел небольшую книжечку о путешественниках-первопроходцах внутриконтинентальной Австралии (запомнились «крики» – пересохшие русла рек). Часто заглядывал в богато иллюстрированное «Народоведение».

В библиотеке было немало исторической литературы. Самой доступной для меня была четырехтомная «Всемирная история» Оскара Иегера. Я мог бесконечно рассматривать ее иллюстрации. Заодно черпал сведения о событиях и личностях, от Теодориха в Равенне (позже ассоциация с «Равенной» Блока: «Все, что минутно, все, что бrenно, похоронила ты в веках...») до генерала Тоги под Порт-Артуром (изображен стоящем на занятой японцами высоте со звездой на околыше фуражки и с биноклем). В моей библиотеке осталось два последних тома издания 1904 г. На одном из них, 4-м, сквозь вымаранную печать можно разобрать «Дмитрий Киранов». С интересом прочел научно-популярную книжечку о Древнем Вавилоне. Запомнился покровитель города бог Мардук, создавший из тела убитой им Тиамат («та, что родила всех») небо и землю.

Перебрав нашу библиотеку (большинство ее книг меня тогда не заинтересовало), я повадился ходить в гости к соседям по дому – Турчинским. Евгения Сабиновна, жена юрисконсульта, всю оставшуюся жизнь переживала гибель своего сына. Он, молодой человек, насколько мне помнится, был убит в начале 1920-х гг. в поезде, который шел из Севастополя в Симферополь. Евгения Сабиновна тепло относилась ко мне. В семье Турчинских я чувствовал себя почти как дома. У Турчинских был комплект журнала «Вокруг света» (журнал существует до сих пор), где печатались рассказы Артура Конан-Дойля, Герберта Уэллса, Джека Лондона. Джека Лондона я полюбил на всю жизнь. Особенно «Рассказы южных морей» с их картинами Полинезии и Меланезии, с их страшными Соломоновыми островами и бесстрашными героями. Запомнилось (возможно, уже позже): в Гувуто и на Гобото (Соломоновы острова) пили даже в промежутке между двумя выпивками.

Обрывочных знаний отложилось в детской голове немало. Но из них уже складывалась картина мира с многообразием стран, народов, религий. Можно сказать, что я постигал масштабы и объемность земного мира. Моя малая родина Ялта была лишь точкой на географической карте. А гора Ай-Петри и загоризонтное Черное море переставали ощущаться как границы осознанной сферы своего существования. Мир расширился, включая в себя частями всю геосферу и историосферу.

Предвоенная Ялта. 1939–1941

В 1938 г., когда мне исполнилось 7 лет, наступило время включения в школьную жизнь. Начальная школа, в которую я ходил, располагалась на стыке Симферопольского шоссе и ул. Руданского. Учебу в этой школе не запомнил. Но проблем с учебой, видимо, не было. В первом-втором классах у меня был только один соперник по чтению, с фамилией Шевченко. А вот письменность мне давалась тяжело. Писал коряво, делал много ошибок. Был невнимателен.

В школе учились дети из разных по национальной принадлежности семей: русских, украинских, крымскотатарских, греческих, армянских, еврейских, польских, немецких. Ялта была многоэтническим городом, как и все причерноморские и приазовские города. Как-то, выступая с тостом на послеконференциальном застолье в Нальчике, я сказал, что родился в южном городе, где были три православных церкви, две мечети (в пригородах), армянская церковь и римско-католический костел. (Правда, в атеистические 1930-е почти все религиозные центры закры-

ли). Свидетельствую: в детские годы я ни разу не слышал оскорбительных высказываний о той или иной национальности или религиозной принадлежности родителей. Это не значит, что не было антисемитов и русофобов. Но вся общественная, сложившиеся за два имперских века атмосфера заставляла их не проявлять этого публично.

От школы короткий спуск к рынку с Поликуровского холма. На большой переменке можно сбегать на рынок. Меньше пяти минут бегом. Весной там полно сладкой черешни. Мало того, что ешь ягоду, так еще и плюешься косточкой. Осенью прилавки завалены разными фруктами, пахнут яблоками и айвой. В районе рынка и порта прямо на улице продают вкуснейшие чебуреки, жарившиеся в бараньем жиру в специальном переносном блестящем котле, установленном на треноге. Чебуреки были горячие, под котлом тлел, поддерживая жар, древесный уголь. Можно было выпить кисло-сладкой бело-мутной бузы. На рынке куда как веселее, чем в школе.

По воскресеньям, бывало, ходили в гости или ездили то на Ливадийское кладбище, то на какую-либо экскурсию. Из экскурсий запомнил две: в Алупку, где автобус останавливался на крохотной площади, от которой спускались к Воронцовскому музею-дворцу, и во дворец эмира Бухарского, на западной окраине Ялты, где также находился музей с экспонатами восточных культур. Помню, как посетители восторгались удивительно тонкой, изысканной работой китайских мастеров – ажурными яйцами, вырезанными из кости так, что каждое следующее из них располагалось внутри предыдущего. Будучи в Ливадии, с удовольствием гуляли по дворцовому парку.

Мои первые школьные годы были годами втягивания людей в кровавый геополитический абсурд.

Испанские дети, выстроенные колонной в отряды, проходят по ялтинской Набережной. Все они одинаково одеты и в головных уборах-пилотках с кисточками, так называемых «испанках». Это вывезенные из охваченной гражданской войной Испании дети отдыхают в пионерском лагере «Артек». Пилотки-испанки, которые вошли в советскую моду, – предвестники надвигающейся на мир опасности. Но мы еще не вполне это осознаем.

Справка: «Можно точно сказать, что первая партия испанских пилоток в СССР была изготовлена специально для испанских детей, причем, судя по фото, все эти пилотки были, вероятнее всего, защитного цвета, с кисточками, но без суэта и имели в передней части большую, нашитую практически во всю высоту, красную звезду в желтой окантов-

ке. Именно в таких пилотках отдыхали уже летом 1937 года испанские дети в Крыму в детском лагере "Артек"» [5].

В журналах, в том числе и детских, которые мне попадались, описывался героизм республиканских бойцов и зверства испано-фашистских войск, с акцентом на участие в них солдат-марокканцев. Испанию по-любили. Испанией восхищались.

Гражданской войне в Испании предшествовала итало-эфиопская война 1935–1936 гг. О ней я ничего не помню, но какая-то связь между агрессией Италии в Эфиопии и моим ранним интересом к истории Абиссинии–Эфиопии, полагаю, имелась. Я выискивал в книгах сведения об Эфиопии и мечтал когда-нибудь в ней побывать. Эта мечта, как и многие другие, не сбылась.

Как-то мне попала оказавшаяся у нас дома книга Лиона Фейхтвангера «Семья Оппенгейм». В ней описывалась еврейская семья, судьба которой оказалась изломанной и ископанной с приходом фашистов-гитлеровцев к власти в Германии. Она вызывала сочувствие к судьбам людей, оказавшихся жертвами истории только по причине их национальной принадлежности. И кто знал, что жестокая история скоро вломится в наши дома и наши судьбы.

В детских книгах я читал о доблестной Красной армии и ее полководцах. О Ворошилове и Буденном. В 1939 г. взрослые и дети запели «Марш советских танкистов»:

Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин

И первый маршал в бой нас поведет.

В том же 1939 г. в кинотеатрах крутили фильм Александра Довженко «Щорс». Я был от фильма в восторге и смотрел его, кажется, дважды. Молодежь готовили к войне. Размышляя о тех годах на склоне лет нынешних, думаю, как случилось, что готовили-готовили, а Красная Армия развалилась в скоростном режиме. И прихожу к заключению: немалую роль сыграло и то обстоятельство, что в первые месяцы войны образовался психоидеологический разрыв между внушенной верой в нашу непобедимую Силу, в наше могущество и реальностью положения на фронтах. Произошло крушение надежд и мифов, возобладали страх, растерянность, неверие. Нельзя недооценивать психо-ментальную составляющую природы человека на войне. А на одном вербальном убеждении в пору общественных кризисов далеко не уедешь. Вера у большинства людей хрупка и поверхностна, она держится пока сохраняется опирающейся на нее политический режим.

В том же 1939 г. между Германией и Советским Союзом был заключен так называемый пакт Молотова–Риббентропа и началась Вторая мировая война.

В детстве я был слабым, болезненным. Регулярно заставляли пить рыбий жир, который вызывал отвращение. Летом 1940 г. я по путевке вместе с группой детей из Ялты был направлен в недавно тогда открытый в Нижних Отузах и принадлежащий Крымскому облздравотделу детский противотуберкулезный санаторий (ныне пос. Курортное Феодосийского городского округа, известный больше как Биостанция). Прилегающий к морю санаторий с парком мне понравился. Отузская долина, расположенная у подножия Карадага (по другую сторону Карадага – известный курорт Коктебель) славится своими виноградниками и садами. Природа и место отдыха пришлись по душе. Но на обратном пути морем из Феодосии в Ялту наше судно попало в шторм и меня укачало. Это было летом 1940 г.

В квартире накануне войны появился репродуктор, и я пристрастился слушать последние известия. Международная политика становилась частью жизни. Все больше внимания приковывал Восток с его японской агрессией. Но с началом Второй мировой войны необъяснимым чудом показались военные успехи гитлеровской Германии в Европе. Я по карте следил, как после «падения Парижа» (что там с дядей Женей?) германские войска крушили вековые европейские государства. Но в школе о войне никто не говорил. Собеседников на эти темы не было. У меня был зато не столько собеседник, сколько слушатель в нашем доме – одинокий мужчина пожилого возраста по фамилии Жарких.

Оставался год до перевернувшей жизнь Великой Отечественной войны.

Библиографический список

1. Абраменко Л.М. Последняя обитель. Крым. 1920–1921 годы. Киев: МАУП, 2005. 479 с.
2. Бельская Г. Портрет ученого // Знание-сила. 2002. №3. С. 14–26.
3. Волобуев Олег. Ялта. 1948–1950 // Россия XXI. 2022. №2. С. 132–159.
4. Доклад бывшего члена коллегии Наркомнаца Султан-Галиева о положении в Крыму // Крымский архив. 1996. №2. С. 83–97.
5. Зубкин А. Пилотка «испанка» в Испании и СССР // Living history – Живая история, 12.10.2019. См.: URL: <https://vk.com/@-108174696-aleksandr-zubkin-pilotka-ispanska-v-ispanii-i-sssr> (дата обращения – 2.06.2025).

6. Матеріали з історії Бердянського державного педагогічного університету. Бердянська чоловіча гімназія (1901–1919 роки). Т.2 / [сост.: І.І.Лиман, д.іст.н., проф., В.М.Константінова, к.іст.н., доц.]. Київ: Освіта України, 2007. 630 с.

7. Яблочкина И.В. Рецидивы гражданской войны: Антигосударственные вооруженные выступления и повстанческие движения в Советской России. 1921–1925 гг. М.: Фирма «Хельга», 2000. 495 с.

Наши авторы

Богданов Андрей Петрович

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН, Москва

Андреев Александр Николаевич

доктор исторических наук,
профессор кафедры истории России
средневековья и нового времени РГГУ

Горлов Владимир Николаевич

доктор исторических наук,
профессор кафедры исторических наук и архивоведения,
Московский государственный лингвистический университет

Келлер Андрей Викторович

доктор исторических наук, профессор РГГУ

Костырченко Геннадий Васильевич

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН

Татаринов Игорь Евгеньевич

кандидат исторических наук,
доцент кафедры государственной политики
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет
имени Владимира Даля», г.Луганск, ЛНР

Волобуев Олег Владимирович

доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник, Московский областной
педагогический университет

Our authors

Bogdanov Andrey Petrovich

D.Sci., historian, Leading Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Andreev Alexander Nikolaevich

D.Sci., historian, Professor, Department of Russian History of the Middle Ages and Modern Times, Russian State University for the Humanities

Gorlov Vladimir Nikolaevich

D. Sci., historian, Professor of the Department of Historical Sciences and Archival Studies, Moscow State Linguistic University

Keller Andrei Victorovich

D.Sci., historian, Professor, Professor Chair of Early and Early Modern Russian History, Russian State University for Humanities

Kostyrchenko Gennadii Vasil'evich

D.Sci., historian, leading researcher, FGBUN Institute of Russian History, the Russian Academy of Sciences

Tatarinov Igor' Evgen'evich

Ph.D., Associate Professor, historian, Associate Professor of the Department of State Policy, Vladimir Dahl Lugansk State University, Lugansk, Lugansk People's Republic

Volobuev Oleg Vladimirovich

D.Sci., historian, Professor, Chief Researcher of the Moscow State Regional University

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

**Подписной индекс П8643
по объединенному каталогу
«ПОЧТА РОССИИ»**

(Подписка возможна с любого месяца)

**Вы можете приобрести журнал
НА НАШЕМ САЙТЕ KNIGI.ECC.RU
ИЛИ В ОФИСЕ РЕДАКЦИИ**

**Подписка на электронную
версию журнала через Научную
электронную библиотеку:
www.elibrary.ru**

ISSN 0869–8503

Учредитель:
Экспериментальный творческий фонд
развития науки и культуры

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI», 2025.
Цена свободная.

Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495) 691-50-03, факс (495) 694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.

Подписано в печать 15.08.2025. Формат 60х90 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 11,375 печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 100 экз.) Заказ № 219994

Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии»,
109316, Москва, Волгоградский пр., д. 42, корп. 5.

2. 2025 April–June



National Doctrine

Andrey Bogdanov

Princess Sophia and Her Favourites. End _____ 6



Russia in the World

Alexander Andreev

“The Free Stone Church Building is Willingly
Allowed by His Royal Majesty... ”:
how and when Catholic Church
Construction was Permitted in Russia _____ 42



Labels and Myths

Andrei Keller

V.I.Lenin's Double in Smolny
Based on I.I.Brodsky's Painting _____ 66



Resources of Nation

Vladimir Gorlov

Discussions in Society about the Place
of the Cooperative Form of Economy
in the Economic System of the Soviet
State in the 1920s _____ 92



Topical Archive

Gennadii Kostyrchenko

Hitler's "Eastern Policy":
What Future did the Nazis Prepare
for the Peoples of the USSR _____ 112



Pages of History

Igor' Tatarinov

"Meeting the Wishes of the Workers...":
Attempts to Correct the Russian-Ukrainian
Interrepublican Border
in 1928–1944 _____ 134

Oleg Volobuev

Childhood years. Yalta.
December 1931 – June 1941 _____ 156

РОССІЯ XXІ